

ISSN 0131-677X

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

СОВЕТСКАЯ
ТЮРКОЛОГИЯ

La Turcologie soviétique
Soviet Turkology
Sowjetische Türkologie

1

БАКУ . 1990

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 1

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

БАКУ — 1990

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
ACADEMY OF SCIENCES OF THE AZERBAIJAN SSR

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ
LA TURCOLOGIE SOVIETIQUE
SOVIET TURKOLOGY
SOWJETISCHE TURKOLOGIE

Редакционная коллегия: главный редактор Э. Р. Тенишев (Москва), зам. главного редактора С. Н. Иванов (Ленинград), первый зам. главного редактора А. М. Мамедов (Баку), зам. главного редактора К. М. Мусаев (Москва), И. Х. Ахматов (Нальчик), А. А. Ахундов (Баку), Р. Б. Бердибаев (Алма-Ата), Г. Ф. Благова (Москва), Н. З. Гаджиева (Москва), Э. А. Грунина (Москва), Е. З. Кажибеков (Алма-Ата), И. В. Кормушин (Москва), Л. С. Левитская (Москва), Т. Д. Меликов (Москва), Б. А. Набиев (Баку), Б. А. Назаров (Ташкент), Е. А. Поцелуевский (Москва), К. К. Султанов (Москва), З. Г. Ураксин (Уфа), А. А. Чеченов (Москва), А. М. Щербак (Ленинград).

Ответственный секретарь
Н. Г. Наджафов

«Советская тюркология», 370143, Баку, пр. Нариманова, 31. Академгородок. Тел.: 39-24-57, 39-22-86.

Editorial board: editor-in-chief E. R. Tenishev (Moscow), assistant editor S. N. Ivanov (Leningrad), the first assistant editor A. M. Mamedov (Baku), assistant editor K. M. Musayev (Moscow), I. H. Akhmatov (Nalchik), A. A. Akhundov (Baku), R. B. Berdibayev (Alma-Ata), G. F. Blagova (Moscow), N. Z. Gadzhdiyeva (Moscow), E. A. Grunina (Moscow), E. Z. Kazhibekov (Alma-Ata), I. V. Kormushin (Moscow), L. S. Levitskaya (Moscow), T. D. Melikov (Moscow), B. A. Nabyev (Baku), B. A. Nazarov (Tashkent), J. A. Potseluyevsky (Moscow), K. K. Sultanov (Moscow), Z. G. Uraksin (Ufa), A. A. Chechenov (Moscow), A. M. Scherbak (Leningrad).

Executive secretary
N. G. Nadzhatov

«Sovjetskaja tjurkologija», Akademija nauk
Azerbajdžanskoj SSR,
370143, Baku, prosp. Narimanova, 31.
Tel.: 39-24-57, 39-22-86.

The journal is published 6 times a year. Subscriptions should be sent to «Mezhdunarodnaya Kniga (Moscow F-200). Annual subscription 6 roubles 60 kopeks.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Э. Р. ТЕНИШЕВ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ «ГРАММАТИКИ
АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА»

«Грамматика алтайского языка» [1] в обиходе именуется более кратко — «Алтайская грамматика». Имена ее авторов на титульном листе не указаны. По предположению Ф. Д. Ашнина, авторами «Грамматики алтайского языка» были В. И. Вербицкий, Макарий Невский и главным образом Н. И. Ильминский [2. С. 44—61]. Утверждение «главным образом» основано на том, что принявшийся за составление грамматики В. И. Вербицкий, по его собственному признанию, не знал ни одного восточного языка и добирался «до всего впотымах, ощупью» [2. С. 45]. Так долго продолжаться не могло, и работа над грамматикой в конце концов перешла в руки Н. И. Ильминского, который формально числился редактором сочинения и охотно помогал В. И. Вербицкому советом и книгами.

Строгий и щепетильный в научных делах, Н. И. Ильминский привлек для помощи и справок практически владевшего алтайскими наречиями Макария Невского. Правка первоначального текста грамматики была настолько значительной, что хотя она и испугала В. И. Вербицкого, но в то же время заставила его и примириться с ней [2. С. 50]. Все это заставляет думать, что истинным творцом «Алтайской грамматики» был Н. И. Ильминский [2. С. 61].

Н. И. Ильминский тяготел к теоретическому изучению живых тюркских языков, особенно неизвестных науке. Его внимание привлекали языки Сибири. И вполне возможно, что мысль о составлении грамматического пособия по алтайскому языку подал В. И. Вербицкому именно Н. И. Ильминский [2. С. 44]. В дальнейшем он сам обеспечил научно-теоретическую основу труда [2. С. 58]. Н. И. Ильминский, оставаясь самым взыскательным судьей своей работы, полагал, что «Грамматика алтайского языка» далека от совершенства и что более надежная грамматика — это «имеющая быть разработанной и усовершенствованной на месте, в самом Алтае» [2. С. 59].

«Грамматика алтайского языка» открывается вводной частью, где названы предмет, метод и неточники.

«Главным предметом настоящей грамматики мы поставили... алтайский язык, — пишут авторы, — т. е. наречие телеутов и калмыков» [1. С. IV]. Далее они продолжают: «Но, впрочем, указывали отчасти и особенности кондомского и черневого поднаречия, делали послынные сближения в грамматических формах и словаре с древнетюркским языком, с казанским татарским наречием, делали указания на формы киргизского языка» [1. С. IV].

Методическая установка на сравнение с алтайскими диалектами и тюркскими языками раздвигала рамки чисто описательной грамматики, превращая ее в сопоставительно-исторический труд, удовлетворяющий научно-теоретические потребности. Чрезвычайно интересен и второй методический принцип авторов «Алтайской грамматики» — «...проследить внутреннее значение форм, синтаксические законы, вообще, так сказать, логику алтайского языка» [1. С. IV]. Для выяснения внутреннего значения форм полезным и единственным пособием являлась «Грамматика монгольско-калмыцкого языка» А. А. Бобровникова [3. С. VII].

Не так часто можно встретить четко поставленную задачу по выявлению значений форм и смысла предложений в современных трудах, как это сделали авторы «Алтайской грамматики» 120 лет тому назад!

Касаясь источников «Алтайской грамматики», авторы пишут: «Желая опираться на подлинные факты, мы старались почти исключительно приводить в примеры оригинальные тексты алтайских народных произведений. При первоначальном составлении этого труда главнейшим и, можно сказать, единственным источником по части текстов служило собрание телеутских, отчасти кондомских народных произведений, составленное самими миссионерами» [1. С. VI]. «При окончательной же редакции, — продолжают авторы, — пособиями были: ... „Образцы народной литературы тюркских племен“ В. В. Радлова для текстов и примеров. Из этого сборника... мы привели большую часть примеров; кое-где, впрочем, предпочли варианты, имеющиеся в неизданных собраниях миссионеров» [1. С. VII]. И еще важное добавление, кончающее раздел источников: «...иногда только приводили мы примеры из переводов и лично нам известные ходячие обороты из разговорной речи» [1. С. VII]. Где, в каком современном труде по тюркской описательной грамматике можно найти такое скрупулезное указание источников? Это занятие нельзя полагать праздным: перечисление источников в грамматиках показывает состояние языка описания, степень его нормированности, что особенно важно, разумеется, для литературных языков.

Вводная часть «Алтайской грамматики» заканчивается утверждением, что «...главная цель этой грамматики — практическая, миссионерская, собственно научной цели мы не имели в виду» [1. С. VII].

Проанализировать каждое научное положение «Алтайской грамматики» невозможно. По объему это усилие потребует целой книги. Как самостоятельная задача такой анализ может быть выполнен в будущем.

Обратим внимание лишь на некоторые лингвистические положения общего и частного характера, воплощенные в этом труде. Под общими подразумеваются моменты лингвотeorетического порядка. Прежде всего, следует принять во внимание, что «Алтайская грамматика» описывает строй живой речи. В этом ее отличие от грамматик А. Казембека и А. Бобровникова, посвященных описанию книжно-письменных языков.

Приступая к собственно лингвистическому изложению, авторы «Алтайской грамматики» предваряют начальный раздел методически четким положением: «Законы алтайского языка, составляющие предмет грамматики, изложим в следующих трех отделениях.

1. Отделение фонетическое — о звуках и законах их сочетания и изменения;
2. Этимологическое — о производстве слов и их грамматических формах;
3. Синтаксическое — о составлении из отдельных слов предложений простых и сложных» [1. С. I].

Обращает на себя внимание стремление представить с самого начала языковые единицы в их взаимосвязи — в виде системы общей или частной.

Изложение фонетического раздела алтайского языка начинается с утверждения, что «1. В алтайском языке находятся следующие отдельные звуки...: 8 гласных звуков... 19 согласных. 2. Особенность гласных звуков состоит в их двойственности или парности» [1. С. 1—2], а особенность согласных звуков заключается в их делении на „жесткие” или „мягкие” [1. С. 4].

Такого системного подхода к «отдельным звукам» языка мы не найдем даже у авторов грамматик русского языка предшествующего «Алтайской грамматике» периода (30—50-е годы XIX в.), опытом которых мог бы воспользоваться лингвист-тюрколог. Например, в трудах Н. Греча, Г. Павского, А. Востокова звук не всегда отделяется от буквы [4. С. 58; 5. С. 6; 6. С. 2]. Правда, И. Давыдов в своем грамматическом описании русского языка дает более «фонетизированное» представление с «членораздельных звуках» [7. С. 32].

Морфология алтайского языка, которой посвящен второй отдел грамматики, делится на три раздела в следующем обосновании: «Так как грамматические изменения алтайцев разделяются на два вида — склоняемые и спрягаемые, или именные и глагольные, то все изменяемые слова алтайского языка достаточно разделить на две группы: имя и глагол, а неизменяемые составляют отдел частиц» [1. С. 19].

Основанием для деления грамматических групп служат лингвистические признаки. В названных грамматиках Н. Греча, Г. Павского, А. Востокова, И. Давыдова и П. Барщевского [4. С. 102; 5. С. 12—13; 6. С. 3; 8. С. 6] за принцип деления принимается понятийная, содержательная, сторона. Нет необходимости выяснять, чьи основы деления лучше, но нельзя не заметить последовательного морфологизма, воплощенного в «Алтайской грамматике». Обращая особое внимание на синтаксис, авторы грамматики вводят в него понятие системности: «Законы синтаксические у алтайцев очень систематичны: чтобы русский человек мог удовлетворительно выражать по-алтайски свои мысли, нужно по возможности в систематическом порядке изучить алтайский синтаксис» [1. С. III].

Системность в «Алтайской грамматике» наблюдается не только по горизонтали (внутри отдельных уровней), но и по вертикали (между отдельными уровнями): теперь это принято называть взаимодействием уровней. Наиболее выражено взаимодействие между морфологическим и синтаксическим уровнями языка. Если второй отдел — этимологический — содержит описание строевых черт языка в образовании слов и их изменении с приведением парадигм, то третий — синтаксический — посвящен полному раскрытию значений (функций) тех же падежей и времен, поскольку они реализуются в составе предложений.

Невозможно не заметить сходства позиций авторов «Алтайской грамматики» и И. А. Бодуэна де Куртенэ. Будучи в Казани (1874—1882), И. А. Бодуэн де Куртенэ также занимался соотношением между элементами языковой системы в разных ярусах или разных подсистемах языка: фонемы в составе морфем, слово как синтагма — в сфере морфологической структуры предложения. Синтаксис рассматривался им как «морфология высшего порядка». Для И. А. Бодуэна де Куртенэ морфология — в широком понимании этого термина — «душа» языковой системы [9. С. 33—38; 10. С. 116—117]. Автор этой законченной концепции И. А. Бодуэн де Куртенэ приехал в Казань через пять лет после выхода в свет «Алтайской грамматики»; разумеется, он не мог не познакомиться

с ней да и не изучить ее досконально. Естественно, возникает мысль о влиянии на взгляды Бодуэна де Куртена идей труда, а не наоборот — согласно привычному мышлению. Необходимо углубленно заняться этим вопросом с учетом всех существующих лингвистических исследований русских миссионеров. Привлекают внимание и общетюркологическая и конкретно-языковая трактовка алтайского материала.

Касаясь гласных звуков (*a, e; o, ö; y, ü; ы, і*), автор(ы) «Алтайской грамматики» отмечают: «Особенность гласных звуков в алтайском языке (и вообще в тюркских наречиях) состоит в их двойственности или парности, так что каждая из четырех пар гласных представляет, можно сказать, один и тот же звук, только произносимый толсто или тонко; *a, o, y, ы* суть толстые гласные; *e, ö, ü, і* — соответствующие им тонкие» [1. С. 2].

Ценность подобного деления гласных была понята последующими тюркологами и получила отражение во всех современных грамматиках тюркских языков. Разница только в терминах: вместо термина «толстые гласные» (*a, o, y, ы*) теперь принято употреблять «гласные заднего ряда», а вместо «тонкие гласные» (*e, ö, ü, і*) — «гласные переднего ряда».

Конечно, наука не стоит на месте, — современные тюркологи в классификацию гласных добавили еще две группы: гласные широкие и узкие и гласные губные — негубные.

Среди согласных звуков в «Алтайской грамматике» называются *к* и *г*; *к* и *г*; *т* и *д*; *с* и *з*; *ш* и *ж*; *п* и *б*, расположенные в шести парах... каждая пара есть как бы один звук, только произнесенный жестко или мягко: жесткими назовем *к, т, с, ш, п*; к ним еще должно отнести *ч*, не имеющее соответственно мягкого звука. Мягкие суть: *г, д, з, ж, б*; а к ним отнесем *н, ј, р, л, н, м*, которые также не имеют соответственных себе жестких звуков» [1. С. 4]. Принцип деления ясный и четкий: наличие или отсутствие голоса в артикуляции согласных. В современных грамматиках тюркских языков ряд «жестких» согласных принято именовать рядом «глухих», а ряд «мягких» — рядом «звонких и сонорных». Разумеется, в связи с развитием теоретической фонетики современные грамматики тюркских языков дают дифференцированные описания и классификацию согласных фонем, далеко ушедшие от описательной схемы в «Алтайской грамматике». Но нельзя не заметить, что автор(ы) грамматики стоят на научно правильном понимании природы согласных и ее отражении в фонетической структуре алтайского слова. Чрезвычайно любопытно подчеркивание парности (точнее — двойственности или парности) звуков — гласных и согласных, например: «каждая из четырех пар гласных» — (т. е. *a* и *e*; *o* и *ö*; *y* и *ü*; *ы* и *і*) или согласные *к* и *г*; *к* и *г*; *т* и *д*; *с* и *з*; *ш* и *ж*; *п* и *б* [1. С. 2, 4].

От этого противопоставления легко перейти и к пониманию различия звуков в составе сходно звучащих слов, т. е. к современным фонемам и их оттенкам!

Если взглянуть в «Граматику монгольско-калмыцкого языка» А. А. Бобровникова, которая, по словам авторов «Алтайской грамматики», была для них теоретической опорой, то можно убедиться, что фонетическое описание дано в ней очень экономно: гласные делятся на «твердые» (*a, o, y*) и «мягкие или глухие» (*э, ö, ü*), а согласные как особая группа звуков вообще не рассматриваются, согласные подаются в различных окружениях звуков вместе с гласными [3. С. 1, 6]. В «Грамматике турецко-татарского языка» М. А. Казем-Бека гласные и согласные описываются вместе в разделе «Произношение букв» [11. С. 6—30]. Таким

образом, в описании матрицы звуков отмечается полная независимость «Алтайской грамматики» от грамматик А. А. Бобровникова и М. А. Казем-Бека. Вслед за основными фонетическими единицами — «отдельными звуками» — в «Алтайской грамматике» рассматриваются взаимная связь и зависимость звуков и формулируются правила поведения их в потоке речи. В группе гласных подчеркивается закономерное следование звуков, в современных грамматиках именуемое гармонией гласных.

Об этом явлении в «Алтайской грамматике» сказано следующее: «Парность или двойственность гласных звуков (толстых и тонких) соответствует закону созвучия, состоящему в том, что в каждом слове гласные должны быть или все толстые или все тонкие. Этому же закону неуклонно подлежат все грамматические приставки: если к слову толстых звуков прибавляется приставка с гласным *a*, то в слове тонких звуков *a* заменяется гласным *e*; точно так же *o* заменяется *ö*, *ы*—*i* и т. д. Словом, заменяется один другим гласные звуки, состоящие в одной паре» [1. С. 6]. К этой формулировке, можно сказать, добавить нечего — настолько полно она выражена.

Наряду с гармонией по нёбному ряду в «Алтайской грамматике» приведена гармония гласных по губному ряду: «Есть еще другого рода соответствие, которым определяется последовательность их. На основании этого соответствия гласных в производных и грамматических приставках, там, где следовало бы, по общему правилу, поставить *a* (*e*), ставится *o* (*ö*), если в слове пред этими гласными стоит звук *o* (*ö*)... Но такое влияние прекращается, если между ним и приставкой помещается, например, *ы* (*i*) или *у* (*ü*)» [1. С. 8].

Этими правилами можно воспользоваться и теперь. В то же время такой полноты правила отсутствуют в грамматиках Бобровникова и Казем-Бека. А. А. Бобровников лишь указывает, что в монгольском слове «после *o* и *ö* не могут следовать в ближайшем слого буквы *a* и *э*» [3. С. 8] и что *a* огубляется после *ä* [3. С. 30—31]. В грамматике М. А. Казем-Бека о гармонии гласных особо не говорится.

В «Алтайской грамматике» выделена ассимиляция согласных, протекающая в конкретном звуковом окружении. Грамматика квалифицирует этот процесс как общее изменение звуков и отводит ему раздел: «Согласные буквы от влияния друг на друга изменяются:

а) *b* или *n* изменяются в *m* в присутствии *n*, и, наоборот, *m* переходит в *b* (*n*), когда пропадает *n*...

б) буква *n*, которая по норме тюркского языка всегда стоит в окончаниях притяжательного (т. е. родительного) и винительного падежей, изменяется в *д* (*t*): после согласных и после конечного долгого или сложного *у*...

в) наоборот, *д* в приставке исходного падежа *дан* изменяется в *n* после букв *m*, *n*, *н*...

г) *л*... изменяется в *д* (*t*) после согласного, кроме *p*, *й*» [1. С. 8—9].

Ассимиляцию согласных, развивая положения «Алтайской грамматики», отражают и грамматики современных тюркских языков. В грамматических трудах А. А. Бобровникова и М. А. Казем-Бека ассоциации согласных места не отведено совсем.

«Отделение фонетическое» «Алтайской грамматики» завершает глава, посвященная ударению. Ударения в слове, синтагме (словосочетании) и фразе различаются следующим образом: «В отдельном кратком слове, — утверждается в „Алтайской грамматике“, — ударение всегда стоит на последнем слого. Слово может удлиняться, принимая различные приставки... большая часть этих приставок переносит ударе-

ние на себя, но исключая следующие... Имена могут принимать за один раз несколько приставок. ... Ударение отступает к концу ... кроме ударения на конце, слышится еще другое ударение, так сказать, второстепенное, чрез один или два слога пред главным ударением ... Когда два слова соединены так, что одно для другого служит необходимым дополнением ... тогда эти слова в произношении соединяются под одно ударение. Наконец, в целом периоде речи ... существует одно господствующее ударение логическое, при котором частные ударения отдельных слов или словосочетаний получают значение второстепенное. Т. о. речь представляется вид волнообразного течения слегка повышающихся и понижающихся слогов» [1. С. 17—19]. Ударение в слове фиксированно — на последнем слоге, за некоторыми исключениями, вместе с тем и подвижно — переходит на последний слог словоформы. Кроме главного ударения на конце слова, существует второстепенное — ближе к началу слова. Во фразе следует различать логически господствующее ударение и ударения частные, второстепенные, ударные и безударные, создающие мелодический рисунок фразы.

Формулировка правил алтайского ударения в грамматике вполне современная, хотя экспериментальное обследование ударения в алтайском языке для создателей «Алтайской грамматики» было невозможно. Откуда же такое проникновение в природу алтайской интонации? Может быть, были источники? Самые ближайшие из них — это грамматики Бобровникова и Казем-Бека.

В грамматике А. А. Бобровникова относительно ударения сказано: «Повышение тона, или ударение, в монгольско-калмыцком языке бывает всегда на последнем слоге» и затем: «...ударение состоит только в повышении тона, а долгота или краткость, ясность или неясность зависят от других причин» [3. С. 33—34]; в грамматике же М. А. Казем-Бека об ударении — одна строка: «...почти всегда ударение бывает на последнем слоге» [11. С. 30]. Сравнение ударения в «Алтайской грамматике» и в трудах А. А. Бобровникова и М. А. Казем-Бека показывает, что научные достояния этого раздела — несомненная заслуга творцов «Алтайской грамматики».

В отделении втором «Алтайской грамматики» о грамматических формах слова говорится так: «В алтайском языке нет строгого различия между частями речи в окончаниях, какое существует, например, в русском языке: на одну и ту же букву может оканчиваться по значению и существительное, и прилагательное, и наречие, и глагол... Поэтому каждое качественное слово может стоять и как прилагательное, и как наречие без всякого изменения окончаний: *јақшы* 'хороший' и 'хорошо'; одно и то же слово может, без изменения окончания, употребляться как существительное и как прилагательное: *јарық* 'светлый' и 'свет'; *кӱрган* 'старый' и 'старик' [1. С. 19].

Приведенное положение содержит следующую мысль: для различения частей речи необходим учет синтаксического (функционального) критерия (помимо категориального и морфологического) — позиции слова в предложении (перед существительным, глаголом). Синтаксический критерий классификации частей речи, получивший развитие в грамматической концепции Н. К. Дмитриева, прочно вошел в грамматические исследования тюркских языков.

Подобное высказывание в отношении материала монгольского языка содержится в грамматике А. А. Бобровникова: «Различие между именами предметными и качественными по их употреблению состоит в том, что качественные имена без изменения формы могут употреб-

ляться и в значении русских существительных имен и в значении прилагательных» [З. С. 53]. В понимании синтаксического критерия различия частей речи нельзя не видеть преемственности взглядов в «Алтайской грамматике» и грамматике А. А. Бобровникова.

В «Алтайской грамматике» замечена и объяснена такая важная морфологическая особенность, как необходимость уточнения положения предмета (лица) в пространстве и характера действия; при этом названы средства и способы выражения этих представлений. О локальной ориентации сказано: «Когда, для предупреждения неясности, нужно точно обозначить положение предмета, тогда между названием этого предмета и падежным послелогом вставляют особое имя, например: *ич* 'внутренность', *тыш* 'внешность', *ўст* 'верх', *алт* 'низ', *алын* 'перед', *кййн* 'зад', *ян* 'бок, сторона' и друг.» [1. С. 105].

Описанное явление выделено и в современных грамматиках тюркских языков; названы и средства его обозначения — служебные имена (или послелоги-имена). К служебным относятся группы имен, которые, сочетаясь с основным именем и изменяясь по падежам, теряют свое вещественное значение и становятся пространственными уточнителями. Данное морфологическое явление зафиксировано в грамматиках А. А. Бобровникова [З. С. 194] и М. А. Казем-Бека [11. С. 315], что еще раз свидетельствует о преемственности взглядов авторов «Алтайской грамматики» и авторов названных выше исследований.

Характер действия в «Алтайской грамматике» разъясняется следующим образом: «Сочетания глагола с деепричастием соединительным и иногда — слитным, между прочим, выражают те понятия, для которых в русском языке существуют виды глаголов и сложные с глаголами предлоги, чего нет в алтайском языке» [1. С. 184]. Авторы грамматики называют и фазы действия: начало, длительность, постепенное развитие, усиление, окончание. Характеристику действия современные тюркологические лингвисты отражают в грамматиках или исследуют специально, придерживаясь неоднозначной трактовки: то как видовых обозначений, то как выражения способов действия (Aktionsart).

У А. А. Бобровникова указано лишь выражение возможности и продолжительности действия через сочетание слитного деепричастия и вспомогательного глагола [З. С. 156—158], а у М. А. Казем-Бека не говорится об этом явлении вообще.

В отделении третьем «Алтайской грамматики», посвященном синтаксису, в числе именных словосочетаний приведен тип существительное—существительное: «Определениями могут быть предметные имена (существительные), обозначая: форму предмета, материал; например: *...таш тура* 'каменный дом', *алтын јўстўк* 'золотой перстень'... Предметное имя может служить также определением, показывая: занятия, сан, пол, возраст, например: *палықчы кйжі* 'рыбак-человек', *ер кйжі* 'мужчина', *уј кйжі* 'женщина', *қыс кйжі* 'девица', *пала кйжі* 'ребенок' [1. С. 113—114]. Подобные тюркские словосочетания, в которых существительные в позиции определения выполняют функцию относительных прилагательных, стали объектом внимания и грамматик, и монографических исследований. В грамматике А. А. Бобровникова об этих словосочетаниях сказано так: «Когда в предложении стекутся два предметных имени, из которых одно определяет другое, тогда имя определяющее полагается в падеже родительном» [З. С. 212—214].

Данное определение дополнено в грамматике М. А. Казем-Бека: «Отношение между двумя существительными, означающее зависимость, принадлежность одного лица или предмета другому и тому подобное,

выражается в грамматике словом «зафэ» [11. С. 374—377]. Автор(ы) «Алтайской грамматики», вероятно, принимали во внимание приведенные определения; но они пошли дальше—по пути более конкретной разработки своего материала. Наиболее сложным в «Алтайской грамматике» оказалось понимание придаточных, выраженных неличными оборотами: «Зависящие предложения составляют так же, как и определительные: если сказуемое зависящего предложения есть имя, то оно остается без всякой перемены, и если его сказуемое составляет глагол, то этот глагол обращается в причастие» [1. С. 199].

Иными словами, понимание «зависящих предложений» в «Алтайской грамматике» сводится к следующему: «зависящие предложения — это неличные (причастные, деепричастные) обороты, соответствующие по смыслу сложноподчиненным предложениям русского языка.

Исследователь алтайского языка Н. П. Дыренкова причастные и деепричастные обороты, имеющие или не имеющие свое особое подлежащее, относит к развернутым членам предложения [12. С. 269—291].

Вопрос о квалификации неличных оборотов в тюркских языках породил большую литературу, но не получил однозначного решения. Одна часть тюркологов (школа Н. К. Дмитриева) неличные обороты со своим подлежащим считает придаточными предложениями, другая относит их к членам предложения. Различные конструкции с причастными и деепричастными формами представлены в грамматиках А. А. Бобровникова [3. С. 305—326] и М. А. Казем-Бека [11. С. 439—444]. Что касается неличных конструкций, то здесь усматривается преемственность позиций «Алтайской грамматики» и грамматик А. А. Бобровникова и М. А. Казем-Бека.

Необходимо обратить внимание и на следующее. Приводимый в «Алтайской грамматике» сравнительный материал по алтайским диалектам свидетельствует о единстве южных диалектов и отличии их от диалектов северных. В 30-х годах это обстоятельство навело А. М. Сухотина на мысль считать возможным «...обслужить кумандинцев (а с ними вместе, конечно, и шалканцев) общим литературным (или хотя бы языком начального школьного обучения) с их соседями-шорцами» [13. С. 105—106].

Сейчас все население алтайцев пользуется литературным языком, основанным преимущественно на горно-алтайских (южных) диалектах. Но, может быть, следует сохранить также функциональную самостоятельность кумандинского и чалканского диалектов, близких к шорскому языку, давая им выход в школьное преподавание, прессу и радио?

В заключение мы можем сказать, что «Алтайская грамматика», несмотря на практические цели, по существу, — многостороннее оригинальное исследование, сохраняющее теоретическую ценность для общей лингвистики и для тюркского языкознания, особенно для теории грамматики. Написана она просто, изящно; правила легко запоминаются. Благодаря этому произведение приобрело солидную научную репутацию.

Под прямым воздействием «Алтайской грамматики» создана «Краткая грамматика казак-киргизского языка» П. М. Мелиоранского, особенно ее часть, посвященная синтаксису. В этом П. М. Мелиоранский признается сам: «...ни специалисты, ни тем более начинающие тюркологи не посетуют на меня, надеюсь, за то, что я отчасти повторил или перефразировал „Грамматику алтайского языка“, уже по той причине, что книга эта сделалась теперь, к сожалению, библиографической редкостью» [14. С. VI]. Далее он замечает, что автор «Грамматики алтай-

ского языка» отличался особенным даром проникновения в строй тюркских языков и предсказал долгую жизнь, именно поэтому его «прекрасной грамматике» уготована долгая жизнь [14. С. XII].

Систематически обращался к «Алтайской грамматике» А. Н. Самойлович в своем рукописном исследовании текинского говора туркменского языка [1. С. 39] и в крымско-татарской грамматике [15]. «На редкость превосходной» назвал «Алтайскую грамматику» Е. Д. Поливанов [16. С. 22]. А. М. Сухотин пришел к заключению, что наиболее полно и точно описывает строй алтайского языка именно «Алтайская грамматика» [13. С. 101]. К. Г. Залеман советовал каждому тюркологу «тщательно изучить сперва „Алтайскую грамматику“» [17. С. 37]. О. Прицак в трактовке синтаксиса «Алтайскую грамматику» признал одной из лучших грамматик по тюркским языкам [18. С. 572].

В настоящее время почти забытая «Алтайская грамматика» должна с новой силой привлечь к себе внимание. Чтобы сделать грамматику доступной широкому кругу читателей — и теоретиков, и практиков, и учащихся, — надо издать ее вместе со «Словарем алтайского и ала-дагского наречий алтайского языка» В. И. Вербицкого в достаточном количестве экземпляров. Это — и наше желание, и наш долг.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Грамматика алтайского языка/ Составлена членами алтайской миссии. Казань: Университет. типография, 1869. III, VIII, 289+298.
2. Ашнин Ф. Д. Первая печатная научная грамматика алтайского языка: Проблема авторства//Тюркол. сб. 1975. М., 1978.
3. Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
4. Греч Н. Пространная русская грамматика. Спб., 1830. Т. 2.
5. Павский Г. Филологические наблюдения над составом русского языка. Спб., 1841.
6. Востоков А. Сокращенная русская грамматика. Спб., 1852.
7. Давыдов И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. Спб., 1852.
8. Барщевский П. Краткая русская грамматика/Составленная П. Барщевским по Буслаеву, Востокову, Гречу, Перевлесскому и Смирнову. Киев, 1865.
9. Бодуэн де Куртене И. А. Отрывки из лекций по фонетике и морфологии//Филол. зап. Воронеж, 1882. Вып. 2—3.
10. Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М., 1978.
11. Казем-Бек М. А. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846.
12. Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М.; Л., 1940.
13. Сухотин А. М. К проблеме национально-лингвистического районирования в Южной Сибири//Культура и письменность Востока. М., 1931. Пп. 7—8.
14. Мелиоранский П. М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Спб., 1897. Ч. 2: Синтаксис.
15. Самойлович А. Н. Опыт краткой крымско-татарской грамматики. Пг., 1916.
16. Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. М., 1931.
17. З(алеман) К. Рец.: Самоучитель сартовского языка: Чтение, письмо и грамматика сартовского языка: Соч. З. А. Алексеева с участием А. Вышнегорского. Ташкент, 1884//Зап. Вост. отд-ния импер. Рус. археол. о-ва, издаваемые под ред. управляющего отд-нием барона В. Р. Розена. Спб., 1887. Т. 1.
18. Pritsak O. Altaitürkische//Philologiae Turcaicae Fundamenta. Wiesbaden, 1959. Bd. 1.

Л. А. ПОКРОВСКАЯ

ФОРМООБРАЗОВАНИЕ И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К СЛОВООБРАЗОВАНИЮ И СЛОВОИЗМЕНЕНИЮ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

В научных грамматиках тюркских языков СССР выделяются обычно только два морфологических явления, образующих структуру слова: словообразование и словоизменение. Термин «словоизменение» в некоторых работах заменяется на «формообразование» — как его синоним. В то же время отдельные тюркологи под формообразованием понимают самостоятельное морфологическое явление, отличное от словоизменения. Такая неупорядоченность в понимании и употреблении указанных терминов восходит еще к 30-м и 40-м годам, когда акад. Л. В. Щерба, а затем акад. В. В. Виноградов разработали учение о формообразовании слова, т. е. о системе грамматических форм слова, в основном применительно к русскому языку. Однако в этой концепции оставалось еще много неясного, в частности не было четкого определения соотношения формообразования и словоизменения, хотя уже намечалось выделение не двух процессов морфологической деривации (словообразования и словоизменения), а трех, что соответствовало языковым фактам. Так, в академической грамматике русского языка (1952) все морфемы, образующие слова и их формы, были разделены на три группы: 1) словообразующие суффиксы, 2) формообразующие суффиксы, 3) флексии (или окончания), выражающие синтаксические отношения слов [1. С. 17].

Однако такая классификация морфем русского языка подходила только для флективных языков и не могла быть применена к языкам других морфологических типов (агглютинативного, аналитического и др.). Проблема морфологической структуры слова в языках различных типов продолжала оставаться актуальной для лингвистов-теоретиков. В связи с этим в 1960 г. в Ленинграде была проведена специальная конференция, на которой с основополагающим докладом «О границах слова» выступил В. М. Жирмунский. Глубоко проанализировав теоретические изыскания своих предшественников по данной проблеме, В. М. Жирмунский довольно точно определил то явление, которое они имели в виду под термином «формообразование»: «Можно думать, что под „формообразованием“ понимается категория, переходная между словоизменением и словообразованием, очертания которой представляют существенные различия в языках разного типа» [2. С. 17].

Огромная заслуга В. М. Жирмунского состоит в том, что он верно охарактеризовал сущность формообразования как самостоятельного морфологического явления, занимающего в структуре слова свое место между словообразованием и словоизменением и присущего не только русскому и другим флективным языкам, но и языкам других морфологических типов. Задача состояла в том, чтобы выявить специфику формообразования в каждой семье родственных языков, отличную от специфики словоизменения. К сожалению, в тюркском языкознании эта задача до настоящего времени не получила однозначного решения.

Например, в фундаментальной грамматике турецкого языка А. Н.

Кононова описание глагола состоит из двух разделов: I. Формообразование глагола, II. Словообразование глагола [3. С. 190]. В первый из них включены следующие подразделы: 1. Залог глагола; 2. Виды; 3. Наклонения и времена глагола; 4. Лицо и число глагола; 5. Модальные формы глагола; 6. Причастия; 7. Деепричастия.

Таким образом, в разделе «Формообразование глагола» помещены и личные (спрягаемые) и неличные (неспрягаемые) формы глагола, т. е. раздел содержит (по нашему мнению) и собственно формирование глагола (образование залоговых форм, аспектов глагола, его неличных форм — причастий и деепричастий) и словоизменение глагола (его спряжение по наклонениям, временам и модальностям). Однако понятие и термин «словоизменение» в грамматике А. Н. Кононова отсутствуют. В главах, посвященных описанию именных частей речи, не выделены разделы словообразования имен (существительных, прилагательных, числительных, местоимений), как это сделано при описании глагола. Такова же структура описания частей речи и в другой грамматике ученого — узбекского языка [4].

В более поздних научных грамматиках тюркских языков, в частности караимского [5], гагаузского [6] и карачаево-балкарского [7], описание именных частей речи и глагола включает в себя два раздела: 1. Словообразование; 2. Словоизменение.

Следует отметить, что некоторые тюркологи осознают, что аффиксация в тюркских языках явно не укладывается в две традиционно выделяемые рубрики. Чтобы сделать описание этих явлений более адекватным языковой действительности, выделяют словоизменение двух типов, полагая при этом, что показатели, относимые к словоизменению в широком смысле, неоднородны по своим функциям.

Так, особое понимание явлений словоизменения содержится в монографии В. Г. Гузева. Согласно его определению «формообразование — основная разновидность словоизменения, куда входят грамматические формы и категории с их категориальными значениями» [8. С. 137]. В. Г. Гузев вводит, кроме того, термин «формоизменение», обозначающий «разновидность словоизменения, которая представляет собой свойственный лишь некоторым многочисленным категориям (принадлежности, сказуемости) механизм изменения (спряжения) форм, не затрагивающий их категориального значения» [8. С. 137]. Несмотря на сложность формулировок, в них явно проступает тенденция автора к выделению в особый разряд словоизменения тех словоформ, которые образуют парадигмы изменения по лицам и числам.

В конце 60-х годов мной в морфологии гагаузского языка были выделены три группы аффиксов по их грамматическим функциям: 1) словообразовательные, 2) формообразовательные, 3) словоизменятельные. Соответственно в грамматическом очерке гагаузского языка были представлены разделы «Словообразование имен», «Формообразование имен» и «Словоизменение имен», а также разделы, содержащие описание словообразования, формообразования и словоизменения глаголов [9. С. 621]. Однако деление аффиксов на формообразовательные и словоизменятельные в этом очерке было во многом еще эмпирическим.

При подготовке к переизданию данного очерка вопрос о формообразовании в гагаузском языке и относящихся к нему аффиксах был мной окончательно решен [10]. Решению вопроса отчасти помогло исследование формообразования в русском языке. Так, в статье Н. А. Лыковой «О границах между словоизменением, формообразованием и словообразованием в русском языке» читаем следующее: «Сами по себе, в чистых и бесспорных проявлениях, словоизменение и словообра-

зование достаточно отличаются друг от друга. Но на стыке этих явлений одно переходит в другое, образуя широкую полосу переходных случаев. Эту полосу следует выделить в самостоятельную рубрику, соотносительную, с одной стороны, со словоизменением, а с другой — со словообразованием. Эту рубрику целесообразно назвать «формообразованием» [11. С. 49].

Какие же формы слов, по мнению Н. А. Лыковой, относятся к формообразованию? «В зону формообразования помимо форм инфинитива следует включить формы прошедшего времени глагола, деепричастия, причастия, формы степеней сравнения прилагательных и наречий, глагольных наклонений, залогов и видов, субъективной оценки имен существительных и прилагательных» [11. С. 51]. Этот набор словоформ выделяется на основании анализа образующих их суффиксов. В статье указывается и на то, какие формы слов следует относить к словоизменению: «К словоизменению относятся только те ряды (парадигмы) форм, признаком которых является наличие системно чередующихся окончаний» [11. С. 50], иными словами, это — склоняемые и спрягаемые формы слов, образуемые присоединением флексий к основам. Как видим, в русском языке довольно легко выделить формы словоизменения, так как они оформляются флексиями (окончаниями), в отличие от формообразовательных, оформляемых специальными суффиксами. Иное положение в тюркских языках, не имеющих ни флексий, ни суффиксов, а одни только аффиксы (что еще в 40-х годах доказал Н. К. Дмитриев). Поэтому для тюркских языков необходимо было найти свой собственный внешний критерий разграничения аффиксов формообразования и словоизменения. Автор статьи надеется, что им найдена такой определяющий признак.

Прежде всего, на нескольких примерах охарактеризуем аффиксы, которые относятся, по нашему мнению, к формообразовательным.

Начнем со спорного примера — аффикса множественности *-lar* (со всеми его фонетическими вариантами). Аффикс *-lar* долгое время считался в тюркологии аффиксом множественного числа, т. е. показателем категории числа. В таком качестве он и сейчас фигурирует в научных грамматиках тюркских языков. Между тем В. Г. Гузевым и Д. М. Насиловым [12] достаточно убедительно, на наш взгляд, было доказано, что аффикс *-lar* представляет собой одночленную категорию множественности (а не числа), которой не противопоставляется специальная форма единственного числа имен существительных. Иными словами, аффикс *-lar* является *единичным* и не входит в какую-либо парадигму.

Рассмотрим аффикс *-ky, -ki*, образующий относительную (или релятивную) форму имен, типа, например, гагауз. *кыш-кы* 'зимний', 'относящийся к зиме', тур. *dün-kü* 'вчерашний', *ev-de-ki* 'находящийся в доме', *ben-de-ki* 'находящийся у меня' и т. п. Аффикс *-ki* также является *единичным*, не членом какой-либо парадигмы.

Аффикс *-ta, -te*, образующий отрицательную форму глагола, например, тур. *git-me* 'не уходи', как известно, не противопоставляется никакому другому аффиксу, который характеризовал бы положительную форму глагола. Он является *единичным* показателем одночленной категории отрицания.

Аффикс, образующий вопросительную форму имен и глаголов (*-ту, -ті, -ти, -тій*), представляет собой *единичный* показатель морфологической категории вопросительности.

Думается, что приведенных примеров достаточно, чтобы проиллюстрировать основной признак всех формообразовательных аффиксов —

их *единичность*, непротивопоставленность каким-либо другим аффиксам той же морфологической категории.

По этому признаку к формообразовательным аффиксам, кроме названных выше, следует также отнести аффиксы, образующие уменьшительно-ласкательные формы имен существительных, прилагательных и наречий, формы, выражающие ослабление и усиление признака, качества прилагательных и наречий, аффиксы, образующие порядковые и разделительные числительные. В сфере глагола к формообразованию следует отнести все неличные формы глагола (инфинитив, причастие, деепричастие), образуемые также единичными аффиксами, не противопоставленными друг другу как члены определенных парадигм. Тюркологам предстоит более детальное исследование состава формообразовательных аффиксов — как общетюркских, так и характерных для отдельных тюркских языков.

Что касается словоизменения, то, в отличие от формообразования, оно представляет собой морфологическое изменение слов, образующее их устойчивые парадигмы, т. е. включает в себя только *многочленные* морфологические категории.

Так, словоизменительной является именная категория принадлежности, которая, как известно, выражается личными аффиксами принадлежности единственного и множественного числа. Приведем простейший пример парадигм форм принадлежности имени существительного в турецком языке.

	<i>Ед. число</i>			<i>Мн. число</i>	
1-е лицо	at-ım	'мой конь'	at-ımız	'наш конь'	
2-е лицо	at-ın	'твой конь'	at-ınız	'ваш конь'	
3-е лицо	at-ı	'его/ее конь'	at-ı	'их конь'.	

Аффиксы принадлежности выражают сразу три морфологических категории: 1) принадлежности (выражающую обладание), 2) лица (1-е, 2-е, 3-е) и 3) числа (единственного и множественного).

Словоизменительной является именная категория сказуемости. Она также представлена личными аффиксами, составляющими замкнутую парадигму. Например:

	<i>Ед. число</i>		<i>Мн. число</i>	
1-е лицо	yaşlı-yım	'я—пожилой'	yaşlı-yız	'мы—пожилые'
2-е лицо	yaşlı-sın	'ты—пожилой'	yaşlı-sınız	'вы—пожилые'
3-е лицо	yaşlı(-dır)	'он—пожилой'	yaşlı-lar	'они—пожилые'

Аффиксы сказуемости, заключающие в себе категории лица и числа, выполняют свою специфическую синтаксическую функцию: они оформляют именное сказуемое в предложении. В отличие от аффиксов принадлежности, аффиксы сказуемости не имеют своей грамматической семантики (кроме факультативного аффикса 3-го лица *-dır*) и наделены только синтаксической функцией.

Именным частям речи (за исключением прилагательного) свойственна также категория падежа. Падежные аффиксы составляют устойчивую парадигму склонения имен. В отличие от парадигм аффиксов принадлежности и сказуемости, которые построены по одной и той же схеме (формы 1-го, 2-го и 3-го лица ед. и мн. числа), парадигмы падежных аффиксов каждого тюркского языка отличаются одна от другой, так как состав и количество падежей в них не совпадают.

В сфере глагола словоизменение охватывает спряжение глагола по наклонениям, временам и модальностям, т. е. в словосочетание входят все личные формы глагола. Практически к основам наклонений, времен или модальностей присоединяются аффиксы, которые содержат категории лица и числа. Личные формы глагола обладают синтаксической ка-

тегорией предикативности (как и именная категория сказуемости), т. е. являются сказуемым в предложении.

Итак, принципиальное внешнее различие между формообразованием и словоизменением проявляется достаточно отчетливо: формообразовательные аффиксы единичны, словоизменительные — члены парадигм.

Несколько сложнее разграничить в тюркских языках словообразование и формообразование, так как целый ряд тюркских аффиксов совмещает в себе как словообразовательную, так и формообразовательную функцию. Таковы, в частности, аффиксы залогов, которые наряду с образованием залоговых форм глагола нередко образуют и глаголы — как самостоятельные лексические единицы. Это свойство залоговых аффиксов в тюркских языках общеизвестно.

Аффиксы *-ly* и *-syz*, которые обычно считаются аффиксами образования прилагательных от существительных, образуют также формы имен существительных, местоимений, числительных, выражающие обладание (*-ly*) и отсутствие (*-syz*). Об этом уже писали некоторые тюркологи, в частности М. З. Закиев [13. С. 88] и И. А. Андреев [14].

В спорных случаях аффиксы такого типа в грамматиках следует квалифицировать как относящиеся и к словообразованию, и к формообразованию, ибо такова специфика большинства из них в тюркских языках.

В целом формообразование в тюркских языках представляет собой самостоятельное морфологическое явление, занимающее обширную аффиксальную «зону» между словообразованием и словоизменением. Одни из формообразовательных аффиксов по своему грамматическому значению стоят ближе к словообразовательным, другие — к словоизменительным аффиксам, что зависит от семантики морфологической категории, представленной теми или иными аффиксами.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1.
2. Жирмунский В. М. О границах слова//Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.: Л., 1963.
3. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.: Л., 1956.
4. Он же. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.: Л., 1960.
5. Мусаев К. М. Грамматика караимского языка: Фонетика и морфология. М., 1964.
6. Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка: Фонетика и морфология. М., 1964.
7. Грамматика карачаево-балкарского языка: Фонетика, морфология, синтаксис/Под общ. ред. проф. Н. А. Баскакова. Нальчик, 1976.
8. Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Имя. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.
9. Покровская Л. А. Краткий очерк грамматики гагаузского языка//Гагаузско-руско-молдавский словарь. М.: Сов. энцикл., 1973.
10. Она же. Грамматика гагаузского языка: (краткий очерк). Кишинев: Лумина, 1990.
11. Лыкова Н. А. О границах между словоизменением, формообразованием и словообразованием в русском языке//Филол. науки. 1981. № 3 (123).
12. Гузев В. Г., Насилов Д. М. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках//Вопр. языкознания. 1975. № 3.
13. Закиев М. З. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963.
14. Андреев И. А. К вопросу о выделении категории относительных прилагательных в тюркских языках//Вопросы чувашской литературы и языка: Учен. зап. НИИ при СМ Чувашской АССР. Чебоксары. 1966. Вып. 32.

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА

Н. А. БАСКАКОВ

МУКАМЫ В РАЗВИТИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ТЮРКСКИХ НАРОДОВ(К ВЫХОДУ В СВЕТ КНИГИ: Т. АЛИБАКИЕВА. ДВЕНАДЦАТЬ УНГУРСКИХ
МУКАМОВ. АЛМА-АТА, 1988. Вып. 1)*Памяти моих учителей И. Т. Назарова,
В. В. Пасхалова и П. Г. Чеснокова*

Огромное культурное наследие тюркских народов Советского Союза включает в себя памятники музыкального фольклора. Это и произведения исполнительского искусства, и теория музыки, в которой различаются целые школы. Им присуща глубокая разработка традиционных ладов-мукамов — связанных между собой систем звукорядов, каждый из которых объединяет группу синкретичных по исполнению музыкальных произведений — пение, игру на музыкальных инструментах, танцы.

Исследования, посвященные теории музыки тюркских народов, пока еще немногочисленны. Собираение музыкального фольклора тюркских народов СССР и исследования в области теории музыки этих народов получили интенсивное развитие в СССР начиная с 20—30-х годов. Эта собирательская и исследовательская работа нашла свое отражение прежде всего в трудах таких крупнейших этнографов-музыкантов, как профессор Московской консерватории В. М. Беляев (1880—1964), автор «Очерков по истории музыки народов СССР» (М., 1962—1963. Т. 1, 2) и многих других сочинений; народный артист Туркменской ССР В. А. Успенский (1879—1949), автор фундаментального исследования «Туркменская музыка» (М., 1928 — совместно с В. М. Беляевым) и монографии «Узбекская вокальная музыка» (Ташкент, 1950), записей мукамов, а также оперных и симфонических сочинений на сюжеты, почерпнутые из узбекского народного эпоса; народный артист Казахской ССР А. В. Затаевич (1869—1936), автор трех крупных собраний народной музыки — «Сборника песен киргизского (казахского) народа» (Оренбург, 1925), «500 казахских песен» (Алма-Ата, 1931) и «250 киргизских инструментальных пьес и напевов» (М., 1934).

Изучению музыкальной культуры народов СССР, и в том числе тюркских, в некоторой степени способствовал организованный в 1921 г. Государственный институт музыкальных наук (ГИМН), при музыкально-этнографической секции которого были созданы специальные курсы по подготовке этнографов — собирателей народного музыкального творчества (в полевых условиях — как с фонографом, так и без него). В числе преподавателей этих курсов были крупнейший этнограф-музыковед, автор пособий по записи народной музыки, сын Л. Н. Толстого Сергей Львович Толстой (1877—1947), композитор Вячеслав Викторович Пасхалов (1873—1944), композитор, профессор Московской консерватории, дирижер и регент большого церковного хора в храме Вознесения у Никитских ворот Павел Григорьевич Чесноков (1874—1944). В 1925—1926 гг. перед поездкой в Каракалпакию и в Хиву в качестве студента-2 «Советская тюркология» № 1

практиканта Московского государственного университета с этнографолингвистическими целями автор этих строк посещал курсы, уже получив определенную музыковедческую подготовку в 1-й Государственной художественной студии в Ленинграде у проф. И. Т. Назарова. Записи каракалпакских народных мелодий и песен, опубликованные в книге «Народный театр Хорезма» [1], были бы невозможны без этой специальной подготовки, ориентированной на работу в полевых условиях. В Хорезме же были собраны некоторые материалы по узбекским макам, которые, однако, остались неопубликованными.

Следует сказать, что в 20—30-х годах исследования в области макумов тюркских народов только зарождались и ограничивались в основном анализом конкретных произведений народной музыки. Подлинное, систематическое изучение макумов тюркских народов СССР в теоретическом аспекте началось только в 60—70-х годах. Здесь следует назвать работы И. Р. Раджабова [2; 3], Т. Вызго [4], Р. А. Мамедовой [5] и др.

Одним из первых исследователей уйгурских макумов был С. Е. Малов, записавший фонографом Эдисона значительное количество различных музыкальных произведений уйгуров Синьцзяна, отражающих всю систему уйгурских макумов [6]. К сожалению, эти фонографические записи, находящиеся в хранилище Азиатского музея в Ленинграде, по сей день не расшифрованы. Двенадцать уйгурских макумов опубликованы в сборнике «Уйгур хэлиқ классик музикиси» [7]. Некоторые сведения о характере уйгурских макумов даны К. Кужамьяровым в его статье, опубликованной в «Советской музыке» (1965. № 10). Образец текста одного из макумов приведен мною в брошюре «Язык прииссыккульских уйгуров» [8]; там же описан и характер музыкального сопровождения. Но наиболее фундаментальными исследованиями уйгурских макумов являются работа М. И. Абдушукурова [9] и монография Т. Алибакиевой, послужившая поводом для написания настоящей статьи.

* * *

Макум — арабское слово **مقام** maqam, мн. **مقامات** maqamat, имеющее в арабском языке значения: 1) положение, позиция; 2) достоинство, значение; 3) ранг, степень; 4) муз. лад, тональность [10]. Позже это слово было заимствовано персидским языком **مقام** māgām в значении: 1) место; 2) ранг; 3) тон, тональность; ср.: синоним в персидском **رَدَدِه** rāgde в значении: 1) тон, нота [11], а также в тюркских языках **maqam** ~ **tuqam** в значении: 1) место, жилище; 2) гробница; 3) достоинство; 4) тон музыки [12] или: 1) ритм; 2) мелодичность; 3) переливчатость звуков [13].

У некоторых современных тюркских народов, унаследовавших традиции древней музыкальной культуры, как правило, и по сей день существуют определенные системы ладов-макумов, различающихся составом звукорядов.

Макум в современном своем значении может быть определен как канонический звукоряд, представляющий собой последовательность взаимосвязанных музыкальных звуков.

В музыкальной культуре разных народов представлены ладовые, в том числе макумные системы, различающиеся числом, качеством и последовательностью ступеней. Наиболее известными звуковыми системами являются: 1) пятиступенная (пентатоника) и семиступенная (гептатоника). Пентатонические лады-макумы характеризуются тем, что их звукоряд, состоящий из пяти звуков, не имеет интервалов в полу-

тон. Пентатоника присуща народной музыке Китая, Монголии, Кореи, а также тюркских (татары, башкиры, чуваша) и некоторых финно-угорских народов, например, марийцев и др. [14]. Наиболее полное освещение в науке получила монгольская народная музыка — вокальное и инструментальное искусство бурят, дагауров, олетов, харчинов, чекаров и других монгольских племен [15—18]. Гептатонические лады-мукамы, наиболее распространенные у тюркских народов, отличаются тем, что их звукоряд, состоящий из семи звуков, имеет определенную последовательность не только тонов, но и полутонов. Гептатоника свойственна народной музыке арабов, персов, а также азербайджанцев, узбеков, туркменов, уйгуров и пр. [4; 5; 19; 2]. Вряд ли можно с достаточной степенью точности определить, в музыке какого народа впервые появились лады-мукамы, хотя элементы древней музыкальной терминологии можно встретить у китайцев, греков и арабов.

Взаимовлиянием характеризовалось развитие ладов-мукамов в арабской и греческой народной музыке. Любопытны в этом отношении исследования Г. Д. Фармера об арабском влиянии на европейскую теорию музыки [20].

Общность названий звуков-степеней звукоряда у греков и других западно-европейских народов, с одной стороны, и у арабов — с другой:

Греч.: до (*ut*), ре, ми, фа, соль, ля, си.

Араб.: дал, *دال*, *م* мим, *ف* фа *ص* сад, *ل* лам, *س* син, а также единая (хотя и различающаяся нюансами) система гептатонических ладов-мукамов свидетельствуют о процессе формирования общей для этих народов музыкальной культуры — по крайней мере с XI в. н. э. Однако приоритет в наименовании ступеней звукоряда в современной науке признан за реформатором нотного письма Гвидо д'Ареццо (Guido d'Arezzo), итальянским монахом-музыкантом XI столетия [21]. Он установил названия ступеней звукоряда в гептатонике по начальным слогам сочиненного в VIII в. Павлом Дьяконом гимна в честь св. Иоанна — покровителя певцов:

Ut que-a ut la-xis — (до)

Re-so-na-re fi-bris — (ре)

Mi-ra ge-sto-rum — (ми)

Fa-mu-li tu-o-rum — (фа)

Sol ve pol-lu-ti — (соль)

La-bi-i re-a-rum — (ля)

Sanc-te Io-han-nes — (си)

Эта система наименований ступеней звукоряда получила впоследствии название аретинской, или гвидоновской, системы слогов — в отличие от поздней немецко-английской системы: *C* (*до*), *D* (*ре*), *E* (*ми*), *F* (*фа*), *G* (*соль*), *A* (*ля*), *H* (*си*), принятой первоначально соответственно миксолидийскому греческому звукоряду: *A* (*ля*), *B* (*си-бемоль*), *C* (*до*), *D* (*ре*), *E* (*ми*), *F* (*фа*), *G* (*соль*).

В арабских, персидских, а затем и в тюркских мукамах ступени звукоряда получили свое наименование по аретинской (гвидоновской) системе: *Dal* (*до*), *Ra* (*ре*), *Mim* (*ми*), *Fa* (*фа*), *Sâd* (*соль*), *Lam* (*ля*), *Sin* (*си*) — т. е., по названиям знаков арабского алфавита. У персов эта система наименований ступеней звукоряда получила название *дурр-и-муфассаль* (*درر مفصل*), что означает в переводе «рассыпание жемчуга», а вместе с тем созвучно *до-ре-ми-фа-соль-ля-си* — названиям ступеней звукоряда аретинской системы.

Итак, каждый лад-мукам имеет в своей основе либо последователь-

ность пяти ступеней звукоряда без полутонов, как в пентатонике:
 1—до, ре, ми, соль, ля 3—ми, соль, ля, до, ре 5—ля, до, ре, ми, соль,
 2—ре, ми, соль, ля, до 4—соль, ля, до, ре, ми,

либо семи ступеней, чередующихся последовательно в известном порядке тонов и полутонов, как в гептатоническом звукоряде, например, в натуральных греческих ладах:

ионийском: до, ре, ми, фа, соль, ля, си;
 лидийском: до ре, ми, фа-диез, соль, ля, си;
 миксолидийском: до, ре, ми, фа, соль, ля, си-бемоль;
 дорийском: до, ре, ми-бемоль, фа, соль, ля, си-бемоль;
 эолийском: до, ре, ми-бемоль, фа, соль;
 фригийском: до, ре-бемоль, ми-бемоль, фа, соль, ля-бемоль, си-бемоль;
 локрийском: до, ре-бемоль, ми-бемоль, фа, соль-бемоль, ля-бемоль, си-бемоль.

Любопытно, что как у греков, так и у народов Средней Азии наименования мукамов-ладов соответствуют названиям провинций, городов и селений, а отчасти и характеру тех мелодий, в основе которых лежит тот или иной лад-мукам; ср., например, наименования мукамов у персов: 1) Хиджас, 2) Сифахан (<Исфаган), 3) Ушшак, 4) Хуррам, 5) Дир-Заль, 6) Замбур, 7) Кумра, 8) Якут [22].

Азербайджанские мугамы имеют разнообразные наименования, из которых основными являются: 1) Раст, 2) Шур, 3) Сегах, 4) Шуштар, 5) Чаргах, 6) Баяти-шираз, 7) Хумаюн [23].

Система макамов узбеков и таджиков, первоначально насчитывающая двенадцать наименований: 1) Рост, 2) Ушшак, 3) Нова, 4) Буслик, 5) Исфаган, 6) Кучак, 7) Бузрук, 8) Зангула, 9) Рахави, 10) Хусайни, 11) Хиджас, 12) Ирок и, вероятно, заимствованная из Ирана, в более позднее (и в настоящее) время включает в себя только шесть основных названий (Шаш маком): 1) Бузург ~ Бузрук, 2) Рост, 3) Наво, 4) Дугох, 5) Сегох, 6) Ирок [2].

Узбекские макамы представлены различными музыкальными жанрами — певческими и инструментальными. Возможно, что узбекская система мукамов повлияла и на современную народную музыку киргизов. К сожалению, имеющиеся киргизские наименования мелодий и различного строя музыкальных инструментов, в частности комуса: 1) Камбаркан, 2) Кербез, 3) Шингарма, 4) Терс и прочие, остались пока не соотнесенными к наименованиям мукамов [24; 13].

Широкое развитие макамы получили в Хорезме, где в 80-х годах прошлого века большую известность приобрел крупный музыкант и теоретик Пехлеван Нияз Мирза Баши. Он изобрел особую хорезмскую танбурную (танбур ~ тамбур — хорезмский музыкальный инструмент) нотацию, но не звуков, а способов игры на тамбуре. Этой нотацией записаны и хорезмские макамы [25; 1].

Наиболее близки к узбекским мукамам уйгурские, которые, в свою очередь, сходны с азербайджанскими мугамами своим характером и наименованиями.

Из общего числа двенадцати основных уйгурских мукамов: 1) Рак, 2) Чапбаят, 3) Мушавиряк, 4) Чаргах, 5) Пянджигях, 6) Юзхал, 7) Эжэм, 8) Ошшак, 9) Баят, 10) Нова, 11) Сегах, 12) Ирак — четыре наименования: Рак, Нова, Сегах, Ирак являются общими с узбекскими мукамами, три — Рак, Чаргах и Сегах — с азербайджанскими и одно — Ошшак ~ Ушшак — с персидскими,

Следует, однако, отметить, что система уйгурских мукамов может варьироваться в зависимости от ее региональной принадлежности.

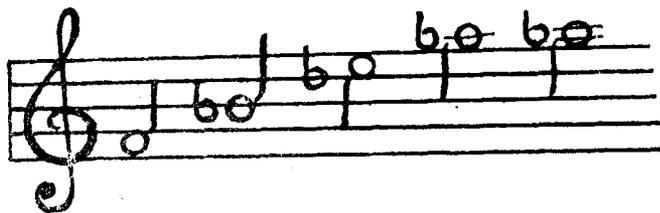
Исследователи, например, указывают на следующие отличия систем уйгурских мукамов в зависимости от их региона: I — в регионе Кумула (Хами): 1) Рак, 2) Чапбайт, 3) Мушавиряк, 4) Чаргях, 5) Ирак, 6) Дур, 7) Улуг-дур, 8) Мустязат, 9) Юзхал, 10) Долан, 11) Хупти, 12) Дугях; II — в регионе Яркенда: 1) Рак, 2) Бом-баяван, 3) Зиль-баяван, 4) Сим-баяван, 5) Юзхал, Узхал, 6) Джола, 7) Муша, 8) Ходак; III — в регионе Аксу: 1) Баш-мукам, 2) Бом-баяван, 3) Мугал, 4) Сим-баяван, 5) Самук, 6) Джола, 7) Чол-баяван, 8) Дугамят, 9) Баяган [26].

Уйгурские мукамы обычно состоят из трех основных частей: 1) Чон-нагма (<тюрк.-араб. چونکه نغمه Соп-паўта 'большая, главная мелодия, напев'); 2) Дастан-нагма (<перс.-араб. داستان نغمه Da-stan-паўта 'рассказывающая, повествующая мелодия, напев'); 3) Ма-шраб-нагма (مشراب نغمه Mašrab-паўта 'характеризующая мелодия, напев'). Каждая из этих частей, в свою очередь, делится на более мелкие разделы — произведения или пьесы.

В туркменской музыке мукам обычно подразделяется на четыре части: 1) Башламак (<Başlamaq 'начинание, вступление'); 2) Япылдак (Jaryлдаq 'покрывающая мелодия, напев'); 3) Ширвани (شیروانی Şirvani 'ее крыша, зенит нарастания мелодии, напева'); 4) Чикмак (<Çıqmaq 'выход, успокоение мелодии, напева') [22].

Как отмечают исследователи, каждая часть уйгурского мукама предполагает довольно длительное время исполнения и включает в себя хоровые и сольные песни, инструментальные пьесы и танцы. Пение и танцы (групповые и сольные) сопровождаются игрой на различных народных музыкальных инструментах, чаще всего на равабе, наиболее популярном уйгурском пятиструнном инструменте, унаследованном, по всей видимости, от древних уйгуров (характеристику музыки и изображение музыкальных инструментов уйгуров см. в [27]).

Раваб имеет резонатор в виде обтянутой кожей (üze) круглой деревянной чаши (čöčök), 0,2 м в диаметре, от которой идет гриф (dästä) длиной около 0,7 м, разделенный на лады (pärdä) с колками (qulaq), посредством которых настраиваются струны (tääri), прикрепленные к кобылке (hägäk). По способу игры раваб напоминает мандолину и имеет квантовый строй.

Играющие на равабе называются равабчи (gäväbçi), вообще же музыканты — сазанди (sazandi) [28; 8].

Что же касается происхождения и этимологии названий мукамов, то, как это видно из их перечисления выше, ни одна из национальных систем не имеет каких-либо единых принципов, лежащих в основе этих наименований, что свидетельствует о разновременном сложении каждой системы мукамов.

По принципу наименования все мукамы могут быть разделены на следующие пять основных групп:

1. Наименования мукамов по названию стран, городов, племенных союзов и пр.: 1) Хиджас (<араб. *خيجاس* Xidžas — название города в Саудовской Аравии); 2) Байати-шираз (<араб.-перс. *بيت شيراز* Bajati-Sirāz — ширазский стих, кант — по названию города в Персии); 3) Исфаган ~ Сифахан (<перс. *ايسفاگان* Isfagan — по названию города и области в Персии); 4) Ирак ~ Ирок (<перс. *اراک* Āgāk — название города в Персии или <араб. *ايراک* Irak — название страны Ирак); 5) Долан (<уйгур. *Dolan* — по названию местности и племени Долан); 6) Мугол ~ Мугал (<перс. *مغل* Moḡol 'монгольский' или <перс. *مخل* Moxel 'нарушающий тишину');

2. Наименования, связанные с названиями музыкальных инструментов: 1) Кучак (<перс. *کوجهک* gödžäk — музыкальный инструмент типа скрипки; или <перс. *گوجک* güdžäk 'петух'; или <перс. *قوجاق* qučaq 'связка, сноп, объятия'); 2) Зангула (<перс. *زنگوله* zängüle 'колокольчик'); 3) Зиль-баяван (<перс. *زِيل* zil 'цимбалы' + перс. *پيوند* pajvand 'связанный, присоединяющийся, неразрывный'); 4) Кумра (<чагат. *قورما* qumra 'глиняный горшок, тип музыкального ударного инструмента' или <перс. *قمری* qomri 'горлица, лад горлицы'); 5) Дир-заль (<перс. *دیرزیل* dir zil 'древние цимбалы'; или <перс. *دیر زلایزل* dir zäläjzel 'древний колокольчик'); 6) Камбаркан (<тюрк. *قامبارقان* qambarqan 'комыс, музыкальный инструмент, смычковый' или <тюрк. *qambarsu-* 'важничать, гордиться');

3. Наименования, связанные с характеристикой музыкального исполнения: 1) Байат (<араб. *بیت* bajat 'кант, стих, двустушие' — кантовый, стихотворный лад); 2) Чап-байат (<перс.-араб. *چپ بیت* čär bajat 'левый, неверный, обратный' — перевернутый кантовый лад); 3) Мустязат (<араб. *مستزاد* mustazad 'увеличенный лад, стихи в котором имеют рифмующее наращение'); 4) Байаван (<перс. *پيوند* pajvand 'присоединяющийся, связанный, неразрывный'); 5) Бом-байаван (<перс. *بوم پيوند* bom pajvand 'присоединяющийся к концу, к границе'); 6) Чол-байаван (<перс. *چول پيوند* čöl pajvand 'вне присоединяющийся'); 7) Сим-байаван (<перс. *سیم پيوند* sim pajvand 'струнный, присоединяющийся'); 8) Дугах (<перс. *دوگاه* do gäh 'двухвременной, с двумя интервалами'); 9) Сегах (<перс. *سه گاه* se gäh 'трехвременной, с тремя интервалами'); 10) Чаргах (<перс. *چهارگاه* čähgar gäh 'четырёхвременной, с четырьмя интервалами'); 11) Пянджигах (<перс. *پنج گاه* pändž gäh 'пятивременной, с пятью интервалами'); 12) Эжем (<араб. *عجم* ädžäm 'иностранный, персидский');

4. Наименования, определяющие качество и эмоциональную окраску ладов-мукамов: 1) Хупти (<перс. *خوب* xub 'красивый'); 2) Кербез (<перс. *کریز* kerbez 'важный, чванливый, капризный'); 3) Нова ~ Наво (<перс. *نوا* päva ~ puva 'голос, тон, напев, напевный'); 4) Ошшак ~ Ушшак (<араб. *عشقیه، عشق* ašiq ~ ašqija 'любовь, лирика, лирическое стихотворение, любовный, лирический'); 5) Рак (<перс. *راه* gah 'дорога, путь, правило, правильный' или <перс. *رغ* gäh 'звук музыкального инструмента, выражающий жалобу, жалоба, стенание, жалобный'); 6) Раст ~ Рост (<перс. *راست* rast 'прямой, правильный'); 7) Ра-

хави (<араб. رخاوى *raḫavī* 'слабый, ослабленный'); 8) Хурам (<перс. خرام *xiḡam* 'грациозный, величавый'); 9) Мушавиряк (<араб. اق + مشاور *mušavir + aq* от основы араб. شور *šur* > *mušaviraq* 'подающий знаки, сигнал'); 10) Хусайни (<араб. حسينى *husajīni* 'добрый, хороший'); 11) Хумайун (<перс. همايون *humajun* 'благословенный, августейший, царский'); 12) Джала (<перс. جلا *džāla* 'блестящий'); 13) Дугмят ~ Дугмят (<араб. دهماة *duhmat* 'черный, темный, горестный'); 14) Усхал ~ Юсхал (<перс. اوص *us* + араб. حال *hal* > *us hal* 'искусный, художественный'); 15) Дур (<араб. دور *dur* 'круговой, имеющий круговое движение'); 16) Улуг-дур (тюрк.-араб. اولوغ دور *uluḡ dur* 'большой круговой'); 17) Шур (<перс. شور *šur* 'любовный, мятежный, волнующий'); 18) Шуштар (<перс. شوشدار *šušdar* 'тревожный'); 19) Шингарма (<тюрк. шинкгарма *šünḡarḡma* 'звон' ('подражание звону')); 20) Терс (<тюрк. ترس *ters* 'обратный, противоположный').

5. Прочие наименования: 1) Замбур (<перс. زنبور *zānbur* ~ *zāmbur* 'пчела'); 2) Бузрук ~ Бузург (<чагат. بوزروق *buzruḡ* ~ *buzraḡ* 'палочка в ноздрях верблюда'); 3) Симук (<тюрк. سومك *sütmük* 'кость'); 4) Буслик (<перс.-тюрк. بوسه ليك *pusäleik* ~ *busäleik* 'имеющий поцелуй'); 5) Якут (<перс. ياقوت *jaqut* 'яхонт, рубин, яхонтовый, рубиновый').

Перечисленные выше наименования ладов-мукамов напоминают названия песен-ладов мейстерзингеров, ср. их лады: короткий, длинный, бумажный, нежный, сладкий, тон розы, тон розмарина, тон страсти краткой, соловьиный тон и пр. [29; 30].

* * *

Фундаментальное исследование Т. Алибакиевой, члена Союза композиторов СССР, профессора Алма-Атинской государственной консерватории им. Курмангазы, представляет собой значительный вклад в изучение уйгурских мукамов, а также музыкальной культуры всех тюркских народов, сохранивших древние традиции этого музыкального жанра. Т. Алибакиева поставила своей целью издание всех двенадцати уйгурских мукамов илийского цикла, распространенного у современных уйгуров Советского Союза, в отличие от других систем мукамов, распространенных у уйгуров Синьцзяна в Китайской Народной Республике.

В первом выпуске исследования Т. Алибакиевой (а мы надеемся, что продолжение не замедлит последовать) опубликованы в современной нотации пска только первые два из двенадцати уйгурских мукамов — Рак и Чапбят, однако с исчерпывающей научной полнотой и строгостью.

Книга состоит из вступительной статьи на уйгурском и русском языках, нотного музыкального материала по двум указанным выше мукамам и оригинальных текстов и их художественного перевода на русский язык с приложениями: а) списка условных обозначений, принятых в нотных записях, б) сведений о пяти известных исполнителях мукамов на уйгурском и русском языках, в) словаря музыкальных терминов, г) словаря архаичных слов, д) обширной библиографии, использованной автором.

В своей вступительной статье Т. Алибакиева осветила не только историю развития музыкальной культуры уйгуров, но и других народов — азербайджанцев, узбеков, туркмен, арабов, персов и пр.

В работе прослеживается развитие и формирование уйгурского музыкального цикла, каким является «Двенадцать уйгурских мукамов», а также анализируется взаимодействие и взаимовлияние музыкальных традиций народов Китая, Кореи, древнего Кушанского государства Центральной Азии и других народов и государств, напоминает оценка музыкального искусства уйгуров, содержащаяся в трудах ученых-путешественников XIX и XX вв. — Н. М. Пржевальского, М. В. Перцова, Г. Е. Грум-Гржимайло, В. И. Робровского, С. Ф. Ольденбурга, Ч. Ч. Валиханова, С. Е. Малова, В. М. Беляева, К. В. Квитки, А. фон Габэн, Г. Ярринга, Э. Шеффера и др.

Во вступительной статье дан также общий анализ цикла «Двенадцать уйгурских мукамов», этих своеобразных и ярких произведений, синтезирующих музыку, поэзию и танец, искусство музыки, поэзии и танца уйгурского народа.

В основу фонозаписи представленных в книге мукамов Рак и Чап-баят легли мукамы в исполнении Уйгурского ансамбля песни и танца под управлением заслуженного артиста Узбекской ССР Султанмурата Разамова и композитора Шахиды Шаймардановой и сольные выступления в интерпретации вокалистов Султана Маметова и Саидакрама Толегенова в инструментальном сопровождении ситариста Султанмурата Разамова и тамбуриста Аркена Юнусова.

Все мукамы даются преимущественно в одnogолосной записи в сопровождении ударного инструмента дап [4], за исключением вступительных разделов «Мукам башлиниши», где мукамы приведены двустрочно с партиями солиста-вокалиста и сопровождающих инструментов.

В целом же работа Т. Алибакиевой является серьезным вкладом не только в изучение уйгурского мукама, но и музыкальной культуры тюркских народов в целом.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Баскаков Н. А. Народный театр Хорезма. Ташкент, 1984.
2. Раджабов И. Р. Макомлар масаласига доир. Тошкент, 1963.
3. Раджабов И. Р. Макомы. Ташкент; Ереван, 1980.
4. Вызго Т. С. К вопросу об изучении макомов: История и современность//Проблемы музыкальных культур народов Узбекистана, Туркмении, Таджикистана. М., 1972.
5. Мамедова Р. А. Музыкально-эстетические особенности азербайджанских мугамов. Баку, 1987.
6. Малов С. Е. Изучение живых турецких наречий Западного Китая//Восточные записки. Л.: Изд-во Ленингр. ин-та живых восточных языков. 1927. Т. 1.
7. Уйгур халиқ классик музикаси: Он икки муқам. Пекин, 1959—1960.
8. Баскаков Н. А. Язык приссык-кульских уйгуров. Алма-Ата, 1978.
9. Абдушукуров М. И. Уйгур халиқ классик музикаси «Он икки муқам» ҳаққида. Урумчи, 1981.
10. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. М., 1957.
11. Миллер Б. В. Персидско-русский словарь. М., 1953.
12. Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Спб., 1869—1871. Т. 1—2.
13. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
14. Гиршман Я. Пентатоника и ее развитие в татарской музыке и литературе. М., 1960.
15. Руднев А. Д. Мелодии монгольских племен//Зап. импер. Рус. геогр. о-ва: По отделению этнографии. 1909. Т. 34.
16. Oost P. Joseph van. La musique chez les Mongols des Urdus//Antropos. May-Aug. 1915—1916. Vol. 10—11.
17. Grönbech K. Specimens of Mongolian poetry//The music of the Mongols. Stockholm, 1943. Pt. I: Eastern Mongolia.

18. *Emsheimer Ernst*. Preliminary remarks on Mongolian music and instruments//
//Ibid.
 19. *Тоума Х. Х.* Макам: Импровизационная форма//Музыка народов Азии и Афри-
ки. М., 1980.
 20. *Farmer H. G.* The arabian influence on musical theory. London, 1925.
 21. *Oesch H.* Guido von Arezzo. Bern, 1954.
 22. *Беляев В. М.* Очерки по истории музыки народов СССР. М., 1962—1963. Т. 1—2.
 23. *Гаджибеков У.* Основы азербайджанской народной музыки. Баку, 1957.
 24. *Затаевич А. В.* 250 киргизских инструментальных пьес и напевов. М., 1934.
 25. *Беляев В. М.* Музыкальные инструменты Узбекистана. М., 1933.
 26. *Алибакиева Т.* Двенадцать уйгурских мукамов. Алма-Ата, 1988. Вып. 1.
 27. *Gabain A. v.* Das Leben im uigurischen Königreich von Qoço. Wiesbaden, 1973.
 28. *Farmer H. G.* Rabab//Enzyklopädie des Islams. Vol. 3. Berlin; Leipzig, 1924.
 29. *Успенский В., Беляев В.* Туркменская музыка. М., 1928.
 30. *Успенский В. А.* Узбекская вокальная музыка. Ташкент, 1950.
-

М. З. НАГИЕВ

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Определенную часть средневековых письменных памятников азербайджанского языка составляют сочинения, переведенные с арабского и преимущественно с персидского языка. Заключая в себе богатый материал для изучения такой важной проблемы, как история перевода в Азербайджане, они имеют также огромное значение для исследования истории азербайджанского языка и литературы. Несмотря на это, средневековые переводы на азербайджанский язык не подвергались всестороннему и специальному филологическому исследованию, что вызвано, на наш взгляд, следующими причинами.

1. По сравнению с оригинальными сочинениями переводным уделялось второстепенное внимание, при этом не учитывалось то, что в эпоху средневековья искусство перевода как в литературах народов Ближнего и Среднего Востока, так и в азербайджанской считалось специальным видом творчества и резко отличалось от современного. Тот факт, что известное прозаическое сочинение Мухаммеда Физули «Хадикат ус-суада» («Сад счастливых») мало изучено и не опубликовано у нас в Азербайджане, в какой-то степени можно объяснить и этим обстоятельством.

2. Почти все средневековые азербайджанские переводные сочинения до сих пор остаются в виде рукописей, многие из которых хранятся в зарубежных книгохранилищах и, следовательно, недоступны исследователям. По сей день не уделяется должного внимания получению микрофильмов и фотокопий с них.

3. Из-за неизученности особенностей средневекового искусства перевода до сего дня нет единого мнения о некоторых азербайджанских сочинениях той эпохи. Так, один и тот же памятник ряд ученых считают переводом, тогда как другие полагают, что это оригинальное произведение либо обработка. Нет и полного списка азербайджанских переводных сочинений средних веков.

В средневековых источниках, литературных антологиях-тезкере, а также в современных каталогах рукописей, справочной литературе имеются сведения о первых азербайджанских переводных сочинениях, выполненных еще в XIII—XIV вв. Так, например, по свидетельству известного историка Х. Казвини, в XIII столетии Ифтихареддином Мухаммедом Бакри, уроженцем Казвина, с персидского на азербайджанский язык был переведен литературный памятник «Синдбад-наме» [1. С. 3059]. В одном из турецких музеев хранится рукопись перевода Корана с подстрочным переводом на азербайджанский язык, выполненным Мухаммедом ал-Хаджиж Довлат-шах Ширази в 1333 г. [2; 3].

С. 49]. Однако большинство азербайджанских классических переводных сочинений, дошедших до наших дней, выполнены в XV—XVI вв.

В деле изучения истории перевода в Азербайджане важное значение имеет определение основных видов классических переводов, что способствует также выявлению основных характерных особенностей искусства перевода исследуемого периода. В азербайджанском литературоведении эта проблема до сих пор не затрагивалась.

Видный турецкий ученый А. С. Левенд указывает на следующие четыре вида средневекового турецкого перевода: а) буквальный; б) соответствующий оригиналу; в) адаптированный; г) дополняющий оригинал [4. С. 80—88].

В связи с этим следует отметить, что еще в VIII столетии, в период правления династии Аббасидов, многие сочинения были переведены с греческого на арабский язык, причем соблюдались два основных принципа: точное соответствие перевода оригиналу; сохранение и передача художественных достоинств и особенностей оригинала. Основоположниками первого принципа перевода считаются арабские ученые и переводчики VIII в. Юханна и Ибн-Наемейи-Хумси [5. С. 19—20]. Руководствуясь им, переводчики переводили сочинения греческих авторов буквально, слово в слово, заменяя греческие слова их арабскими эквивалентами. Второй принцип связывают с именами арабских ученых Хунейна и Джоухари [5. С. 19—20]. Они вначале проникали в смысл переводимого предложения, а затем передавали его на родном языке. Один из последователей этого принципа — турецкий переводчик XVII в. Исхак Эфенди — для раскрытия сущности обоих подходов приводит такой пример: «Персидское предложение „Афтаб фору шод” (‘Солнце зашло’) согласно первому принципу следует перевести как „Гюнеш ашагыя гетди” (‘Солнце ушло вниз’); согласно второму принципу оно переводится как „Гюнеш батды”» [6. С. 4а]. Добавим, что сложный персидский глагол «фору шодан» (‘заходить’) состоит из двух слов, соответственно означающих ‘вниз’ и ‘уходить’.

Следование обоим принципам, относящимся в основном к переводу прозаических сочинений, наблюдается и в азербайджанских классических переводах. Что касается видов средневековых переводов, отмеченных А. С. Левендом, то нужно подчеркнуть, что из-за отсутствия четкого разграничения и особых различий между третьим и четвертым видами их можно объединить в одном разделе, обозначив как «Переводы, соответствующие оригиналам». Любопытно, что ученый к каждому виду, кроме третьего, относит определенные турецкие переводные сочинения средневековья.

Исследования классических азербайджанских переводов показывают, что они развивались по трем основным направлениям: а) буквализм; б) верность оригиналу при соблюдении норм родного языка; в) вольная интерпретация оригинала.

Первое направление — буквализм — относится к более раннему периоду истории перевода в Азербайджане и непосредственно связано с подстрочными переводами Корана. Как отмечал проф. А. Демирчизаде, еще в IX—XI вв. в медресе азербайджанских городов Коран переводился устно, а позже появились первые письменные подстрочные переводы его на азербайджанский язык [7. С. 58]. Один из таких древнейших переводов, о рукописи которого упомянуто выше, дошел до наших дней [2; 3. С. 49]. К каждому слову текста Корана дан подстрочный его перевод на азербайджанский язык. Рукопись перевода Корана, относящаяся к XV в., хранится в одной из турецких библиотек [8. С. III—216].

Имеются подстрочные переводы и образцов светской литературы. Так, известный литературный памятник «Гюлистан» («Цветник») Саади Ширази начиная с XV и до конца XIX в. неоднократно переводился в Азербайджане разными переводчиками, каллиграфами и даже учащимися медресе в основном «подстрочно». В фонде Института рукописей АН Азербайджанской ССР хранится один из таких переводов, выполненный в XVI столетии [9]. Имеются также рукописи, содержащие персидский текст «Гюлистана» с подстрочными переводами, выполненными позже, в XVIII—XIX вв. Подобным образом переводились также и поэтические произведения, например, «Бустан» («Сад») Саади, «Юсиф и Зулейха» Джамии и др. Переводы, выполненные в русле первой переводческой традиции, представляют интерес прежде всего для изучения исторической лексикологии и составления словарей определенного периода языка. В этом отношении немаловажное значение имеют переводы одних и тех же сочинений, сделанные в разные эпохи. Так, сопоставительное изучение переводов Корана, выполненных в XIV и XV в., может выявить степень упрощения различных слов и терминов.

Второе направление в искусстве перевода отражает стремление переводчиков оставаться верными оригиналу, перевести его точно, без изменений, но в то же время не нарушить законы родного языка. До нас дошли десятки рукописей переводов этого направления, выполненных в основном в XVI в. Это труды профессионального азербайджанского переводчика Мухаммеда ибн Хусейна Катиба Нишати Ширази «Шухада-наме» («Книга о мучениках») и «Сафват ас-сафа» («Чистейшая часть чистоты»), известного в Азербайджане под названием «Шейх Сафи тазкираси» («Житие шейха Сафи»), «Кавамил ат-та бир» («Совершенное толкование снов») Хызра бин Абдулхади Бавазиджи, «Тарджумейн „Харидат ал-аджаиб“» («Перевод „Жемчужины чудес“») Махмуда Ширвани и др. Любопытно, что все они являются переводами объемистых прозаических сочинений, рукописи которых содержат богатый и достоверный материал для изучения азербайджанской палеографии, исторической орфографии и диалектологии, так как сохранились автографы [10—13].

Блестящим образцом второго вида классического перевода является перевод «Чехел хадис» («Сорок изречений») Джамии, выполненный Мухаммедом Физули. Считая совершенный перевод высоким поэтическим мастерством, великий Физули перевел сорок четверостиший Джамии так, что они и сохранили глубину и красоту оригинала, и стали шедеврами азербайджанской поэзии. В оригинальных рубаи Физули рифмуются все четыре строки, в переводных же — лишь вторые и четвертые, как и в оригинале, что показывает, насколько верен поэт своему персоязычному учителю.

К этому виду переводческого искусства можно отнести перевод «Гюлистана» Саади, выполненный в 1657 г. Мухаммедом бин Хусейном Равани, автограф которого хранится в Тебризской национальной библиотеке [14, С. 255], а также переводы «Тазкират ул-овлия» («Житие святых»). Несколько рукописей последнего перевода, выполненных в разное время и в различных регионах, хранятся в турецких библиотеках [15]. Сравнительное изучение этих источников важно как для изучения особенностей переводческих традиций, так и для сопоставительного анализа тюркских языков. Такая работа проделана известным тюркологом, профессором Т. Гянджеи [16] на материалах двух различных переводов «Сафват ас-сафа» Ибн ал-Баззаза — на османский тюрки, выполненного в 1457 г. неизвестным переводчиком, и на азербайджанский тюрки, законченного в 1542 г. Нишати Ширази. Автор, со-

поставляя переводы одних и тех же слов оригинала в этих двух рукописях, обнаруживает любопытное расхождение. Вместо многих арабских и персидских слов, употребленных в переводе османским переводчиком, Нишати использовал их тюркские эквиваленты [17. С. 119—124]. Кроме того, в переводе на османский тюрки использован ряд слов тюркского происхождения, характерных для этого региона, вместо которых в переводе Нишати, наоборот, встречаются их тюркские синонимы, общепринятые у азербайджанцев.

В переводах прозаических сочинений огромное значение придавалось передаче фразеологизмов, пословиц и т. д. Переводчики прошлого, как правило, творчески относились к этому, старались найти эквиваленты в родном языке. Тем не менее нередки случаи и буквального перевода, особенно персидских фразеологизмов.

Третье — вольно-творческое — направление преобладало в переводческом искусстве средневековья, в основном оно использовалось при переводе поэтических произведений. Последователи этой тенденции имели «право» вносить существенные изменения в содержание оригинала. Поэты-переводчики по своему вкусу то сокращали, то целиком спускали любую часть оригинала, часто привносили в перевод свои мысли, творческие приемы и методы. Эти расхождения иногда настолько велики, что трудно определить — перевод это или оригинал. В переводном сочинении «Асрар-наме» («Книга тайн») Ахмеди Тебризи (XV в.) из входящих в него сорока поэтических новелл всего две совпадают по содержанию с новеллами одноименного труда Ф. Аттара, что послужило подтверждением оригинальности его. Как показало сопоставление «Асрар-наме» А. Тебризи с другими сочинениями Ф. Аттара, переводчик использовал и творческое наследие этого персоязычного поэта и добавил свои оригинальные сочинения [18. С. 4—5].

Перевод «Гюльшани-раз» («Цветник тайн») Вали Ширази (XV в.), «Хадикат ус-суада» М. Физули, «Лисан ат-тейр» («Язык птиц») Мухсина Насири (XVIII в.) также можно отнести к третьему виду классического перевода. Так как перевод «Гюльшани-раз» Вали Ширази до сих пор в СССР и в частности в Азербайджане почти неизвестен, считаем целесообразным кратко остановиться на нем. «Гюльшани-раз» написан на персидском языке азербайджанским философом-поэтом Шейх Махмудом Шабустари (1287—1320) в 1317 г. Автор в поэтической форме дает толкование основных суфийских символов. После смерти поэта и до XIX в. это сочинение было объектом широкой дискуссии и комментирования на всем Ближнем и Среднем Востоке. В 1837 г. в Вене оно было издано с немецким переводом. Азербайджанский же перевод был сделан спустя немногим более столетия после смерти М. Шабустари, в 1425 г. Кратко об этом переводе, «выполненном поэтом Ширази» [19. С. 194], сообщал М. Тарбият (1875—1940), однако из-за отсутствия рукописей его в библиотеках и фондах СССР данный перевод до недавнего времени не был известен в Азербайджане даже узкому кругу специалистов. В библиотеках Турции же имеются несколько рукописей перевода, которые были использованы при составлении известного лексикографического труда «Tarama sözlüğü» [15]. Небольшую статью посвятил языковым особенностям перевода турецкий филолог М. Эргин [20. С. 128—130]. Следует отметить, что в Турции переводчик этого сочинения известен под именем Элван Ширази [8. С. 1—235]. Недавно удалось выяснить, что в библиотеке Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР также хранится рукопись этого перевода. Однако в каталоге, составленном Л. В. Дмитриевой, указывается, что рукопись является переводом «Гюльшани-раз», якобы

выполненным неким турецким поэтом и шейх уль-исламом Даситази в 1425 г. с одноименного сочинения М. Шабустари [21. С. 37]. Автор каталога ссылается как на первоисточник на известные каталоги европейских ориенталистов Флюгеля, Пертча и Блоше. Ознакомившись с наиболее ранним из них, составленным Флюгелем, мы и там обнаружили имя Даситази, которого вообще нет в антропонимике Востока. Л. В. Дмитриева в своем каталоге отмечает, что имя автора указано на л. 46. Внимательно исследовав этот лист, мы обнаружили его. Дело в том, что в конце листа написано следующее предложение [22. С. 46]: «Бу

4a

اجورنجه كوكل قوشن قسندن كيني وصف تدي سيزد ورت	انا الحق ديدي مردم هر قسندن كيني سويلدي قرب وبعدي مطلق
مقامي اولدي انك خلك ساهل كينيوك در يوق اهل مدن در	كيني علم ظاهر اولد حاصل كيني كوه بول خلقه صدفند
قديم عهد شاهان قتل اعزاز صان زخيمه خلقك مرهم اوردي	كيني كذويه ايدراي سزاوان كيني جزء كلدن بزدم اوردي
بلوره لوزم اولد حال سويلر كه بلسر اورموزي خلك زاهد	كيني زلف رخط وخال سويلر كيني سويلر شرب شع شاهد
انكلاه وصف يذر اول مقامي نه نصراستون آي هر برخلاق	جو واد زهر مقامك بر كلاوي جو هر سوز منزله دشدي موافق
بقاسينه كوزه اولور قباسي اكا مجروح معني اولدي مشكل	كه هر بز قاسونك وازر لباسي اولر كرامتدي قطع منازل
آي بلاه كرامت اولد خوروت	كينه كرامت اولد بو معينه جرت
بوتاب تصنيف اولدي شيخ فاضل شيخ الاسلام و فيلسوف معين الدين رحمه الله من شهر واسطه كتر	

китаб тәсниф олунду шејх устады Шејхулислам ва-л-муслимин... мубарак нәфәсләрилә» 'Эта книга была сочинена благодаря высочайшему духу наставника шейхов и верующих шейх уль-ислама'. Слово *устады* в этом предложении вместе с диакритическими знаками написано так, что действительно неопытным глазом можно его прочесть как «Даситази» (рисунок). По-видимому, впервые слово «устады» преврати-

45

<p>سُبْحَانَكَ نَفْسُ تِلْكَ وَحَقُّ تَعَالَى نَدَى عِنَّا يَتَلَبَّهَ طَائِبٌ سَأَلَكَ فَايْتَدُوا وَهَيَّجُوا نَسْلَكَ مَعَارِيفٌ خَاضِلٌ أَوْلَى</p>	
<p>افضه دوش اولدي عين مطلع قهايه ملدي هب مرق جيان فتت بكد يو قلدي كوز قران دها مندن دوش دوش در شعور فلک صحنه اولغا کرچين بويا مندي دوزنکه کور محرا قلردي دوشه مرغ سحر خيز مصنبر خاك کور کيت انهار شکوفه دوش مندي دوزنکه کور قوا لراف و کون لون ورعنا بولاري کوردي کور کل کلدي چوش که کل کج بو هوا بيله هوشدن حضورني باطن کده پينه ايله</p>	<p>فلک چون جفره سندن اجد برقع غراب شجود زدي بر تاب هوادن کرلدي معرب بو اسين سحر ضد روق جرح اولدي کوشار دوشه دي آغ صقر بال درين شعاع عندن سرابه دوشدي درتا چمن لطفل کيندي لاله لوخيز زمره شاخ و گلين رنگ ازهار انج کوز مندي رنگين لباسه جهان فرودوش اولندي هانا بهاريندي برغش دوزنکه کوشه خطا بل اولدي برشکين بفسدن وغر عقلو کي اندیشه ايله</p>

حائوز

лось в «Даситази» благодаря «стараниям» Флюгеля, каталог которого впоследствии стал восприниматься как достоверный источник.

Следует отметить, что в ленинградском списке перевода «Гюльшани-раз» имя переводчика указано как Вали Ширази:

Валији-Ширазији хејр ила јад ет,
Бир дуа илэ онун руһуну шад ет.

Вспоминай Вали Ширази добром,
Обрадуј его дух одной молитвой.

И в другом месте встречается имя автора Вали [22. Л. 396]. Ленинградский список датирован 1501 г., он более поздний, чем турецкие рукописи, однако и в описаниях их не приводится отрывок с указанием имени автора. Поэтому до получения фотокопий более древнего списка перевода считаем целесообразным ввести в научный оборот имя переводчика «Гюльшани-раз» — Вали Ширази.

Как показало сличение перевода и оригинала, Вали Ширази внес свои дополнения в начале и в конце каждого заглавия. Некоторые места оригинала и перевода полностью совпадают, однако есть и определенные различия. В целом данный перевод имеет огромное значение для изучения истории перевода в Азербайджане, истории азербайджанского языка.

Имеется еще один вид классического перевода, который, применяя современные понятия и термины, условно можно назвать как «филологический». Этот вид связан с прозаическими переводами таких шедезров поэзии, как «Шах-наме» Фирдоуси и «Хамсе» Низами Гянджеви, рукописи которых появились в XVII в. Элементы такого типа перевода присутствуют также в переводном памятнике XVI в. «Манагиби шейх Сафи» («Дарование шейха Сафи»), где персидские стихотворные отрывки переведены на азербайджанский язык прозой.

В большинстве своем средневековые азербайджанские переводчики сами были поэтами и прозаиками, считали перевод самостоятельным видом творчества. Поэтому вместо «мугарджим» 'переводчик' они называли себя «мусанниф» ('сочинитель, автор') и «назим» ('поэт'). Переводы же свои они именовали «таджума» ('перевод'), «тасниф» ('сочинение'), а иногда «шарх» ('комментарий'). Изредка встречается также тюркское слово «дөндәрмә» ('перевод').

Переводчики, как и средневековые авторы оригинальных произведений, как правило, писали к своим переводам предисловия и послесловия, опуская при этом предисловия авторов оригиналов (однако иногда сохраняли и предисловие автора, например, в «Тарджумейн „Харидат ал-аджаиб“»). В предисловиях переводчиков обычно имеются сведения об оригинале, указываются причины, побудившие их перевести данный труд. Многие переводчики объясняют это стремлением принести пользу тем, кто не понимал язык оригинала. Некоторые переводы выполнялись специально по указанию правителей или по заказу вельмож. Имеются также переводы, где в предисловиях не содержатся сведения об оригиналах, указывается лишь, на каком языке создан оригинал. По-видимому, это объясняется тем, что во время выполнения перевода оригинал был настолько известен, что переводчик не считал необходимым приводить имя автора и название сочинения. В некоторых же рукописях предисловия переводчиков пропускались переписчиками специально, по различным соображениям.

Что касается названий переводов, то большинство их отличается от названий оригиналов. Приверженцы третьего направления считали себя свободными и в выборе названия для своих переводов, но все же они в какой-то мере следовали названиям оригиналов. Так, например, «Разузат аш-шухуда» ('Сад мучеников') переведен как «Шухада-наме», «Хадикат ус-суада» — «Саадат-наме» ('Книга о счастье'), «Тути-наме» ('Книга о попугае') — как «Лисан ат-тейр» и т. д.

Необходимо отметить, что о некоторых азербайджанских переводных сочинениях впервые дал ценные сведения в своих работах известный азербайджанский литературовед, академик АН Азербайджанской ССР Г. Араслы [23. С. 320—322]. Ряд переводных письменных памятников исследовался в лингвистическом аспекте [24—26]. Объектом же специального изучения в Азербайджане они становятся впервые.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Дехода лугат: Буква «Алиф»//Ифтихареддин. Тегеран, 1346.
2. İnan A. Eski türkçe üç Kuran tercümesi//Türk dili. 1952. № 6.
3. Наджин Э. Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. М.: Наука, 1979. Кн. 1. Введение.
4. Legend A. S. Türk edebiyatı tarihi. Ankara, 1984. 1 с.
5. Муджалали. Таригейн-тарджума. Тегеран, 1314. Перс.
6. Эфенди Исхак. Тарджумейн «Мугаддамат ал-адаб»: Рукоп. из собр. Ин-та рукоп. АН АзССР. Шифр С-243.
7. Дəмирчизадə А. Азəри əдəби дили тарихи. Баку, 1967.
8. Gölpınarlı A. Mevlana müzesi yazmalar katalogu. Ankara, 1967. 1—3 с.
9. Саади-Гюлистан: Рукоп. из собр. Ин-та рукоп. АН АзССР. Шифр Б-3333.
10. Шухада-наме: Рукоп. из собр. Ин-та рукоп. АН АзССР. Шифр М-259.
11. Перевод «Сафват ас-сафа»: Рукоп. из собр. Гос. Публ. биб-ки им. Салтыкова-Щедрина в г. Ленинграде. Каталог Ханыкова, 91.
12. Кавамил ат-та бир: Рукоп. из собр. Ин-та рукоп. АН АзССР. Шифр Д-13.
13. Тарджумейн «Харидат ал-аджаиб»: Рукоп. из собр. ЛО ИВ АН СССР. Шифр В-790.
14. Фехрести-Кетабханейи-Меллийи-Табриз. Джелд-е аввал. Тебриз, 1347.
15. Тагата sözlüğü. Ankara, 1964—1974. 1—7 с.
16. Щербак А. М. К изучению старотюркской и персидско-таджикской литературы: (Обзор работ Турхана Ганджан) // Сов. тюркология. 1987. № 5.
17. Gandjei T. Turcsa agemica//Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien, 1986.
18. Нагизв М. З. Азербайджанский переводный памятник XVI века «Шухада-наме»: (Вопросы палеографии, орфографии и перевода): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1978.
19. Тəрбијат М. Данишмəндани Азəрбајҹан. Баку, 1987.
20. Ergin M. Türk dili ve edebiyatı dergisi. 1952. № 4.
21. Дмитриева Л. В. Описание тюркских рукописей Института востоковедения. М.: Наука, 1980.
22. Тарджумейн «Гюльшани-раз»: Рукоп. из собр. ИВ АН СССР. Шифр. В-285.
23. Араслы Г. XV—XVI əsrлəрдə Азəрбајҹан əдəбијјаты//Азəрбајҹан əдəбијјаты тарихи. Баку, 1960. 1 ч.
24. Ализаде С. Имена в «Шухеда-наме»: Дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1965.
25. Садыгов Э. Язык «Шейх Сафи тезкиреси». Дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1973.
26. Халилов Ш. Язык азербайджанского письменного памятника XV века «Асрар-наме»: Дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1974.

И. А. ХАЛИПАЕВА

**МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДАНИЕ КУМЫКОВ
«ОКАМЕНЕВШАЯ АЙМЕСЕДУ»**

(ОПЫТ АНАЛИЗА В СРАВНИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ)

В кумыкском фольклоре значительное место занимают архаические мифы, сказки, легенды и предания, связанные с охотой.

Античные источники и данные археологических исследований свидетельствуют, что жители Северо-Восточного Кавказа с давних пор занимались скотоводством и охотой. Присматриваясь к поведению животных, человек выделял в нем действия, которые представлялись ему разумными, осмысленными. Это находило свое отражение в легендах и мифах, где звери, нередко наделенные даром речи, вступали в контакт с человеком и порой оказывали ему те или иные услуги (ср. домашние звери в фольклоре разных народов, в том числе в кумыкском).

В восходящих к эпохе матриархата фольклорных произведениях тюркоязычных, ираноязычных и кавказоязычных народов отражена выдающаяся роль женщины в древнем обществе, показана духовная сила женщины, хранительницы очага и основополагающих ценностей формирующегося общества.

Указанные мотивы характерны для кумыкского мифологического предания «Окаменевшая Аймеседу», сочетающего стихотворный текст с прозаическим и тем самым особенно близкого к тюркоязычной фольклорной традиции, хотя, разумеется, сочетание стиха и прозы было присуще фольклору не только тюркоязычных народов.

Мифологическое предание это в том виде, в каком оно было записано нами в 1978 г. от У. Пашаевой в с. Башлыкент Каякентского района Дагестанской АССР, состоит из трех частей: 1 — прозаического повествования, предваряющего текст песни Аймеседу; 2 — песни-плача красавицы Аймеседу; 3 — стихотворного текста, произносимого от имени сказителя (последние пять строк).

По всей вероятности, первая часть этого произведения ранее существовала в виде песни, однако текст ее оказался забытым. Другие варианты нами пока не обнаружены. Возможно, сохранившийся и записанный вариант [1. С. 109—111] представляет собой лишь один из эпизодов известного в свое время древнего эпоса кумыков.

В начале повествования говорится о том, что мужчина рождается дома, а воспитывается среди скал, под солнцем и дождем. Такое начало мы встречаем и в других памятниках кумыкского фольклора («Йыр о Минкюллю») [2. С. 49]. В прозаической части памятника повествуется, как давным-давно в местности Чохакент жил батыр по имени Али, который был таким сильным, что часто голыми руками справлялся в лесу с крупным зверем. У Али была красавица-жена Аймеседу, занимавшаяся домашним хозяйством. Хоть и не нажил Али большого богатства (мал),

но народ уважал его и прозвал за силу и храбрость «Солтан». У Али-Солтана была бурка, которую никакие стрелы не могли пробить. Раз пошел Али-Солтан на охоту в лес, где повстречался ему кабан. Батыр поймал его и хотел убить, но ненароком выпустил кабана из рук, и тот нанес Али-Солтану глубокую рану в груди. С помощью своей собаки Али все же убил кабана, а затем воротился домой. Увидев на груди мужа тяжелую рану, Аймеседу запричитала: «Уя, что с тобой случилось? Уя, кто заставил тебя обливаться кровью, кто причинил тебе такую боль, принес такую беду?». Но Али молчал и думал, что ум у женщины лежит в подоле: как только встанет — ум выпадет. Мужчина не должен всего рассказывать женщине. Тем временем Аймеседу собрала разные лечебные травы, надеясь облегчить страдания мужа, но ничем не смогла помочь ему.

Надвигающаяся беда не давала ее мыслям покоя.

Подошла к Аймеседу собака и спросила человеческим голосом: «Тяжелы ли твои думы, что так голову опустила?»—«О чем могут быть мои мысли? Рана Али не дает моему сердцу покоя, и не знаю я, что с ним случилось». — «Аймеседу моя, я открою эту тайну тебе, только ты Али не говори. Черный кабан нанес ему эту рану»,—сказала собака.

Шло время, и Али становилось все хуже. Аймеседу приходила с мужем к воде и обмывала его рану, но вода всякий раз оказывалась соленой и лишь усугубляла мучения Али. Вскоре батыр умер. Односельчане оплакивали его:

Тувгъансан сен, Али батыр, атангны тёр уьонде,
Тавлар-ташлар оьсдюрген сени ая кьолунда.
Кириндире болгъан сени гюзю янгурлар.

Родился ты, батыр Али, в почетной комнате своего отца,
Горы взрастили тебя на своих склонах,
Купали тебя осенние дожди.

Удивительно сходны описания образа жизни Али-Солтана и Минкюллю, а также Энкиду — героя эпоса о Гильгамеше. Так, Энкиду «в степи родился, его горы взрастили». А вот начало кумыкской песни о Минкюллю: «Минкюллю родился дома, рос вне дома (в горах)» [3. С. 22—30].

В древнем эпосе о Гильгамеше, в йьре о Минкюллю можно проследить ряд других общих черт. Исследователь фольклора А. М. Аджиев пишет, что причиной временной слабости обоих героев (как и вайнахского Колоя Канта), по-видимому, является любовная связь с женщиной; и тому и другому (Энкиду и Минкюллю) в помощи отказывает близкий человек (отец, Бог-отец). А герой предания об «Окаменевшей Аймеседу» Али сам отказывается от помощи; кроме того, он утаивает от жены происхождение своей раны. Вероятно, здесь перед нами отголоски борьбы отцовского и материнского начал, и поэтому герой не желает просить помощи у женщины. Причина нежелания сказать правду жене, возможно, заключается и в том, что кабан в данном произведении — зооморфная инкарнация божества охоты, покровительницы животных. Убивая кабана, Али обречен на гибель. Это известный на Кавказе сюжет о погибшем охотнике, когда хозяйка зверей награждает своего избранника чудесными дарами, а как только он нарушает табу, например, убивает много зверей, то насылает на него погибель [4. С. 79—91].

Сюжет «Окаменевшей Аймеседу» напоминает песню о Беткиле из грузинской мифологии. Дали, обернувшись белым оленем, заманивает Беткиля на вершину скалы, где он и находит свою смерть. По всей ви-

димости, смерть Али тесным образом связана с нарушением охотничьего табу.

Заметим, что эпизод с собакой, наделенной даром речи и передающей секрет хозяина его жене, встречается также и в эпической песне о Минкюллю.

В первой, прозаической, части предания говорится, что Али жил в местности Чохаkent. Возможно, это старое, параллельное наименование поселения Чохъла аул, по сей день существующего близ с. Башлыкент (персидско-тюркское *kent* и тюркское *авул* имеют синонимичное значение: 'поселение', 'селение', 'аул'), но слово *чохъла* в переводе с кайтагского диалекта кумыкского языка означает 'впадина', 'яма', и надо сказать, что и сегодня местоположение села соответствует своему названию.

Можно высказать и другое предположение. Древними авторами часто упоминается город Чор (Чога), который некоторые исследователи отождествляют с Дербентом. Например, Моисей Хоренский отмечает, что «хазары и басилы», соединившись, прошли через ворота Чора (Дербента) [5. С. 8]. Историк VIII в. вардапет Гевонд указывает, что страна гуннов расположена севернее прохода Чора (Дербента) [6. С. 16]. Однако, как писал в VII в. Моисей Каланкатуйский (Каганкатвац), Чор находился «недалеко от Дербента» и был одним из городов Кавказской Албании и первой резиденцией албанского католикоса [7. С. 28]. До нас дошли остатки одного из крупнейших в Дагестане городищ, вокруг которого сохранились развалины стен с башнями и воротами. Городище было окружено глубоким рвом. Очевидно, оно и носило название Чога [8. С. 122]. По всей вероятности, события, о которых идет речь в этой части повествования, разворачиваются близ города Чор (Чога).

Перейдем ко второй части предания. Плач Аймеседу выдержан в традиционном эпическом русле:

Омочила рукава я в водах соленых,
Травы-листья для раны искала я в чуткой тишине.
Думала, что если омою в воде твои раны, — они занеют,
А листок, как бальзам, боль твою успокоит.
О, почему сегодня не застонут от горя скалы?
Ведь умер Али-Солтан — равный нартам герой (удалец).

Анализируемый памятник интересен еще и тем, что в нем упоминается столица Хазарии — Семендер:

Из парчи, купленной в Семендере,
Сегодня я сошью и надену черный траур.
Черные дни — дни печали над моей головой.

Первые упоминания о Семендере относятся к VIII в. По мнению некоторых исследователей, Семендер был расположен вблизи нынешней Махачкалы, другие же полагают, что он был расположен в устье Терека. Семендер был столицей Хазарского каганата до 30-х годов VIII столетия, но после нашествия арабов хазары вынуждены были перенести столицу на Волгу, в город Эдил (Итил). Однако и после этого Семендер не утратил своего значения. Он считался центром торговли и ремесла на Восточном Кавказе. Восточные авторы утверждают, что это был очень богатый город со множеством садов, базаров, с торговым и ремесленным людом. Во второй половине X в. Семендер был разрушен [9. С. 5—73; 10. С. 37—54; 11—13].

В плаче Аймеседу можно найти и другие интересные детали. Так,

например, упоминаются «соленые воды» (тузлу сувлар). Возможно, речь идет о морской воде, — мы знаем из истории, что Семендер находился на берегу моря. Но можно предположить, что здесь имеются в виду «тузлакълар», «джанга ерлер», т. е. солончаки, расположенные за Башлыкентом, по дороге в Селли.

По всей видимости, место обитания героини повествования — близ города Семендера, находившегося в VIII—X вв. на территории Северо-Восточного Кавказа. Мы располагаем и некоторыми другими параметрами, позволяющими установить примерное место событий, происходящих в тексте. Так, имя героини — Аймеседу — ('лунная красавица') распространено в Дагестане. Состав антропонима — смешанный (тюркско-аварский): *ай* 'луна' имеет тюркское (кумыкское) происхождение, *меседу* 'золотая', т. е. 'красавица' — горско-дагестанское (аварское). Имя Меседу встречается как у аварцев, так и у даргинцев, кумыков, лакцев, лезгин, рутульцев и др. Имя героини отражает древние и тесные контакты между тюркскими и горско-дагестанскими племенами.

Плач (ваягъ) Аймеседу занимает большую часть произведения. Жанр плача был широко распространен в устном народном творчестве кумыков в древности и в средние века. Дошел он и до наших дней. В плачах, созданных в последнее время, обычно содержатся обращения к аллаху, к окружающим людям и к самому покойнику. Плачущая чаще всего жалуется на свою горькую долю, свое одиночество в этом мире.

Для древних плачей характерны были обращения к силам природы: Солнцу, Небу, Ветру, Воде и т. д. Здесь, по нашему мнению, дело не только в том, что Солнце и Луна в представлении древних были божеествами, могущими услышать, оказать влияние на судьбы людей, но и в том, что в сознании первобытного человека мир мыслей и чувств был неотделим от мира природы. Обращаясь к соленым водам, волнам, южному ветру, деревьям, солнцу, луне, скалам, болоту, пескам, небесам, а затем к собственным глазам, крови, сердцу, голосу, душе, Аймеседу обращается к единой Вселенной. Если от сил природы она ждет сочувствия, помощи, то от своего тела — отклика на тяжелую потерю. Особенно впечатляет обращение к Солнцу: «Или сожги или дай мне веру!». Отклика на свое горе героиня ждет от всех тесно связанных (в ее сознании) сил природы и собственных душевных и телесных сил.

Примечательно и то, как Аймеседу ищет лекарство для своего Али:

Травы-листья для раны искала я в чуткой тишине.

По сей день в сознании народа сохранилось поверье о том, что лекарственные травы обладают сверхъестественной силой [14]. Способ их сбора был подчинен строгим правилам, очевидно, продиктованным языческими представлениями о магии. Женщины в определенную ночь, в полночь, шли на кладбище, раздевались догола и, имитируя лай собак, мяуканье кошек и крики других животных, собирали травы. После принятия кумыками ислама этот обряд считался колдовским и жестоко карался. С помощью магических трав якобы можно было излечить раны или, напротив того, наслать смертельную болезнь, приворотить любимого и т. д.

Аймеседу не только искала эти травы, но и приводила Али в горы и «сидела с ним на краю чуткой тишины»:

Сени алып, чыкъсам да мен тавлагъа,
Олтурсам да ягъа бойлап чувлагъа.

Взяв тебя, выходила я в горы,
Сидела на краю чуткой тишины.

Возможно, что и образ «чуткой тишины» (чувлукъ, чувлар) также каким-то образом соотносится с представлениями о магических силах. Силы природы не помогли Аймеседу излечить ее мужа, но они избавили ее от горя, обратив героиню в камень.

Превращение человека в камень — явление довольно частое в дагестанской мифологии [16]. Но почему именно в камень? На наш взгляд, камень — объект не случайный. В сказании «Анжи-наме» [18. С. 22—30] фигурирует «камень молитвы» — Камари. Предвещая трагедию города, он загорается, да и вообще он выступает в качестве созвучного эмоциональному миру человека объекта природы.

В плаче Аймеседу встречается много эпитетов: *тузлу сувлар* 'соленые воды', *яра япракъ* 'трава для ран', *сари саз* 'желтая глина'; немало в тексте и сравнений: *нартлардай тал тереклер* 'подобные нартам тополя', *аччы къамуш* 'горький камыш', *къара орманлар* 'черные леса', *къара къабан* 'черный кабан' и т. д. Эпитеты чаще всего простые. Предметы и животные характеризуются одним определением. Эмоциональную насыщенность создают параллельные противопоставления объектов природы действиям человека, например:

Кёклер бийик — батгычы ёкъ минмеге,
Ерлер къатты — ачгычы ёкъ гирмеге.

Небеса высоки — нет лестницы, чтобы подняться,
Земли тверды — нет ключа, чтобы открыть (зайти).

В ритмике плача чувствуется размеренность древнего эпоса. Одиннадцатисложная строка плача часто нарушается, что характерно для архаичной поэзии. По всей вероятности, произведение создано в эпоху, когда кумыкская силлабическая система стихосложения еще не сложилась окончательно и были еще живы традиции архаичной динамической системы стихосложения. Чаще всего сбой силлабики происходит в риторических обращениях, что, возможно, активизировало внимание слушателей. Интересно отметить, что этим приемом весьма эффективно пользовался классик кумыкской литературы Ыырчы Казак. В строфическом отношении плач Аймеседу составляет единое целое, его нельзя расчленить, — эта особенность вообще характерна для кумыкских эпических текстов. Рифма чаще всего парная, но нередко бывают вставные строки, в которых рифма отсутствует. Например:

Кёклер бийик — батгычы ёкъ минмеге,	(а)
Ерлер къатты — ачгычы ёкъ гирмеге.	(а)
Ер емишлер гъарам магъа ашама,	(б)
Тырнакъларым тёле къазсын яшама,	(б)
Гъей, Гюн! Тутул болуп арыкъсыз!	(в)
Гъей, Ай! Гюренлен, мени азыкъсын!	(в)
Яшав гъарам магъа, олюм парз!	(г)

В ряде случаев рифмуется часть суффикса с прибавлением повторяющегося *деп* ('говоря', 'сказав'). Рифма обычно богатая, точная, включает в себя часть корня или основы. Перекрестная рифма встречается редко.

В целом же плач представляет собой последовательность обращений к Солнцу, Луне, Ветру, Камню, Воде, Земле и т. д. — исконным объектам поклонения языческих племен. Такого рода обращения встре-

чаются в самых различных памятниках мирового фольклора; достаточно вспомнить, например, плач Иштар о Думузи в «Гильгамеше», плач Ярославны из «Слова о полку Игореве», а также плач Парил Меседу из лакской легенды «Бархху и Арин» [19] и др. Попробуем сопоставить их:

1. Аймеседу на заре причитает у воды.

1. На заре причитает на городской стене Ярославна.

2. Аймеседу: «Смочила рукава я в водах соленых, травы-листья для раны искала я в чуткой тишине».

2. Ярославна: «Омочу бебрян рукав в Каяле, оботру кровавы раны князю».

2. Парил Меседу: «Средь зеленой травы тебе шалфея нашла бы, чтобы твои кровавые раны травую вылечить».

Как видим, действия героинь — Аймеседу, Ярославны и Парил Меседу сходны, т. е. мы наблюдаем древний обряд очищения водой, который совершали прежде, чем приступить к какому-либо серьезному делу.

3. Аймеседу: «Ветры Къабу, воющие в ущельях, почему стоны мои не доносите до Али?».

3. Ярославна: «Ветер-ветрило, что, ты, господине...».

3. Парил Меседу: «Пусть унесет ветер мечты мои!».

4. Аймеседу: «Эй, Солнце! Спрячься, свет свой убери!».

4. Ярославна: «Светлое, пресветлое ты, солнце!

Ах, для всех красно, тепло ты, солнце».

4. Парил Меседу: «Теперь, солнце, закатись,

Убери свой свет (яркость)!».

Образы Аймеседу и Парил Меседу типологически созвучны: обе героини обращаются к языческим божествам, они хотят превратить части своего тела в камни, скалы, а кровь — в воду, они таят обиду на эти божества за то, что те не исполнили их просьбы. К языческим божествам тюрков Тенгри, Алаву, Авамчы обращается также героиня «Анже-наме» Айкыз.

В отчаянии от постигнутого горя Аймеседу «хотела бы превратиться в черного кабана (къара къабан) и уйти с этого света в темные леса», т. е. превратиться в животное, которое считалось нечистым («мурдар»), что также является отголоском домусульманской архаики. Другое нечистое, согласно мусульманским представлениям, животное — собака — помогает героине, раскрывает ей тайну мужа, разговаривает с ней человеческим языком.

Показательно, что в плаче героини отсутствуют обращения к аллаху, хотя в тексте встречаются изредка некоторые элементы мусульманской мифологии, например: ад (*жагъаннем*), рай (*женнет*), райские гурии, арабские слова (*џварам*, *парз*); имя героя — Али или Али-Солтан, арабско-тюркское по происхождению, является именем типично мусульманским. Но все эти исламские выражения тонут в потоке языческих представлений.

Третья часть произведения убедительно свидетельствует о том, что плач Аймеседу является памятником домонотеистической религии кумыков. Об этом же говорит и превращение героини в камень (в произведении, пронизанном мусульманскими представлениями, такая метаморфоза была бы невозможна, — изображение человека в какой бы то ни было форме считается в исламе греховным). Это же подтверждает и обращение героини к различным неодушевленным предметам, а не к единому богу. Али и Аймеседу тесно связаны с природой, они как бы срослись с нею, их нельзя мыслить в отрыве от природы. Неслучайно

Аймеседу восклицает: «Да превратиться мне в черного кабана!». Но особого внимания заслуживают следующие строки:

Как мне, мой Али-Солтан, дойти до тебя?
 Плающую душу мою как облегчить?
 К камню приложила лоб эта бедняжка,
 Чтобы соленые воды, омыв, успокоили ее,
 Аймеседу там превратилась в камень.
 Говорят, один неизвестный человек это видел
 И, увидев ее, — пожалел.

Сперва Аймеседу говорит о собственных страданиях, затем обращается к силам природы, к частям своего тела. Эмоциональная атмосфера становится все более напряженной и тревожной, и разрешается она лишь в момент обращения героини в камень. Остается «чуткая тишина», исполненная горя и магии, перевоплощения, чуткая и звонкая тишина фольклорного бытия.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ Халипаева И. А. Окаменевшая Аймеседу//Дружба. 1979. № 1. Кумык.
- ² См.: Аджиев А. М. Дальние дороги песни. Махачкала: Даггиз, 1977.
- ³ Антология кумыкской поэзии. Махачкала: Даггиз, 1959.
- ⁴ Вирсаладзе Е. Б. Грузинский охотничий миф и поэзия. М.: Наука, 1976.
- ⁵ Цит. по кн.: Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1927.
- ⁶ Хан-Магомедов С. Дербент. М.: Искусство, 1979.
- ⁷ История халифов вардапета Гевонда/Пер. с арм. Спб., 1862.
- ⁸ История Дагестана: В 4 т. М.: Наука, 1967. Т. 1.
- ⁹ Ал-Истахри. Из книги путей царств/Пер. Н. А. Караулова//СМОМПК. Тифлис, 1901. Вып. 29.
- ¹⁰ Ибн-Русте. Из книги драгоценных камней/Пер. Н. А. Караулова//Там же. Тифлис, 1903. Вып. 32.
- ¹¹ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
- ¹² Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967.
- ¹³ Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М.: Наука, 1983.
- ¹⁴ Записана нами от М. Д. Акаева в с. Н.-Кумухе Буйнакского района в 1986 г. (45 л.). Богатый материал в этом отношении дает огузский героический эпос «Книга моего деда Коркуда», сказание о Богачджане, сыне Дерсе-хана, рассказывающее о том, как сорок дев нарвали горных цветов и, смочив их в молоке матери, приложили к ране юноши [15. С. 19]. Этот же мотив мы встречаем и в эпосе «Кероглу».
- ¹⁵ Книга моего деда Коркута: Огузский героический эпос. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
- ¹⁶ Подобные мотивы встречаются и в сказках, легендах и преданиях кумыков, на пример, в сказке о Бекболате, в преданиях «Каменный мальчик», «Окаменевшие овцы». Ср. также: [17. С. 140].
- ¹⁷ Барсов А. Предания о некоторых местностях Дагестана//СМОМПК. Тифлис, 1882. Вып. 2.
- ¹⁸ См.: Алиев С. М., Акаев М. Д. Хрестоматия по дореволюционной кумыкской литературе. Махачкала, 1980. Кумык
- ¹⁹ Записано со слов ст. науч. сотр. Ин-га истории, языка и литературы Х. М. Халилова в 1986 г.

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Г. Ф. САТТАРОВ

ФИННО-УГОРСКИЕ ЭТНО- И АНТРОПОТОПОНИМЫ ТАТАРИИ

Топонимы, образованные из этнонимов (т. е. этнотопонимы) и из антропонимов (т. е. антропотопонимы), представляют собой особую группу географических названий, проливающих определенный свет на проблемы этногенеза и этнической истории населения соответствующего региона. На значение топонимических данных в изучении истории и этнического состава населения обратил в свое время внимание еще Ф. Энгельс — в работе «Франкский диалект» [1. С. 536—543].

В топонимии современной Татарской АССР нашли отражение языки и языковые пласты многих племен и народностей, живших в этих краях с древнейших времен: финно-угорских, индоиранских, тюркских, монгольских, славянских и др.

Этно- и антропотопонимы, связанные с названиями финно-угорских племен, народностей и народов, а также с их личными именами и прозвищами, рассеяны по всей территории республики. Наименования ряда татарских населенных пунктов, основу которых составляют различные финно-угорские (марийские, удмуртские, мордовские, мансийские, коми, мадьярские и др.) этнонимы и антропонимы, в совокупности образуют финно-угорский пласт в топонимии Татарии.

К VI—VIII вв. относятся прослеживаемые контакты мордовских и тюркских племен [2. С. 153]. В конце VII—VIII в. в Среднем Поволжье появляются тюркоязычные булгары, создавшие на рубеже IX—X вв. раннефеодальное государство — первое в истории народов Волго-Камья. Тесное общение волжских тюрков с территориально близкими мордовскими племенами способствовало их культурному взаимовлиянию [3. С. 51—52], что и запечатлелось в этнотопонимах региона.

Этноним *мукшы* (*мокша* — этническая ветвь мордвы) дал название татарским деревням Мукшы в Арском и Дрожжановском р-нах. Деревня Мукшы Арского р-на расположена у реки, которая также называется Мукшы (левый приток р. Ашты). (Речка Мукшы имеется еще в бассейне р. Сыла (Высокогорский район в Заказанье)).

В исторических документах деревня Мукшы зафиксирована в Заказанье в период самостоятельности Казанского ханства [4. С. 287]. Основана она, по всей вероятности, мокшей во времена существования Булгарского государства, а возможно, и ранее. Это подтверждает и ежегодно проводившийся несколькими соседними (некогда родственными) деревнями древнейший народный праздник *джиен*, называвшийся также Мукшы тау [5. С. 199]. Ср.: Биек тау,

Казан тау, Кала тау, Кара тау и т. д. — названия джиенов Заказанья [5. С. 199]. Н. Б. Бурганова название джиена Мукшы тавы выводит из мар. *mjki* 'пчела, пчелиный' — булг. *ataw* 'роща, лес' [6. С. 23]. Однако наличие этнонима *мокша* в надписях на некоторых болгаро-татарских надгробных камнях (XV—XVI вв.) Заказанья в форме *موخشى* (мухшы) и личного имени *موخشوات* (Мухшеват) [7. С. 250] дает основание вывести название этого джиена из финно-угорского этнонима *мухшы* (мокша); *Мукшы тау жыены*, по всей вероятности, означает «джиен Мокшанской горы». Употребление этнонима *мухшы* и личного имени Мухшеват в болгаро-татарской эпитафии и топонимии рассматриваемого нами региона становится понятным, если принять во внимание тесные взаимосвязи ранних и поздних болгар с мордвой-мокшей, доказанные на археологическом материале [8. С. 162]. В совокупности этнографические, археологические, исторические, этно- и антропотопонимические данные не согласуются с утверждением, в частности, Г. Е. Корнилова о том, что «не обнаружены материальные следы древнего пребывания мордвы в бассейне р. Казанки и ее протоков» [9. С. 97], т. е. в центре Заказанья. Формирование топонимии, этно- и антропотопонимии любой обжитой территории предполагает заимствование и переработку предшествующей топонимии, этно- и антропотопонимии, что распространяется и на Татарию.

В Лаишевском уезде Казанской губернии были деревни Мордовы-Челны (по-татарски Мукшы аул) и Мордово Новое. Их первых поселенцев — мокшу (Мукшы аул) — впоследствии вытеснили в Чистопольский уезд [10. С. 76].

Этноним *мухшы* (мокша) входит также в состав нескольких микро-топонимов разных районов Татарии: Мукшы болыны (Мокшинский луг) — д. Яушик Лаишевского р-на, Мукшы зираты (Мокшинское кладбище), Мукшы чокры (Мокшинский овраг) — д. Маметьево Альметьевского р-на, Мукшы таллыгы (Мокшинский тальник) — д. Мочалей Дрожжановского р-на, Мукшы чыгышы (Мокшинский родник) — д. Ишим Камско-Устьинского р-на, Мукшы эрэмәсе (Мокшинская урема) — д. Кама-Исмагилово Альметьевского р-на, Мукшы тугае (Мокшинская пойма) — деревни Куюк Высокогорского р-на и Верхний Нурлат Октябрьского р-на, Мукшы күле (Мокшинское озеро) — деревни Верхнее Стярле Азнакаевского р-на и Татарская Багана Чистопольского р-на, Мукшы урманы (Мокшинский лес) — д. Татарская Багана Чистопольского р-на и т. д. Понятно, что не все из указанных микро-топонимов имеют древнее происхождение. Некоторые из них возникли только на рубеже XVII—XVIII вв. в связи с переселением части мордвы-мокши в Закамье.

Этноним *каратай* (название этнической группы мордвы, проживающей в основном в Камско-Устьинском р-не ТАССР; язык ее относится к каратаевскому говору нагорной группы говоров среднего диалекта татарского языка) входит в названия нескольких населенных пунктов и небольших рек Татарии. В Камско-Устьинском р-не в селах Мордовский Каратай и Заовражный Каратай живут мордва-каратаи, а в деревнях Каратай Арского, Зай-Каратай и Мукмин-Каратай Лениногорского р-нов — татары. Первооснователи (древние предки) этих последних населенных пунктов — каратаи (мордва-каратаи), оставившие свои этнонимы в названиях указанных деревень, полностью отатарились.

В Камско-Устьинском и Лениногорском р-нах протекают речки Олы Каратай (Большой Каратай) и Кече Каратай (Малый Каратай). Происхождение самого этнонима *каратай*, так же как и этнонима *карачай* (название тюркской народности Северного Кавказа), связано, вероятно,

с гидронимом Каратай ~ Карачай ~ Карашай 'Черная река'. По мнению В. А. Никонова, «**карачаевцы** названы по местности на р. Карачай (из тюрк. *кара* 'черный' и *чай* 'вода')» [11. С. 178]. В Кушнаренковском р-не БАССР под названием Карачай-Елга известны речка и село.

Древний этноним марийского народа *чирмеш* (черемис) до сих пор сохранился в названиях сел, рек, речек, озер, кладбищ и т. д.

В числе селений Казанского ханства на Зюрейской дороге (Заказанье) были Черемыш (татарский), Черемыш-Апакаево, Черемышево (на речках Нурме и Ушне). По данным первого топонимиста Казанского края И. А. Износкова, с. Черемыш-Апакаево называлось Черемышево Поганое, Малое Черемышево, Апакаево, по-татарски — Апакай Чирмеш, Чирмеш иле [10. С. 63].

Относительно названия русского села Черемышево И. А. Износков писал следующее: «По названию села можно предполагать, что первоначальными обитателями в нем были черемисы. В Козьмодемьянском уезде есть черемисское село Черемышево» [10. С. 62].

Местные татары татарско-русского села Черемыш-Апакаево (в настоящее время Ленино-Кокушкино) и сейчас именуют себя Апакай (от древнего личного имени Аппаккай 'Белый-пребелый' > Апакай). Русскую деревню Черемышево татары называют Чирмеш, что соответствует древнему этнониму предков марийцев *чирмеш* (черемис).

Проживание черемисов в начале нашей эры в Нагорной стороне (Правобережье Волги) подтверждается археологическими (В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков и др.), историческими (К. Насыри, Х. Г. Гимади, В. Д. Дмитриев и др.) и топонимическими (Л. П. Сергеев, Г. Ф. Саттаров) исследованиями.

Около татарской деревни Полевая Буа Апастовского р-на Татарии озеро называется Чирмеш күле (Черемисское озеро), в д. Малые Ширданы Зеленодольского р-на родники — Чирмеш кизләве (Черемисский родник) и Чирмеш суы (Черемисская вода). Около татарского села Мулла иле 'Молвино' Зеленодольского р-на (автор данной статьи родом из этой деревни) есть озеро Кукмар күле (Кукмарское озеро), а в Больших Ачасырах — речка Кушангар и поле Чирмеш кыры (Черемисское поле). Этимологию этих гидронимов можно объяснить на основе марийского языка: по-марийски Кукмар означает: 1) *курык* > *курк* > *кук* 'гора' + 2) *мар* (< *марь* < *мари* < *марий* — самоназвание народа; 'муж, мужчина') 'горный человек', 'горные мари'.

Марийский языковед-этимолог Ф. И. Гордеев считает, что первый компонент топонима Кукмор (Кукмара — рабочий поселок, центр Кукморского района ТАССР) *кук* восходит к иранским языкам, где он означает «гора». Ср.: мундж. *кишука* 'камень, скала, гора', перс. *kuh*, осет. *hoh* 'гора' [12. С. 188].

Финно-угорский региональный географический термин *мар* означает „холм, одинокая горка, бугор, курган“. В эрзя-морд. языке *мар* — это „куча“, „могильный холм“, „бугор“ [13. С. 361], в мишарском диалекте татарского языка *мар* — „холм, пригорок, возвышенность“ [14. С. 300]. Если это так, то название деревень Заказанья Пижмар (удм. *пужым* 'сосна', 'сосновый' + *мар*) имеет значение „сосновый холм, пригорок“, а Каймар (мар. *кайык* 'птица', 'птичий' + *мар*) — „птичий холм, бугор“ или (от тат. *кайын* 'береза', 'березовый' + *мар*) „березовый холм, бугор, пригорок“. В названии Кушангар, также являющемся сложным словом, первая часть Куш (Кушан) в татарском языке употребляется в значении „спаренная“, „слитная“, а вторая — *аңгар* (*энгер*) в общемарийском языке означает „река“, „речка“.

Судя по примерам, марийские топонимы распространены на весьма

обширной территории Татарии, что свидетельствует об обитании в этих местах древнемарийских племен.

Удмуртский языковед Т. И. Тепляшина пишет, что «географические наименования с элементом *пор* оставили угорские племена, что манси считают себя народностью, сложившейся из двух родов: „пор и моксь”», и заключает, что «территория, на которой встречаются топонимы с основной *пор*, некогда была заселена мансийскими родовыми ячейками» [15. С. 263]. Далее она отмечает, что в настоящее время слово *пор* удмуртами употребляется как этноним марийцев. Ф. И. Гордеев указывает, что «*пор* — удмуртское название мари и *пор* — „род” у обских угров» [16. С. 22].

В марийской АССР есть Параньгинский р-н и с. Параньга (райцентр). Название Параньга, по всей вероятности, состоит из этнонима *пор* ~ *пар* 'мариец', 'марийский' и заимствованного из древнебулгарского в марийский язык географического номенклатурного термина *аңгар* ~ *энгер* 'река, речка, поток, овраг' (р. Ангара в Сибири > *анга(р)*) [17. С. 298] означает „поровская речка”, т. е. „марийская речка”). Ср.: починок Пор Илга 'поровская речка' по реке Барангуш [18. С. 275]. В Параньгинском р-не живут в основном казанские татары. Под влиянием народной этимологии этнопоним Параньга преобразовался в близкое по звучанию татарское слово Бәрәңге 'картофель'. На этой же почве возникли татарские этнолингвистические термины *бәрәңге татарлары* 'параньгинские татары' и *бәрәңге сөйләше* 'параньгинский говор'. В Параньгинском р-не есть татарская деревня Портянур. Ойконим Портянур, по всей вероятности, состоит из этнонима *портя* 'марийское' + марийский географический номенклатурный термин *нур* 'поле'.

В топонимии Татарии также имеются ойконимы, связанные с этнонимом *пор*. Например, в Кукморском р-не есть татарская деревня Поршур (Т. И. Тепляшина говорит о двух удмуртских деревнях в Глазовском и Можгинском р-нах Удмуртии с названием Поршур 'Поровская река', 'река поров'), в Балтасинском р-не — удмуртская деревня Пор-Кутеш, на территории г. Зеленодольска ж.-д. ст. Паратск, наименование которой состоит из слов *пор* ~ *пар* 'марийская' (этноним) + *ат* ~ *ото* — по-марийски 'роща' + *ск* — русский суффикс; в совокупности — „поровская роща”, „роща поров”. В Казанском уезде на территории современного г. Зеленодольска были марийская деревня Параты Старые (она же: Параты Большие, Параты Черемисские) и русское село Параты Новые (оно же: Параты Русские) [19. С. 12].

Таким образом, географические названия, включающие в свой состав финно-угорское родоплеменное наименование *пор*, встречаются, как это отмечает Т. И. Тепляшина [15. С. 262], не только на севере Удмуртии (в бассейне р. Чепцы) и в северо-западном Приуралье, но и гораздо южнее, т. е. на северо-западе Татарии.

Как считает Т. И. Тепляшина, в удмуртских деревнях, в названиях которых входит компонент *пор*, живут удмурты (кроме сел. Малый Дасос, где проживают бесермяне) [15. С. 264]. Исходя из приведенных примеров, можно сказать, что в населенных пунктах Татарии, в названиях которых входит этноним *пор*, жили и живут не только удмурты, но и татары, черемисы (марийцы) и русские.

Казанские татары и сейчас удмуртов называют *арами*. По мнению В. А. Кельмакова, удмурты получили название *ар* от булгарских племен, по-видимому, в конце VII в. [20. С. 191].

В свою очередь, этноним *ар* восходит к древнетюрк. *er* (< *ar*) 'муж, мужчина'. Ср.: тат., башк. *ир*, узб. *эр*, чуваш. *ар* 'муж, мужчина', 'люди'. Этнокомпонент *ар* ~ *эр* ~ *ир* ~ *ыр* ~ *ур* 'муж, мужчина' присутствует во

многих тюркских этнонимах: *авар, акацир, болгар, балкар, татар, хазар, кабар, сувар, савир, мишар, типтар, язгыр, ясыр, кангыр* (печенег), *оногур, уйгур* и т. д.

В топонимии Татарии имеются ойконимы, гидронимы и микропонимы, происхождение которых связано с этнонимом *ар*: татарские села Арбаш (в Балтасинском р-не), Югары Арбаш 'Верхний Арбаш', Түбән Арбаш 'Нижний Арбаш' (в Кукморском р-не), Арбаш елгасы 'река Арбаш' — левый приток р. Шии; с. Арбор (в Балтасинском р-не) и Арбор елгасы 'река Арбор' — левый приток р. Шушмы; Ар Баржысы елгасы 'речка арской (удмуртской) Барзи' (в Агрызском р-не) и т. д.

Название д. Арбаш И. А. Износков возводит к татарским словам *ар* 'вотьяк (удмурт)' и *баш* 'начало', 'голова': «Арбаш — деревня, после которой начинаются селения вотьяков, и действительно, — добавляет он, — за этой деревней в Казанском уезде расположены вотцкие селения» [19. С. 3]. Ср. названия татарских деревень: Кырбаш означает „начало поля“, Чатбаш — „начало перекрестка, угла“, Куакбаш — „начало кустарника“, Көекбаш — „начало гари“, Чишмэбаш — „начало родника“, Казанбаш — „начало р. Казанки“ и т. д.

Название д. Арбор и речки Арбор восходит к этнониму *ар* 'удмурт' и общепермскому геоморфологическому термину *вор*, удм. *бур*, коми *бор* 'межа, грань' [21. С. 40].

Татарская деревня Кече Мирэтек 'Малые Меретяки' Сабинского р-на неофициально в народе называется Бисер. По-видимому, ойконим Бисер происходит от этнонима *бесермян* (по-татарски *бисерман*) — названия болгаро-татаризованной этнической группы удмуртов. Ср.: Бесербакча 'Бесермянский огород' — название поля в д. Ворончихино Кезского р-на Удмуртской АССР [22. С. 134].

В микропонимии татарских сел и деревень Заказанья наряду с микропонимами, связанными с этнонимом *чирмеш* (черемис), например: Чирмеш жылгасы 'река черемисов' — названия четырех речек, Чирмеш зираты 'Черемисское кладбище', деревень Нурмабаш, Чапшар, Килеево, Куюк Балтасинского р-на; сел. Измя Сабинского р-на, Большой Менгер Арского р-на и т. д.; Чирмеш аланы 'Черемисская поляна', Чирмеш сазы 'Черемисское болото' д. Пускань Балтасинского р-на; Чирмеш тавы 'Черемисская гора', Чирмеш басуы 'Черемисское поле', Чирмеш түтэллэре 'Черемисские гряды' — названия поля, Чирмеш юлы 'Черемисская дорога', Чирмеш елгасы 'Черемисская река' д. Янгул Балтасинского района; Чирмешлэр суы 'Черемисская вода' д. Пшалым Арского р-на; Чирмеш елгасы 'Черемисская речка': в бассейне рек: 1) Бурсука и Зая; 2) Шушмы; 3) Шамяка; Чирмеш чишмэсе 'Черемисский родник': в бассейне рек: 1) Красны (Заказанье) и 2) Мензелинки (Закамье) и т. д., встречаются также микропонимы, связанные с этнонимом *ар*, например: Ар тавы 'Арская гора' д. Явлаштау Сабинского р-на; Ар тавы елгасы 'речка Арской горы' д. Явлаштау и Мичанбаш Сабинского р-на; Ар елгасы 'Арская речка': 1) левый приток р. Кирменки; 2) в бассейне р. Малой Мешы; 3) в бассейне р. Кушкет; 4) в бассейне р. Шушмы; Ар урамы 'Арская улица' д. Янгул Балтасинского р-на, Ар мазары 'Арское кладбище' с. Мурали Арского р-на; Ар үзэнлеге 'Арская долина', Ар елгасы 'Арская речка' д. Кушкетбаш Балтасинского р-на; Ар болыннары 'Арские луга' д. Поршур Кукморского р-на; Арлар урамы 'Улица аров' д. Татарский Дымский Бугульминского р-на и т. д.

Татарские микропонимы, образованные с участием сравнительно поздно вошедшего в активный обиход этнонима *мари*, имеют место в Заказанье и Закамье. Например: Мари тавы 'Марийская гора' д. Олу-

яз Кукморского р-на; Мари зираты 'Марийское кладбище' д. Новый Мичан Сабинского р-на; с. Большой Сардек Кукморского р-на; Мари аланы 'Марийская поляна' с. Мульма Высокогорского р-на; Мари ба-суы 'Марийское поле' с. Сардек Балтасинского р-на, д. Татарская Сукеу Актанышского р-на; Мари болыны 'Марийский луг' с. Новый Усы Муслюмовского р-на и т. д.

В Закамье, и особенно в Заказанье, названия ряда татарских сел и деревень происходят от удмуртских родовых наименований (от воршудных имен, т. е. от микронтонимов). Например, с. Дурга (Новозудный жук' (Балтасинский р-н), села Верхние Кибя-кози, Большие Кибя-кози и Малые Кибя-кози (Сабинский р-н), где топокомпонент Кибя, по всей вероятности, связан с удмуртским родовым наименованием Кибья 'жук' [23. С. 171], деревни Чабья 'пшеница' (Нижнекамский р-н), Чабья Чурчи (Сабинский р-н), Новая Чабья (Кукморский р-н), Старая Чабья (Мамадышский р-н), с. Чепья 'птенчик', 'цыпленок', д. Иске Чепья 'Старая Ципья' (Балтасинский р-н), с. Курья 'залив', 'завод' (Мензелинский р-н), т. е. „род удмуртов вблизи залива" — по объаснению С. К. Бушмакина. Название несложных населенных пунктов ТАССР связано с удмуртским именем (патронимом) Уча 'соловей': деревни Тубэн Уча 'Нижняя Уча', Яңа Уча 'Новая Уча' в Мамадышском р-не, с. Учалы (удм. *уча* 'соловей' + тат. *-лы* — аффикс наличия) в Азнакаевском р-не, с. Усы (*учы* 'соловей') в Актанышском р-не, Усалы (удм. *уча ~ уса* 'соловей' + тат. *-лы* — аффикс наличия) в Мамадышском р-не. В Башкирии есть Учалинский р-н и районный центр — город Учалы. Удмуртским воршудным именем Зячча названа речка Зыйча (по-русски Зыча) — правый приток р. Зая и татарско-русское село Зый-Зыйчабаш (Зыйча — удмуртское воршудное имя — название речки + тат. *баш* 'начало', 'голова', 'исток') в Заинском р-не (Закамье). В Заказанье название р. Кесмэс жылгасы (левый приток р. Казанки) происходит от удмуртского воршудного наименования *кисьмес*.

Естественно, что в Агрызском р-не, вклинившемся более чем на 100 км в пределы Удмуртии, часть татарских населенных пунктов восходит к удмуртским воршудным именам: Баржы (Варзи—удмуртское воршудное имя) и Баржы-Омга (Варзи и Омга—удмуртские воршудные имена)—названия сел, сочетающие два удмуртских воршудных имени. М. Г. Атаманов объясняет этот факт тем, что отдельные ослабевшие роды при переселении на отдаленные территории чаще всего объединялись в один, сохраняя при этом названия прежних родов [24. С. 9]: д. Югары Баржы 'Верхние Варзи', Иж-Бубый 'Иж Бобья' (название р. Иж—от удм. *ыж* 'овца', 'овечий') [25. С. 515]. А. К. Матвеев полагает, что в одном из вымерших языков слово *ижма* (*ежма*) означало просто „река" или „приток". На севере Европейской части СССР имеется несколько рек с названием Ижма+Бобья — удмуртское воршудное имя) и т. д.

С. К. Бушмакин воршудные имена считает микронтонимами удмуртов: «Родовое имя, а вместе с ним и сознание своей родовой принадлежности, — пишет он, — у удмуртов передавалось из поколения в поколение в форме собственного имени замужней женщины (женщина у удмуртов имела личное имя лишь до замужества, а после замужества ее называли родовым — воршудным именем), а также специального языческого культа родового (семейного) божества воршуда» [23. С. 168—169]. И. Н. Смирнов замечает, что, где бы ни поселились удмурты, они «всегда садятся группами, связанными между собой более или менее близким родством» [26. С. 27]. Даже при миграции на сравнительно большие расстояния удмурты сохраняли верность своей родовой принадлежности: строили куа (шалаш) по названию родового божества

воршуда; селения они также продолжали называть именем своего рода [23. С. 169]. Таким образом, основателями перечисленных выше татарских сел и деревень являлись в основном удмурты названных родов (воршудов), которые со временем полностью ассимилировались в татарской среде.

В топонимии и антропотопонимии современной Татарии исторически отложились топонимы, в том числе и антропотопонимы, связанные с лично-индивидуальными и семейно-родовыми именами-прозвищами многих разноязыких племен и народностей. Некоторые из народов, участвовавших в этих процессах, исчезли бесследно, другие же оставили свои «следы» в виде географических названий, которые порой являются единственным свидетельством их существования.

В генетическом аспекте отпрозвищные (патронимические или матронимические) антропотопонимы в Татарии составляют две основные (и преобладающие) группы, которые, в свою очередь, подразделяются на определенные подгруппы в зависимости от языков-источников.

I. Антропотопонимы, восходящие к прозвищам тюркского, в частности: 1) древнетюркского (а), волжско-булгарского (б) и старотатарского (в); 2) татарского; 3) чувашского; 4) башкирского, 5) крымско-татарского; 6) ногайского и другого происхождения.

II. Антропотопонимы, восходящие к прозвищам или прозвищам-именам финно-угорского, а именно: 1) марийского; 2) удмуртского и 3) мордовского происхождения.

Антропотопонимы, происшедшие от марийских лично-индивидуальных и семейно-родовых прозвищ (патронимов или матронимов), относительно немногочисленны и распространены главным образом в Заказанье и Закамье. Например, Псэй 'Псеево' — название татарского села Елабужского р-на (Заказанье), образованное от марийского прозвища-имени Псэй ~ Писэй. У елабужских черемисов прозвище-имя Писэй носили женщины [27. С. 123]. В основе данного антропонима-матронима лежит марийское нарицательное слово *писе* 'быстрый, бойкий, живой, расторопный' [28. С. 430] + звательный суффикс *-й (-эй)*. Это подтверждается и данными истории. Известно, что в селах Псэй (Псеево) и Текэш (Текашево) Елабужского уезда бывшей Вятской губернии проживали совместно татары, в том числе татары-тептяри, черемисы. Эти последние, говорившие на черемисском языке, были язычниками.

В Закамье антропотопонимом марийского патронимического происхождения является название крупного татарского села Актанышского р-на Пучы 'Поисево', которое восходит к марийскому прозвищу-имени (патрониму) Пүчö 'Олень'; ср. семантические параллели: мар. *пүчö* 'олень', тат. *болан* 'олень', отсюда старотатарское личное имя Болан, сохранившееся у крещеных татар в фамилии Буланов; в говоре уральских татар *юша ~ юша* 'олень' [14. С. 175], отсюда название татарских деревень Мензелинского р-на: Югары Юшады (от *юша* 'олень' + аффикс наличия *-ды ~ -лы*) 'Верхние Юшады' и Түбән Юшады 'Нижние Юшады'. Село Пучы, по всей вероятности, 300 или 350 лет тому назад было основано черемисом-тептярем, носившим прозвище-имя Пүчö. По данным переписи 1912—1913 гг., в Байсарской, Матвеевской, Поисевской и Семиостровской волостях Мензелинского уезда бывшей Уфимской губернии проживали татары и черемисы. В Актанышском р-не имеются марийские селения Мари-Суксу, Мари-Ямалы, Терпеле, а в Муслимовском (в 15—10 км от Поисева) — селения Мари-Буляр, Усаклык, Бикмесь [29] и другие, население которых в настоящее время безупречно владеет татарским языком. Черемисы-тептяри, населявшие д. Пучы, со временем отатарились полностью.

В Заказанье и на Средней Каме выявлен ряд татарских сел и деревень, названия которых восходят к древнеудмуртским прозвищам-именам.

Гобырчак ~ Гөберчәк и Му (Муй) в Арском р-не. Антропотопоним Гобырчак состоит из древнеудмуртского прозвища (матронима) Губыр, в значении „горбатый” (удм. *губыр* ~ *губырес* ‘горбатый, сутулый’) [24. С. 11] и татарского аффикса уменьшительности *-чак, -чәк*; Губырчак ~ Гөберчәк переводится как „Горбатенький”.

Древнеудмуртское имя Му ~ Муя образовано от апеллятива *ми* ‘земля’ [30. С. 278] (ср.: древнеперм. *му* ‘земля’) [31. С. 137]. По всей вероятности, приблизительно на рубеже XII—XIII вв. первооснователем вначале удмуртской, а затем татарской деревни Муй (в языке местных татар Му) был удмурт по прозвищу-имени Му ‘Земля’. В списке населенных мест периода Казанского ханства значатся деревни Муй Старый и Муй Малый, расположенные на Арской дороге [4. С. 287]. В Заказанье с далеких болгарских времен наряду с другими праздниками проводился и Му жыены ‘джиен Му’. Н. Б. Бурганова пишет: «Му жыены — завершающий праздник в районе верхней Казанки и Малой Мешки. Праздновали этот джиен перед самым началом уборки урожая в населенных пунктах бассейна речки Кисьмень (левый приток Казанки): Ташкич — тат. Ташкичү, Сиза—Сеже (от удм. *сезы* ‘овес//овсяный’) [25. С. 385]. — Г. С.), Губурчак—Гөберчәк, Сикертань—Сикертән, Казаклар, Чума—Елга—Чәмә Елга, Верх. Масра—Югары Масра, Ст. Муй—Иске Муй, Ст. Масра—Иске Масра, Верх. Корса—Югары Курса, Ниж. Корса—Түбән Курса, Смак—Корса—Курча Почмак, Сред. Корса—Урта Курса. Название джиена по ойкониму Му, который находит объяснение на материале финно-угорских языков: удм. *му* ‘земля, полоса пахотной земли’ [6. С. 39]. Вышеуказанный ойконим Курса восходит к удмуртскому воршуду (микротопониму) *куарса* (от *куар* ‘лист, зелень’) [22. С. 32].

Гондыр и Шуда — селения в Балтасинском р-не. Антропотопоним Гондыр произошел от древнеудмуртского прозвища-имени Гондыр ‘Медведь’ [32. С. 110], а Шуда—от прозвища-имени Шуда ‘Счастливый’ [33. С. 270].

Антропотопонимы Елыш (в Сабинском р-не), Иске Вэрэш ‘Старый Варяш’, Вэрэшбаш ‘Варяшбаш’ (в Муслимовском р-не), Усей (в Мензелинском и Сармановском р-нах), Песлэк (в Агрызском р-не), Күжәмкә ‘Кузьякино’ (в Актанышском р-не) и другие также восходят к древнеудмуртским прозвищам-именам. Древнеудмуртский антропоним Елыш означает „Молочный”, Варыш—„Ястреб”, Усей — „Спотыкающийся”, Пислэг — „Синица”, Кузымка—„Подарок” (ср.: Бүләк ‘Подарок’, Байбүләк ‘Богатый подарок’, Акбүләк ‘Белый подарок’—татарские, Гата, Төхфәт, Инам, Ибәт, Наил, Нәфил, Туфайл ‘Подарок, Дар’—арабские личные имена).

Антропотопонимы, восходящие к древнеудмуртским прозвищам-именам, представлены и в Нагорной стороне республики. Например, наименования татарских деревень Исәк ‘Исяк’ (Буинский р-н) и Танай-Турай (Апастовский р-н). В Менделеевском р-не (Заказанье) имеется татарское село Турай ‘Тураево’. Древнеудмуртский антропоним Исәк означает „насмешник” (ср.: в мамадышском говоре заказанской группы говоров татарского языка *исәкәй* — это „веселья, устраиваемые молодежью в дни коллективной помощи по ошипыванию резаных гусей” [14. С. 152]), Турай—„Журавль”.

Антропотопонимов, восходящих к мордовским (мокшанским) про-

звищам и апелляциям, в Татарии немного.

Шама — название татарско-русского села Алексеевского р-на (Закамье), восходит к личному прозвищу Шама, что с мокшанского языка переводится как лицо (такое прозвище давалось мокшей человеку с большим или очень маленьким лицом). В Алексеевском р-не в селениях Лягушино, Мордовский Булак, Лесной и других и сейчас проживает мордва-мокша. Мордва (мокша) была переселена сюда в 1731—1734 гг. для работы на строительстве так называемой второй Закамской черты [34. С. 702].

Название татарского села Эштерэ (по-русски Штырь) Арского р-на (Заказанье), известного со времен Казанского ханства [4. С. 287], происходит от мокшанского лично-индивидуального прозвища Эштерь 'Яловый' (такое прозвище давалось, скорей всего, главе бездетной семьи); ср.: якут. *субай* ~ *субан* 'холостой'; 'не стельная, яловая'; каз., телеут., хакас. *субай* 'яловый, бесплодный'; тур. и азерб. *субай* 'холостой' [35. С. 38]. Видимо, отсюда и старотатарское личное имя-прозвище Субай и фамилия Субаев.

В названиях татарских сел и деревень Заказанья представлены нарицательные слова и словосочетания (апеллятивная лексика), источником которых являются финно-угорские языки, главным образом марийский и удмуртский, напр.: Куныр < мар. *кугунур* (*кугу* 'большое'—*нур* 'поле'), Кене < мар. *кыне* 'конопля', *Наласа* < удм. *нюлас* 'лес, лесной', Югары Пошалам 'Верхний Пшалым', Урта Пошалам 'Средний Пшалым', Түбән Пошалам 'Нижний Пшалым' < удм. *пышаланы* 'конопляный' — по р. Пошалам 'Конопляная', Югары Шашы 'Верхние Шаши', Түбән Шашы 'Нижние Шаши' < удм. *шаша* 'осока', *Шаршада* < мар. 1) *шаршудо* 'спорыш' или мар. *шаршы* 'калина' + тат. *-ды* — аффикс наличия, Югары Кыерлы 'Верхний Берсут', Түбән Кыерлы 'Еникей-Чишма' < мар. *куэрла* 'березняк', Зур Бирэзэ 'Большие Вережи', Урта Бирэзэ 'Средние Вережи', Олы Бирэзэ 'Большие Вережи', Күкчэ Бирэзэ 'Кукчи Вережи' < удм. *беризь* 'липа', 'липовый', Шура < удм. *шур* 'река', Шурабаш < удм. *шура* ~ *шур* 'река'—тат. *баш* 'начало, голова, исток', *Күәм* 'Кубянь' < мар. *күан* 'каменистый', *Күнгәр* 'Кунгер' < мар. *кү* 'камень', 'каменная' + *энгер* 'речка', Күшэр 'Кошар', Ковал 'Ковали' < финно-уг. *кев* или *кеу* (напр.: эрзя-морд. *кев*, ханты—*кеу*, мар. *кү* 'камень', 'каменный') + болг. *эл* ~ *ил* 'село', 'деревня', Түбән Сосна 'Нижняя Сосна', Сосна Пучинкасы 'Починок Сосна' < манс. *шош* ~ *сос* 'речка' + *-ма* ~ *-на* — аффикс наличия, отсюда названия рек Шошма 'Шушма', Оет 'Уют' < манс. *оет* 'луг', 'луговой', Мишэ 'Меша' и ряда татарских сел и деревень, содержащие гидроним Мишэ 'Меша' < манс. *меша* 'извилистая река', Шушар < древнетюрк. *шу* ~ *су* 'вода' + венг., болг. *шар* ~ *сар* 'болото', Арташ < венг. *ар* 'река' + тат. *таш* 'камень', 'каменная', Иябаш < венг. *йо* 'река' + болг.-тат. *баш* 'начало, голова, исток', Ия — левый приток р. Казанки и т. д. Большинство таких слов и словосочетаний, закрепившихся в ойконимах и гидронимах и представляющих собой финно-угорское наследие в топонимии Елабужского района Татарии, получили свое отражение в одной из научных статей [36. С. 101—104].

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. Этно- и антропотопонимы финно-угорского происхождения являются наиболее ранним пластом топонимии Татарии;

2. Последовательное и глубокое изучение финно-угорских (и других) этнонимических географических названий и антропотопонимов Татарии, безусловно, дает ценные сведения как по этнической истории и этнографии татарского народа, так и по истории татарского языка.

3. Исследование топонимов, этно- и антропотопонимов Татарии в целом имеет определенное значение и для дальнейшей разработки проблемы происхождения тюркоязычных народов Среднего Поволжья и Приуралья, ибо «до сих пор происхождение ни одного из известных современных тюркоязычных народов края не может считаться окончательно решенным» [37. С. 7].

4. Татарский народ оформился в этническую общность в Поволжье и Приуралье в тесной связи с другими народами региона — чувашами, мари, мордвой, удмуртами, буртасами, ногайцами, башкирами и русским народом.

Выводы наших топонимических исследований соответствуют и подтверждают исторические свидетельства о том, что «значительно большее включение в казанскую среду происходило со стороны местного финно-угорского населения» [38. С. 162].

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ *Энгельс Ф. Франкский диалект//Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19.*
- ² *Халиков А. Х. Мордовские и болгаро-татарские взаимоотношения по данным археологии//Этногенез мордовского народа: Материалы науч. сессии, 8—10 дек. 1964 г. Саранск, 1965.*
- ³ *Мокшин Н. Ф. Этническая история мордвы. Саранск, 1977.*
- ⁴ *Чернышев Е. И. Селения Казанского ханства//Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.*
- ⁵ *Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М.: Наука, 1967.*
- ⁶ *Бурганова Н. Б. О системе народного праздника дженен у казанских татар: (исследование и приложение)//Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1982.*
- ⁷ *Юсупов Г. В. Антропонимы в болгаро-татарской эпиграфике//Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М., 1976.*
- ⁸ *Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.*
- ⁹ *Корнилов Г. Е. О болгаро-чувашско-мордовском взаимодействии в собственных именах//Ономастика Поволжья. 3. Уфа, 1973.*
- ¹⁰ *Износков И. А. Список населенных мест Казанской губернии с кратким их описанием: Лаишевский уезд. Казань, 1895. Вып. 2.*
- ¹¹ *Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966.*
- ¹² *Гордеев Ф. И. Балтийские и иранские заимствования в марийском языке//Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.*
- ¹³ *Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984.*
- ¹⁴ *Татар теленең диалектология күзлеге. Казан, 1969.*
- ¹⁵ *Тепляшина Т. И. К вопросу этнонима пор//Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.*
- ¹⁶ *Гордеев Ф. И. Позднесарматские элементы в топонимии волжско-пермских языков//Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч.-практ. конф. «Исторические названия — памятники культуры» (17—20 апр. 1989 г.). М., 1989.*
- ¹⁷ *Корнилов Г. Е. К вопросу об участии отдельных башкирских родов в этногенезе смежных с ними народов//Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. Т. 4.*
- ¹⁸ *Корсаков Д. А. Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII в. Казань, 1908.*
- ¹⁹ *Износков И. А. Список населенных мест Казанского уезда с кратким их описанием. Казань, 1885.*
- ²⁰ *Кельмаков В. А. Происхождение и первое упоминание этнонима ар//Этнонимы, М., 1970.*
- ²¹ *Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.*
- ²² *Атаманов М. Г. Удмуртская ономастика. Ижевск, 1988.*
- ²³ *Бушмакин С. К. Воршудные имена — микроэтнонимы удмуртов//Этнонимы. М., 1970.*
- ²⁴ *Атаманов М. Г. Этнонимы удмуртов в топонимии: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Тарту, 1978.*
- ²⁵ *Удмуртско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1983.*
- ²⁶ *Смирнов И. Н. Вотяки//Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при КГУ.*

Казань, 1890. Т. 8, вып. 2.

²⁷ *Магницкий В. К.* Алфавит языческих черемис Елабужского уезда//Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка, 1892.

²⁸ *Марийско-русский словарь.* М., 1956.

²⁹ *Татарская АССР: Административно-территориальное деление.* Казань, 1986.

³⁰ *Тепляшина Т. И.* Русская адаптация древнеудмуртских имен//Антропонимика. М., 1970.

³¹ *Лыткин В. И.* Древнепермский язык. М., 1952.

³² *Бушмакин С. К.* Лексико-семантический анализ древнеудмуртских антропонимов//Антропонимика. М., 1970.

³³ *Саттаров Г. Ф.* Мәктәптә туган як ономастикасы. Казан, 1984.

³⁴ *История Татарской АССР.* Казань, 1968.

³⁵ *Антонов Н. К.* Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971.

³⁶ См.: *Арсланов Л. Ш.* Марийский пласт в топонимии Елабужского района Татарской АССР//Сов. финно-угроведение. Таллинн, 1987. Т. 23, № 2.

³⁷ *Халиков А. Х.* Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья//Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.

³⁸ *Он же.* Татарский народ и его предки. Казань, 1989.

Н. Х. МАМЕДОВ

**ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ АЗЕРБАЙДЖАНСКО-ИРАНСКИХ
ЯЗЫКОВЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ**

Азербайджанско-иранские взаимоотношения имеют довольно древнюю и сложную историю. Если понятие «азербайджанский» более или менее конкретно, то «иранский» во многих отношениях весьма расплывчато. Под этим термином, как и под термином «иранский язык», отнюдь не подразумевается «персидский», в частности «персидский язык». Как отмечает И. М. Оранский, «в новое время (официально с 1953 г.) слово „Иран“ стало употребляться для обозначения современного государства Переднего Востока, именовавшегося ранее Персией. Название современного государства „Иран“ не следует, разумеется, отождествлять со словом Иран в историческом смысле, т. е. с областью распространения древних ираноязычных племен и народов» [1. С. 11]. Вместе с тем общеизвестно, что одна из крупных групп семьи индоевропейских языков называется «иранские языки» и делится на древнеиранские, среднеиранские, новоиранские языки, в том числе талышский, татский и курдский, представленные на территории Азербайджана, где они сложились на основе тех иранских диалектов, носители которых просачивались в Азербайджан в то или иное время.

Мнения в науке относительно появления ираноязычных этносов в Азербайджане и через Азербайджан в Иране самые разные. Так, И. М. Дьяконовым определено, что еще в середине II тыс. до н. э. на территории современного Иранского Азербайджана были индоиранские племена, почитавшие бога Митру [2. С. 60]. В. И. Абаев отмечает, что ираноязычные племена из южно-российских степей двинулись в Мидию, Парфию, Персидию и Среднюю Азию [3. С. 125]. Авторы «Истории Азербайджана» тоже полагают, что в начале I тыс. до н. э. в Азербайджане, особенно в его юго-западной части, важную роль начинают играть ираноязычные племена, вышедшие из южно-русских степей, вероятно, на рубеже II и I тыс. до н. э. [4. С. 27].

Особого внимания заслуживает тот факт, что в многовековом миграционном процессе ираноязычных племен с северо-востока на юго-запад Талышская зона сыграла исключительную роль. Она являлась как бы проводником материальных культур между Кавказом (в особенности Закавказьем) и Ираном. М. Н. Погребова о связях Восточного Закавказья и Ирана в конце II — начале I тыс. до н. э. пишет следующее: «Переднеазиатские кинжалы иранского типа проникают в Закавказье далеко на север от Мильской степи и района Нахичевани до Северной Осетии. Все они, за исключением одного, обнаружены в восточной части Кавказа. По-видимому, ирано-кавказские связи осуществлялись в данном случае через Талыш. Один из кинжалов переднеазиатского типа,

найденный в Восточном Закавказье,—непосредственно талышского происхождения» [5. С. 191].

С VIII—VII вв. до н. э. приток ираноязычного этноса в Азербайджан, главным образом на побережье Каспийского моря, включая Талышскую зону, интенсифицировался. Проникая в юго-западный Азербайджан и Иран, киммерийцы, скифы, саки никак не могли миновать Талышскую зону, причем приток иранского этноса в данную эпоху хотя и был недолгим по времени, тем не менее отмечался регулярностью. О прибытии его сюда, а также в другие зоны Азербайджана свидетельствует и ряд топонимов. Древнегреческий географ-историк Страбон сообщает, что скифы-саки, пришедшие в Азербайджан в VII—VI вв. до н. э., в области Ути построили город и дали ему название Сакасен [6. С. 484] (*Ṣaka Saṣana* 'обитаемая территория саков'), которое было официальным индийским наименованием ядра бывшей территории скифского царства [7. С. 251].

Кавказским (особенно азербайджанским) путем шли, как полагают исследователи, кроме киммерийцев и скифов, западно-иранские племена — мидяне, персы, сагартийцы и другие [8. С. 340], причем не только в VIII—VII вв. до н. э., но и позднее. В Мидийском царстве официальным (возможно, и межплеменным) языком был язык, условно названный «мидийским». Хотя связанные тексты на этом языке и не сохранились (отдельные слова, преимущественно антропонимы и этнонимы, встречаются в ассирийских и греческих источниках, а также в древнеперсидских надписях), однако можно предполагать, что шесть мидийских племен, упомянутых в «Истории» Геродота (V в. до н. э.) [9. С. 198], имели свой *lingua franca*. По всей вероятности, территория распространения и функционирования мидийских диалектов в последующие столетия постепенно расширилась. По мнению иранистов, иранский язык, функционировавший в V—III вв. до н. э. в Атропатене, был близок к иранскому языку Иберии [10. С. 38]. Атропатена, имевшая долгий самостоятельный путь развития, была тесно связана с находившейся за р. Аракс Албанией. Эти две области Азербайджана были близки друг к другу не только в смысле культуры, но и этнически. При Ахеменидах они в какой-то степени зависели от Иранской империи, и потому иранские диалекты, представленные на их территории, были, возможно, даже диалектами двух близкородственных языков. Во всяком случае, согласно принятой в иранистике классификации мидийский диалектный массив входит в северо-западную подгруппу иранских языков, тогда как древнеперсидский (позже и среднеперсидский и новоперсидский) язык относится к юго-западной подгруппе [11. С. 38—39]. Некоторые современные диалектные группы могут считаться остатками так называемого древнемидийского языка. К ним, на наш взгляд, можно отнести и талышский язык. Такое мнение в свое время было высказано Б. В. Миллером, который на основе всестороннего лингвистического анализа полагал, что этот язык сохраняет основные особенности фонетики, свойственные мидийскому языку. Доказано, что талышский язык не только по своей фонетической структуре, но и по морфологическим и синтаксическим особенностям заметно отличается от окружающих его персидского, татского, курдского и других иранских языков и диалектов, представленных на территории Азербайджана и Ирана. Существуют и иные факторы, отличающие талышский от прочих иранских этносов указанного региона: испокон веков они имеют территориальную целостность, заключенную в Талышской зоне. Учитывая это, С. А. Кесреви считал талышский потомками древних кадусиев, живших в северо-восточных горах Азербайджана еще при Ахеменидах [12. С. 20—41]. Кадусиев наряду с другими иранскими на-

родностями, а именно с гирканцами, гелами, парсами, мордами и другими, упоминал еще Страбон — со ссылкой на своих предшественников [6. С. 481, 485—486].

Мнение И. М. Дьяконова относительно происхождения талышей и талышского языка двойственное. С одной стороны, он пишет, что «вдоль Каспийского побережья с севера Мидию окаймляла расположенная по ту сторону Эльбруса полоса влажных субтропиков—лесные области каспиев, кадусиев, гелов и других мелких племен, — ныне Талыш, Гилян и Мазандаран» [7. С. 84—85], с другой—что «области Каспийского побережья во времена Мидийской державы сообщались с внешним миром через Мидию или Албанию. В этом регионе как в то время, так и позднее функционировали остатки языков, исчезнувших в собственной Мидии и Албании... Еще и в настоящее время таты, талыши, гилаки, мазандаранцы говорят на диалектах, представляющих остатки индоевропейского языка, первоначально бывшего языком восточной Мидии. Эти диалекты отличаются архаичностью звукового состава, причем в ряде случаев они расходятся с персидским и сходятся с мидийским и парфянским, а также с авестским...» [7. С. 92].

На наш взгляд, талышский нельзя называть диалектом, ибо он является вполне сформировавшимся с древнейших времен. И. М. Дьяконов же, судя по последним строкам, солидарен с мнением Б. В. Миллера, который считал, что талышский — это один из древнемидийских диалектов. В то же время в последней главе своей «Истории Мидии» он выдвигает новую гипотезу: «Каспии, древние предки талышей, очевидно, не говорили по-мидийски, этот язык, вероятно, проник сюда позже» [7. С. 382].

Слово «позже» здесь не обозначает определенный период. Каспиев наряду с утиями и мугами упоминал еще Геродот, говоря, что XV округ Ахеменидской империи состоял из саков и каспиев. Как верно замечает Э. А. Грантовский, «каспии Геродота, бесспорно, „западный” народ. Они обитали в юго-восточном Закавказье, на берегу Каспийского моря» [13. С. 236]. Однако каспийцы жили восточнее (в зоне Сальян) талышей, причем их еще в V в. н. э. упоминал армянский историк Фавстос Бузанд [14. С. 127]. Это был период, когда талышский язык уже существовал.

В начале нашей эры, особенно при Сасанидах (224—551), частью основного населения прибрежной полосы Каспийского моря (от Дербента до Апшерона) являлись ираноязычные племена. В последующие века в связи с переселенческой политикой Сасанидов [15] число ираноязычных племен в данном регионе заметно возросло. Накопление западно-иранского этнического элемента в прибрежной полосе Каспийского моря (от Апшерона—Дивичей—Конагкенда до Дербента) благоприятствовало образованию татского языка.

Начиная с IV в. Сасаниды большое внимание уделяют укреплению северных границ Албании, особенно зоны Чул—Дербент. Очень беспокоили их массовые приходы тюркоязычных племен. Поэтому еще при Йездегерде I в V в. в зоне Дербента были расквартированы 10 тыс. семейств пограничников, переселенных сюда из Ирана (в основном из зоны Гиляна). Чуть позже в Арран переселились 30 тыс. семейств михранидов [16. С. 30—32]. В. Ф. Минорский считает, что такие попытки, возможно, предпринимались и раньше, еще при Ахеменидах, для защиты кавказских проходов от набегов с севера, однако укрепление самых важных из них, а именно Дербента и ряда других, традиционно связывается с именами сасанидских царей: «...присутствие иранских поселенцев в Закавказье, особенно поблизости от горных проходов, должно было сыграть важную роль в поглощении и вытеснении местных жителей. Такие названия, как

Ширван, Лайзан, Байлакан и т. д., заставляют думать, что иранская иммиграция происходила главным образом с южного побережья Каспия» [16. С. 30—32]. По С. Ашурбейли, в зоне Ширвана некоторые ираноязычные племена были выходцами из Лахиджана, Табаристана, Гиляна и других мест: «Азербайджанские таты, расселение которых прослеживается на западном берегу Каспийского моря, от Апшерона до Дербента, являются остатками древних переселенцев — иранцев. Таты, бесспорно, являются одним из древних этнических напластований на территории Ширвана» [17. С. 20—21]. Следовательно, нет никаких сомнений в том, что с VIII—IX вв. в указанном регионе формируется татский язык. Это подтверждается и тем, что ареал татоязычного населения соответствует ареалу татской топонимики. По-видимому, на то же время приходится и зарождение татско-азербайджанских языковых контактов.

Что касается курдского этноса, то относительно истории его появления на территории Азербайджана существуют самые различные версии и предположения. Некоторые исследователи считают, что предками курдов были древние куртаи, упоминаемые еще Страбоном [18]. Ясно только одно: курды переселялись в Азербайджан в разные исторические периоды. В «Истории Ширвана и ал-Баба» сообщается, что в 457 г. х. (в последней четверти XI в.) «курды послали налетчиков в Маскат (т. е. в Мушкур.—Н. М.), и его селения, и великие несчастья пали на народ ал-Баба» [16. С. 76]. Значит, уже в X—XI вв. курды стали просачиваться даже в Северный Азербайджан. В. Ф. Минорский отмечает, что «в Арране курдские племена, связанные с Шаддадидами, должно быть, играли особую роль в войсках» [16. С. 76]... Переселения курдов в Азербайджан участились с XIII—XIV вв., тогда же здесь возникли курдские поселения.

Г. А. Гейбуллаев, ссылаясь на первоисточники, пишет: «...среди кызылбашских племен было курдское племя герус. Но в основном курды переселялись в XIX в. из Турции и Ирана» [21. С. 98]. Из статистических описаний Нахичеванской провинции вытекает, что к 30-м годам XIX в. в зоне Нахичевана курды состояли из племен Бозлу, Гасаналылы, Гаджисамлы, Милли, Буслан, Кужканлы и др. [22. С. 80].

Основным местом обитания курдов был иранский Курдистан и сопредельные с ним зоны, главным образом Южный Азербайджан и территория Кубатлинского, Лачинского, Зангеланского районов Азербайджанской ССР, а это значит, что курдский язык фактически сформировался вне территории Азербайджана; сюда же проникли представители разных диалектов и говоров, не отличающихся от курдского языка.

С первых веков нашей эры количество тюркских племен в указанном регионе заметно увеличилось. Неслучайно в «Землеописании» Дионисия Периегета (II в.) сообщается, что «вдоль Каспийского побережья, начавши с северо-западной стороны, (живут): первые — скифы, которые населяют побережье возле Каспийского моря — унны, а за ними каспийцы, за этими воинственные албаны и кадусии... вблизи их марды, гирканы и тапиры...» [23. С. 240—241], т. е. те, о которых почти за 160 лет до Дионисия говорил Страбон. Достоверность упоминания гуннов на азербайджанском побережье Каспийского моря упоминаем и его современником Клавдием Птолемеем [24. С. 325] в научной литературе уже признана, тем более что в закавказских источниках немало сведений о том, что во II—III вв. в Албании и сопредельной зоне Атропатены, Армении и Иберии (Восточной Грузии) наличествовал тюркский этнос [25. С. 4—11]. По Моисею Хоренскому (V в.), например, тюрки-вгундуры во II в. переселились в Армению с севера [26. С. 101—102], т. е. с берегов Каспийского моря (зона Дербент—Хачмас). Авторы III тома «Истории древнего мира» (И. М. Дьяконов и др.) также признают, что тюркский

этнос в Азербайджане был представлен, по крайней мере, в начале III в. Они пишут, что хотя действительную дату появления первых тюркских племен на границах Албании определить трудно, однако известно, что «в 227 г. через Дербентский проход вдоль Каспийского моря впервые совершили набег на Албанию и Атропатуны передовые отряды тюркских племен (гунны и сабиры)» [27. С. 215]. Это тем более верно, что гуннов в Закавказье, в особенности в Азербайджане, неоднократно упоминает армянский историк V в. Фавстос Бузанд в связи с событиями III—IV вв. [14. С. 162]. Судя по источникам раннего средневековья, это были внешние гунны (дыш гун). Так, в «Хронике» византийского автора Феофана Исповедника (760—818) говорится, что царица гуннов-савигов Боарикс в дни правления сасанидского царя Кавада (488—531) захватила в плен двух предводителей внутренних гуннов [28. С. 49—51].

В 395 г. «внутренние гунны» (ич гун) совершили массовый поход в Закавказье и тем самым пополнили ряды своих соплеменников — «внешних гуннов» — в Азербайджане. С этих пор, если исходить из письменных источников, началась регулярная миграция тюрков через Северный и Восточный Кавказ в Азербайджан. Уже в V в. сарагуры, оногуры, акациры, кангары, савиры и другие были полноправными хозяевами этого края. Причем они не только оседали здесь, но и возводили новые поселения-города, такие, как Хунан, Халхал, Акгун (Баласагун в арабских источниках) [29. С. 180—181].

Отсюда можно заключить, что регулярные экономические, этнокультурные и этнолингвистические контакты между нетюркским населением Азербайджана и тюркскими этносами начались не позднее IV—V вв. Тюркские племена не только приходили в Азербайджан с севера, но и массово оседали в разных регионах. По сообщению Д. Е. Еремеева, в то время часть тюркских племен проникла на территорию Турции из Закавказья, где их скопилось множество [24. С. 57—61].

В свете сказанного следует отметить, что V—VI века вообще являлись периодом регулярного просачивания и оседания тюркоязычных народностей в Азербайджане. Наиболее мощными из них, кроме кангаров и савигов, были хазары, тюркюты, болгары, возможно, и барсилы. В середине VI в. Кангарское объединение на юго-западе и Савирское на северо-востоке Азербайджана стали реальной угрозой для Сасанидской империи. По всей вероятности (как это явствует из источников), на юго-западных границах кангары вместе с другими тюрками начали теснить Сасанидов. По сообщению сирийского автора Мар Абба I, персидские войска в 542 г. «вели войну с кангарами, одним из гуннских племен» [30. С. 77]. В это же время савиры и другие тюркские племена, по-видимому, теснили персидские гарнизоны на северо-восточных границах Албании. Сасанидам пришлось вести многолетнюю борьбу с савирами. По сведениям византийского историка VI в., Хосрову Ануширвану удалось в 562 г. победить савигов и 10 тыс. из них переселить на левый берег р. Куры [24. С. 411—412]. Знаменательно, что савиры Северного Кавказа, побежденные тюркоязычными племенами, в 568 г. переселились в Албанию к своим сородичам [7. С. 55].

Таким образом, с V—VI вв. Азербайджан сосредоточивает в себе тюркские народности Кавказа. Видимо, неслучайно в закавказских источниках, особенно в «Истории Агван», страна хазаров (начиная с северо-западной зоны Албании до р. Волги) названа «Туркистан».

К середине VII в. этнический состав населения Азербайджана по-прежнему состоял в основном из трех компонентов: тюркоязычных (повсеместно), кавказоязычных (в северо-западной зоне) и ираноязычных

(таты на северо-востоке, талыши на юго-западе). Тюркоязычные этносы с V—VI вв. были преобладающими, причем они были представлены и среди ираноязычного и кавказского населения, занимая в общей сложности огромный регион. Именно поэтому в VI—VII вв. тюркский—азербайджанский язык стал выполнять функцию *lingua franca* для всех азербайджанцев—независимо от их этнической и языковой принадлежности. Причину этого авторы раздела «Атропатена и Алвания» в III томе «Истории древнего мира» объясняют следующим образом: «...литературный алванский язык и тем более алванский общенародный язык-койнэ так и не создались. Напротив, распространялся не только среднемидийский, но (за счет сасанидских переселенцев с юга) и среднеперсидский язык (остатком этих переселенцев является народность татов). Но ни один из этих языков так и не стал в Алвании общенародным: им уже в средние века стал тюркский азербайджанский» [27. С. 217].

С этого времени данный общенародный язык оказывал определенное влияние не только на бесписьменные талышский, татский и курдский языки, но и на старописьменный персидский. Подтверждением этому служат не только экстралингвистические, но и конкретные лингвистические данные. В четырехтомном исследовании Герхарда Дёрфера [31], монографии Г. Зариназаде [32] и других научных работах доказано, что взаимовлияние азербайджанского и персидского языков началось в раннем средневековье. Это подтверждается и иранской ономастикой. Достаточно сказать, что не только на территории Иранского Азербайджана, но и в других иранских провинциях имеются десятки азербайджанских палеотопонимов, особенно палеооиконимов, включающих в себя тюркские элементы [33. С. 148—153]. Кроме того, многочисленные гибридные топонимы, производные и сложные топонимы персидского происхождения образуются с помощью азербайджанских слово- и топонимообразующих формантов [34].

Все сказанное свидетельствует о необходимости углубленного исследования морфологического пласта в иранских языках, представленных на территории Азербайджанской ССР (талышском, татском, курдском), поскольку проникновение огромного количества морфологических элементов в эти языки, безусловно, является результатом уходящих своими корнями в глубокое прошлое тесных языковых контактов. Обратимся к языковым материалам. В результате длительного и тесного взаимодействия в грамматической строй талышского, татского и курдского языков проникло большое количество словообразующих и формообразующих элементов азербайджанского языка, изучение которых, несомненно, сыграет определенную роль как в прослеживании истории тюрко-иранских языковых контактов, так и при анализе словообразования и формообразования указанных иранских языков.

Известно, что лексика — одна из наиболее проницаемых сфер языка — легко подвергается заимствованию. Что касается грамматического строя языка, то он является сравнительно устойчивым и поддается внешнему влиянию только при тесных и продолжительных взаимоотношениях носителей языков. Однако, по справедливому высказыванию Б. А. Серебренникова, «ни один язык мира не развивается под стеклянным колпаком. Внешняя среда непрерывно на него воздействует и оставляет довольно ощутимые следы в самых различных его сферах» [37. С. 11]. Грамматический строй указанных иранских языков также не был свободен от подобного влияния, так как существенное место в нем занимают тюрко-азербайджанские морфологические средства.

Мы не ставим перед собой задачу в широком плане охарактеризовать и дать глубокий анализ всех имеющихся в иранских языках тюрко-

азербайджанских аффиксов, поскольку в этих языках они выполняют почти ту же функцию, что и в азербайджанском. Следует только отметить, что если в азербайджанском литературном языке некоторые аффиксы, подчиняясь законам сингармонизма, четырехвариантны, то в талышском, татском и курдском языках они в основном одновариантны, реже — двухвариантны, что соответствует историческим маловариантным аффиксам.

Рассмотрим основные из них.

Аффикс -чи. Весьма продуктивный словообразовательный аффикс азербайджанского языка — четырехвариантный (-чы, -чи, -чу, -чү). В талышском, татском и курдском языках выступает в одном варианте (-чи) и образует от имен существительных имена, обозначающие профессию или род занятия: *ғәләҗчи* 'лудильщик', *ғоллоғчи* 'служащий, рабочий', *елчи* 'сват, сваха' и др. Широко употребляется с исконно иранскими словами: талыш. *молышкчи* 'рыбак, рыболов', *нүновчи* 'пекарь', *дингчи* 'молотильщик', *денденчи* 'ворчун', *девенчи* 'жнец, косец, косарь', *гитчи* 'пахарь'; тат. *æsiouci* 'мельник', *дигиҗи* 'враль, врун'; курд. *қәлайчи* 'лудильщик' и др. Сфера его употребления сравнительно шире, чем других аффиксов. Аффикс проник почти во все иранские языки, контактирующие с тюркскими языками.

Аффикс -лығ. Относится к числу продуктивных словообразовательных аффиксов азербайджанского языка, где выступает в четырех вариантах (-лығ, -лик, -луг, -лүк). В талышском одновариантный (-лығ), в татском имеет три варианта (-li, -liј, -li), в курдском нами не зафиксирован. Как и в азербайджанском, в иранских языках этот аффикс, присоединяясь к именам: а) образует существительные, имеющие значение предмета с какой-либо функцией: *шәҗилығ* 'материал, годный для рубашки', *јәхәлығ* 'воротник', *сохәлығ* 'наследство', *душлығ* 'фартук, педаль, нагрудник', *тирахлуғ* 'годный для лаптей'; б) означает что-либо, рассчитанное на известный срок, а также единицу расчета: *далығ* 'десятка', *сөлығ* 'трехрублевка', *салығ* 'сторурублевка'. В татском языке сочетание числительного со словом *тапат* 'рубль', оформленное этим аффиксом, дает название денежной единицы: *səmanattıq* 'трешка', *rənjəmanattıq* 'пятерка', *dəhmanattıq* 'десятка' и др. [38. С. 19]; в) обозначает место с определенным значением: тат. *дарлуғ* 'местность, изобилующая айвой', *kułæluq* 'место, поросшее кустарником', *duppıq* 'бункер для зерна на мельнице'; г) образует отвлеченные понятия со значением свойства, качества: талыш. *нәндәлығ* — 1 'материнство', 2 'мачеха', *бывәлығ* — 1 'братство', 2 'неродной брат', *игдәлығ* — 1 'одиночество', 2 'единичность'; *корығ* (<корлығ) перенос. 'нужда'; тат. *çätünluq* 'трудность', *pağazılıq* 'несогласие', *təmişlük* 'чистоплотность' и др.

Аффикс -ли, -лү. Относится к числу продуктивных (четырёхвариантных) аффиксов азербайджанского языка. В иранских языках, присоединяясь к словам, образует атрибутивные имена: талыш. *гүчили* 'голый, обнаженный', *озолу* 'больной, зараза, заразный', *чәпәли* 'левша', *чигәли* 'смелый, отважный'; тат. *сәрлу* 'умный, с головой', *пијәрлу* 'имеющий отца', *појлу* 'имеющий ноги'.

«В татском языке прилагательные, образованные с помощью аффикса -li, -lū, -li, проявляют особую склонность к субстантивации; некоторые из них чаще употребляются субстантивно и являются прилагательными лишь по происхождению: *æslū* 'всадник', *xətlū* 'человек, едущий верхом на осле', *dəvætlū* 'едущий верхом на верблюде'» [38. С. 36]. В курдском зафиксирован в составе одного слова — *dəwlətli* — 1 'богач'; 2 'богатый' [39. С. 210].

Аффикс -ма, -мә. Весьма продуктивный словообразовательный аф-

фикс азербайджанского языка, образующий существительные со значением названия процесса или его результата. Из иранских языков употребляется только в талышском: *вурмә* 'злой дух, нечистая сила', *фызмә* 'жар, высокая температура', *гылмә* 'локон, завиток волос, кудри', *чылмә* — 1 'щека, щеки'; 2 'кусочек' и др.

Аффикс -сыз. С помощью этого продуктивного аффикса образуются имена прилагательные, указывающие на отсутствие или недостаточное количество чего-либо. Употребляется в талышском и татском языках (-сыз — в талышском, -сүз — в татском): *димсыз* 'обезжиренный', *кефсыз* 'грустный, печальный, не в настроении', *мәшосыз* 'без обуви', *дандынсыз* 'беззубый', *нумуксүз* 'без соли, несоленый', *мујсүз* 'безволосый' и др.

Аффикс -әки. Непродуктивный аффикс со значением образа действия. Употребляется только в талышском языке: *јанәки* 'боком', *чәпәки* 'косо', *һерәки* 'искоса', *кәмәки* 'боком', *нијонәки* 'тайно, тайком, скрыто', *нываки* 'поперек' и др.

Аффикс -чә. При помощи этого аффикса образуются имена прилагательные, обозначающие языковую принадлежность: *гурмичә* 'по-грузински', *фарсчә* 'по-персидски', *әрәбчә* 'по-арабски' и др.

Аффикс -ки. Продуктивный аффикс. Употребляется для образования принадлежности в талышском и татском языках: талыш. *чымыки* 'мой, принадлежащий мне', *одәмонки* 'принадлежащий людям', *кәјики* 'принадлежащий дому'; тат. *әрмәнки* 'наш, принадлежащий нам' и др.

Аффикс -минчи. В талышском языке, присоединяясь к количественным числительным или некоторым другим словам, означает порядок следования или расположения предметов или явлений: *иминчи* 'первый', *даминчи* 'десятый', *пенчоминчи* 'пятидесятый', *саминчи* 'сотый', *охоминчи* // *охонәминчи* 'последний' и др.

«Употребляемые в татском языке порядковые числительные — азербайджанского происхождения; иранских порядковых числительных не встречено. Порядковые числительные образуются с помощью аффиксов -(i) пзи, -(u) пзи, -(y) пзю от соответствующего тюркского количественного числительного: *big-ınzi* 'первый', *iki-pzi* 'второй', *üç-ypzü* 'третий' и т. п.» [38. С. 48].

Аффикс -ыш. Присоединяясь к глагольным корням, образует имена существительные со значением способа, формы, манеры, а иногда результата действия или процесса. Употребляется в основном в талышском языке: *гардыш* 'прогулка' от глагола *гард-* (*гарде* 'прогуливаться, крутиться', *огарде* 'возвращаться', *пегарде* 'повернуться' и др.).

Аффикс -дә. Показатель местного падежа, выражает отсутствие движения, статику, местонахождение предмета. Употребляется только в талышском языке: *әврәдә* 'там', *ыврәдә* 'здесь, тут' *ко(м) ыврәдә* 'где?', *соадә* 'во дворе' и др. Иногда слова, принявшие аффикс -дә, указывают на образ действия: *икәрәдә* 'сразу, разом', *бардәмәдә* 'вдруг, внезапно' и др.

Аффикс -даки. Означает признак (предмета) по его положению в пространстве или во времени. «Форма -даки уже в древности заняла господствующее положение среди остальных производных на -ки от падежных форм. Во вполне развитом виде она представлена в орхонских памятниках. Ср.: *јәрдаки*, *таңридаки*, *балыкдакы*, *тагдакы*... Производные на -даки/-даки имеют атрибутивное значение, и в научной литературе их принято относить к прилагательным со значением места или времени или же и места и времени. Между тем они могут образовываться от всех без исключения субстантивных частей речи и — что очень важно — от

посессивных форм существительных, например: *евимдэки* 'находящийся в моем доме', *евлариндэки* 'находящийся в их домах'... и т. п.» [40. С. 156].

Аффикс -дэки широко употребляется в талышском языке, выполняя ту же функцию, что и в азербайджанском. Например: *надэки* — 1 'передний, стоящий впереди'; 2 'впереди, спереди', *кадэки* 'находящийся в доме' и т. д. В других иранских языках этот аффикс не встречается.

Аффикс -лыгэ. Восходит к азербайджанскому словообразовательному аффиксу *-лыг/-лик, -луг/-лук* (с аффиксом направительного/дательного) падежа *-э*. Означает совокупность предметов, служащую единицей меры для другого предмета, явления или процесса. Из иранских языков употребляется только в талышском: *идэгэлыгэ* 'в течение одной минуты, на одну минуту', *иружлыгэ* 'на один день', *исорлыгэ* 'на один год', *иһаф-тэлыгэ* 'на одну неделю' и др.

Аффикс -гэ. Придает словам инструментальное значение. Зафиксирован только в талышском языке: *пазгэ* 'заноза', *палгэ* 'зеленая ветвь, зеленый побег', *пингэ* 'клык', *фили пингэ* 'слоновьи бивни' и др.

Аффикс -рэмэ. Сложный аффикс, состоящий из глаголообразующего аффикса *-рэ* (азерб. лит. *-ла, -лэ*) и аффикса *-мэ*. Образует группу слов с атрибутивным значением: *вэррэмэ* (*вэр-лэ-мэ*) 'подряд, сплошь, без пропусков'.

Аффикс -(е)нчэ. Присоединяясь к основам глаголов, образует деепричастную форму, которая обозначает продолжение действия, выражаемого деепричастием, до окончания действия основного глагола или же выражает сравнение. Из иранских языков встречается только в талышском языке: *Ахтэ сыхан к а р д е н ч э тикэј комэгэти кардэбан чок эби* 'Чем столько говорить, лучше ты бы помог немного'. Ср. азерб.: *Сарала-сарала ј а ш а ј ы н ч а ылмэк ј ахшыдыр* (аталар сөзү) 'Лучше умереть, чем жить, постоянно увядая' [41. С. 144]; *Ијо беко ныштенчэ быши бэ молон тикэј алэф бүү* 'Чем сидеть здесь без работы, иди для скота принеси немного травы' и др.

Аффикс -сэ. Употребляется для образования условной формы глаголов в талышском и татском языках: талыш. *зындэмсэ тыку бачјо хэба сэдэм* 'Если я знаю, то почему у тебя спрашиваю'; тат.: *мија мсэ, мэн мүданүм* 'Если я приеду, то узнаю'.

Употребление аффикса *-сэ* в курдском языке не выявлено.

Аффикс -миш. Этот аффикс в талышском и татском языках служит для образования пересказательной формы глагола. В большинстве языков на территории Азербайджанской ССР — не только иранских, но и кавказских [42. С. 31; 43. С. 79; 44. С. 164; 45. С. 13—14] — он употребляется со вспомогательными глаголами 'быть', 'делать'. Например: таг. *Јэки бирејмиш, јэки нэбирејмиш, јэ кэчэл бирејмиш* 'был, не был (жил-был), один плешивый был'. В талышском языке лишь однажды аффикс *-миш*, присоединяясь к основе исконного глагола, вместе со вспомогательным глаголом *карде* 'делать' образует аналитический глагол *тарсмиш карде* 'пугать, страшить', тогда как в большинстве языков он выступает вместе с глаголом-основой азербайджанского языка и вспомогательными глаголами заимствующего языка. Например: курд. *сыгмиш кърьн* 'жать', 'сжимать', 'зажимать', *јашэмиш кърьн* (*бун*) 'жить', *битмиш кърьн* 'доставить', *басмиш кърьн* 'обнимать' и др.; талыш.: *ахтармиш карде* 'искать', *герүшмиш бе* 'поздороваться', *алләтмиш карде* 'обмануть' и др.

В «Талышско-русском словаре» [46. С. 111] представлено существительное *инчимиши* 'усталость; измученность'; 'мучение', в котором после

азербайджанского аффикса *-миш* следует иранский словообразовательный аффикс *-и*.

Аффикс -чэгин. Деепричастие с аффиксом *-чэгин* выражает время совершения действия, обозначаемого спрягаемым глаголом. Действие спрягаемого глагола протекает в момент начала действия, обозначаемого деепричастием, между ними имеется некоторый промежуток. Из иранских языков *-чэгин* употребляется только в талышском: *Пэланги* в и н д э ч э г и н *дылым кам манде бытапо* 'увидев тигра (как только я увидел тигра), мое сердце чуть не разорвалось'; *Кэчэл дыроз бэчэгин бэ нан ше* 'Плешивый как только лег—уснул' и др.

Указанные аффиксы можно сгруппировать следующим образом: 1 — употребляемые во всех упомянутых иранских языках с незначительными различиями как в фонологическом, так и семантическом отношении (*-чи*, *-миш*); 2 — употребляемые в талышском и татском языках (*-лыг (-луғ)*; *-ли (-лү, -лу)*; *сыз (-сүз)*; *-ки*, *-минчи* [-(i) пзи, -(u) пзи, -(y) пзү], *-сэ*); 3 — употребляемые только в талышском языке (*-ма*, *-мэ*; *-чэ*, *-эки*; *-ыш*; *-дэ*, *-даки*; *-лығ*; *-гэ*, *-рэмэ*; *-(е) нчэ*; *-чэгин*).

Таким образом, по степени использования морфологических элементов азербайджанского языка в словообразовательной системе рассмотренных иранских языков талышский язык занимает первое место, второе место принадлежит татскому и третье — курдскому. Заимствования на других уровнях языка — фонетики, лексики, синтаксиса — требуют специального исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ворошил Г. Об иранско-удинских языковых контактах//Материалы 5-й региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977.

² Дьяконов И. М. Арийцы на Ближнем Востоке — конец мифа//Вестн. древ. истории. 1970. № 4.

³ Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.

⁴ История Азербайджана. Баку, 1979.

⁵ Погребова М. Н. К вопросу о связях Восточного Закавказья и Ирана в конце II — начале I тыс. до н. э.//История Иранского государства и культуры. М., 1971.

⁶ Страбон. География: В 17 кн. М., 1964.

⁷ Дьяконов И. М. История Мидии. Л., 1956.

⁸ Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.

⁹ Алиев И. Г. Сармато-аланы на пути в Иран//История иранского государства и культуры. М., 1971.

¹⁰ Henning W. B. Mittliranisch//Handbuch der Orientalistik. Leiden; Köln, 1958.

1. Bd. 4, Abschn. 1.

¹¹ Оранский И. М. Иранские языки в историческом освещении. М., 1979.

¹² Kesrevi Tebrizi Ahmed. Nameha-ye Sehrha ve dehha-ye Iran. Тегеран, 1956.

Перс.

¹³ Грантовский Э. А. Сагарты и XIV округ государства Ахеменидов по списку Геродота [III. 93]//Краткие сообщ. Ин-та народов Азии. М., 1962. № 46: Древний Восток.

¹⁴ История Армении Фавстоса Бузанда. Ереван, 1953.

¹⁵ Автор «Истории Агван» сообщает, что в конце VI в. из северо-западного Ирана в Албанию были переселены 30 тыс. семейств (с. 135—136). В. Ф. Минорский пишет, что «помимо средств военной техники Сасаниды старались укрепить свою северную границу... поселяя вблизи перевалов значительные колонии своих собственных подданных, главным образом из каспийских областей... Основным поставщиком человеческой силы был, по-видимому, Дейлсм» [16. С. 30—32].

¹⁶ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963.

¹⁷ Ашурбейли С. Государство ширваншахов. Баку, 1983.

¹⁸ Об этом подробно см.: [19; 20].

¹⁹ Бакаев Ч. Х. Язык курдов СССР. М., 1973.

²⁰ Аристова Т. Ф. Курды Закавказья. М., 1968.

²¹ Гейбуллаев Г. А. Об иранских топонимах Азербайджана//Изв. АН АзССР. Сер. истории, философии и права. 1979. № 2.

- 22 См.: Статистическое описание Нахичеванской провинции. Спб., 1833.
 23 Вестн. древ. истории. 1948. № 1.
 24 Там же. № 3.
 25 *Джафаров Ю. Р.* Гунны и Азербайджан: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1981.
 26 История Армении Моисея Хоренского. М., 1983.
 27 История древнего мира. М., 1982. Т. 3: Упадок древних обществ.
 28 *Гукасјан В. Л.* Азербайчан дилинин тэшәккүл тарихинә даир гејдләр//Азербайчан филологијасы мәсәләләри. Баку, 1983.
 29 *Буниятов Зия.* Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965.
 30 *Пигулевская Н. В.* Мар Аба I: (К истории культуры VI в. н. э.)//Сов. востоковедение. М.; Л., 1948. Т. 5.
 31 *Дёрфер Г.* Монгольские и тюркские элементы в новоперсидском языке. Висбаден, 1963—1973. Нем.
 32 *Зариназаде Г.* Азербайджанские заимствования в персидском языке. Баку, 1962. Азерб.
 33 *Савина В. И.* Этнонимы в топонимии Ирана//Ономастика Востока. М., 1980.
 34 Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к [35; 36].
 35 Ферхенге джографияе Иран: В 10 т. Тегеран, 1943—1953. Перс.
 36 Словарь географических терминов и других слов, формирующих топонимию Ирана/Сост. В. И. Савина. М., 1971.
 37 *Серебренников Б. А.* Об относительной самостоятельности развития системы языка. М., 1968.
 38 *Грюнберг А. Л.* Язык североазербайджанских татов. Л., 1963.
 39 *Бакаев Ч. Х.* Язык азербайджанских курдов. М., 1965.
 40 *Севогян Э. В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.
 41 Грамматика азербайджанского языка. Баку, 1971.
 42 *Гукасян В. Л.* Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1973.
 43 *Жирков Л. И.* Об основном словарном фонде горских языков Дагестана//Вопр. языкознания. 1953. № 3.
 44 *Саадиев Ш. М.* Азербайджанские слова в лезгинском языке//Тр./Ин-т лит. и яз. им. Низами АН АзССР. Баку, 1957. Т. 9. Азерб.
 45 *Асланов А. М.* Взаимоотношения азербайджанского и цахурского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1965.
 46 *Пирейко Л. А.* Талышско-русский словарь. М., 1976.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

П. И. КУЗНЕЦОВ

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ФОРМА: МАКРОФОРМА И МИКРОФОРМА
(НА МАТЕРИАЛЕ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В исследованиях по морфологии тюркских языков (да и всех других!) очень часто встречается термин *форма* (или *грамматическая (морфологическая) форма*), который настолько «примелькался», что не вызывает ни у авторов, ни у читателей никакого эмоционального всплеска. Между тем термин этот нередко толкуется авторами неоднозначно, что может вести и ведет к неоднозначной трактовке языковых фактов и, можно даже сказать, языка как системы в целом.

Прежде всего условимся, что в соответствии с рекомендацией «Словаря лингвистических терминов» под грамматической формой мы будем понимать «соотношение данного грамматического содержания и грамматического способа в их единстве, т. е. связь, единство данного грамматического содержания (значения) с данным грамматическим выражением» [1. С. 116], иначе говоря, форма — любая единица морфологического уровня с присущим ей значением или функцией. В отличие от формы, *формант* (форматив; суффикс; аффикс) есть форма, рассматриваемая лишь в плане ее выражения (с морфологической стороны), а *морфема* — простой (далее не членимый) формант.

На первый взгляд кажется, что термины определены достаточно четко и «разнотчений» быть не должно. Следует, однако, учитывать, что формантов, не обладающих тем или иным значением (либо значениями) или же не несущих той или иной синтаксической функции, практически не бывает. Поэтому, встречая какой-то форматив, исследователь, как правило, сразу же обозначает его термином форма; ср. в турецком языке: форма на *-dı* (прошедшее время), форма на *-dik*, форма на *-miş* и т. д. и т. п. Но, спрашивается, откуда же исследователю известно, что он имеет дело с формой на *-dı*, а не с формами на *-dı*, с формой на *-dik* и на *-miş*, а не с формами на *-dik* и на *-miş* и т. п.? То, что называют *формой*, включает различные ее разновидности, которые могут быть обозначены следующими терминами: *икс-форма* — форма, свойства которой подлежат изучению; *микроформа* (*ф*) — собственно форма (именно к ней относится приведенное выше определение «Словаря лингвистических терминов»); *омоформа* — микроформа, означающее которой совпадает с таковым какой-то другой формы (или других форм), т. е. форма, внешне не отличающаяся от какой-то другой формы; *макроформа* (*Ф*) — форма в ее акустической данности, могущая быть либо моноформой, либо полиформой; *моноформа* — макроформа, включающая лишь одну микроформу, т. е.

не содержащая в себе омоформ; полиформа — макроформа, включающая две или более микроформы (каждая из них является омоформой). Таким образом, когда говорят «форма на -dɨ», «форма на dɨk» и т. п., термин форма должен быть понимаем в смысле макроформа (или же экс-форма): Ф-dɨ, Ф-dɨk.

Проблема морфологической формы достаточно остра для любого языка. Например, в свое время высказывалась мысль, что в русском языке нет грамматических времен: в формах типа 'бер-у', 'буд-у', 'бер-ешь', 'буд-ешь' и т. д. отсутствует показатель настоящего времени (не говоря уж о будущем), формы '(я, ты, он) брал', '(я, ты, она) брала' и т. д., восходя к причастиям, изменяются не по лицам, а по родам; иначе говоря, «русский язык не отличил ни прошедшего, ни настоящего, ни будущего времени особыми формами» [2. С. 133]. Однако эта позиция не получила поддержки со стороны русистов. А. А. Потебня писал: «Два дела разные: в языке имеются две однозвучные формы — одна для настоящего, другая для будущего времени; и в языке нет форм ни для того, ни для другого. ...Некрасов этих случаев не различает. Для него отсутствие специальных звуковых указаний на значение формы и совмещение в одном звуковом комплексе нескольких формальных значений служит доказательством отсутствия в языке форм как для настоящего, так и для будущего» [3. С. 115].

Формы настоящего времени и будущего времени в русском языке можно было бы назвать омоформами. Впрочем, тот же А. А. Потебня был принципиальным противником «омонимии». Он писал, что каждая форма «первоначально имеет одно значение. Когда это значение может стать представлением другого, то вместе с тем создается новая форма» [3. С. 115]. Однако если новую форму отличает от старой ее означаемое, а означаемое обеих форм совпадает, то именно этот случай и подпадает под понятие омонимии (омоморфии).

Происхождение омоформ может быть различным. В отдельных случаях к омонимии приводит случайное совпадение двух формантов. Например, в турецких словоформах типа sog-a-um (sog-a-um) 'спрошу-ка' и sog-a (sog-a) '(долго) расспрашивая' исследователи обычно видят две разные формы — желательное наклонение и слитное деепричастие. Значения этих форм настолько различаются, что даже «узкие морфологисты» не решаются объединить их, хотя, если оставить в стороне семантику, доказать на материале современного языка взаимонезождественность названных форм было бы крайне трудно (если вообще возможно). В частности, ничего не доказывает «лишняя» морфема (-um) в словоформе sog-a-um, поскольку неизменяемая в срединной позиции форма на -a, естественно, получает личные аффиксы, оказавшись в позиции сказуемого. Тем не менее для объединения указанных форм нет оснований, и, хотя некоторые авторы предполагают их общее происхождение, даже такое сближение представляется сомнительным, поскольку в слитном деепричастии исторически доминировал губной гласный (kög-ü 'глядя; видя', je-jü 'поедая', öl-ü 'умирая' и т. п.), а в форме желательного наклонения (а также будущего времени) -(γ)a(j) < -γaj/-qaj он, наоборот, никогда не был представлен.

Разумеется, чаще омонимичные формы имеют общее происхождение. Это является едва ли не главным (хотя и явно недостаточным!) аргументом в руках тех, кто практически не признает существования полиформ. Уязвимость такой позиции, пожалуй, проще всего продемонстрировать на примере макроформы -dɨk (Ф-dɨk).

Еще А. Казем-Бек указывал, что «причастие» на -dɨk может обозначать либо *самое действие* (сущность действия), либо «предмет, под-

лежащий действию» [6. С. 474—477]. Наблюдение, несомненно, верно, однако почему «причастие»? В действительности здесь представлены две (исторически даже три) формы, т. е. микроформы, каждая из которых обладает и собственным значением и присущими только ей морфологическими и позиционными (синтаксическими) особенностями.

Форма *-dik-1* — это *имя действия*, обозначающее «само действие», это форма предикативная (предназначенная для выражения предиката придаточной конструкции), хотя и не финитная. Например, в предложении *Okuduğumu bilir* 'Он знает, что я читал (или: читаю)' форме *okuduğumu*, как вторичному предикату, может предшествовать прямое дополнение: *Mektubumu (или: bir kitap) okuduğumu bilir* 'Он знает, что я читал (читаю) его письмо (или: какую-то книгу)'.

То же самое предложение (*Okuduğumu bilir*) может содержать и иное сообщение: 'Он знает, что я читал (читаю)'. Здесь перед нами *ф-dik-2* — так называемое *про-причастие*, т. е. причастие пассивного значения в сочетании с каким-либо аффиксом принадлежности. Естественно, что причастие пассивного значения ни в коем случае не может управлять прямым дополнением (т. е. словоформы типа *mektubumu, bir kitap* к т. п. форме *-dik-2* предшествовать не могут). С другой стороны, про-причастие (в отличие от имени действия) может свободно присоединять аффикс множеств. числа *-lar*: *okuduklarımı (oku-duk-lar-ım-ı) bilir* 'Он знает все, что я читал (читаю)', т. е. 'Он знает прочитанные (читаемые) мною (вещи)', досл.: 'Он знает мои прочитанные' (*ф-dik-1* присоединяет аффикс *-lar* только в качестве показателя 3-го лица множеств. числа, поэтому словоформа типа *okuduklarım* невозможна).

Итак, можно видеть, что как значения, так и синтактико-морфологические свойства форм *-dik-1* и *-dik-2* резко различаются между собой; общность означаемого позволяет, однако, говорить о двух омоформах, т. е. о *макроформе -dik*, и предполагать общность происхождения двух микроформ. Исходной базой для возникновения филиации грамматических форм послужила, как можно думать, моноформа прошедшего времени на *-tük/-dük*, восходящая, по-видимому, к глаголу *tüke-* 'завершиться, закончиться' и позже превратившаяся в прошедшее на *-du* [7. С. 12]. Форма на *-duq*, попавшая в позицию дополнения, иначе говоря, — зависимого предиката, стала формой *-duq/-duq-1*. Эта же форма в позиции сказуемого придаточного определительного предложения стала в дальнейшем причастием с пассивным значением (т. е. формой *-duq/-duq-2*), по типу: *men alduq taş* 'камень, который я взял' → *alduq taş* 'камень, который (кто-то) взял' → 'взятый (кем-то) камень' → *alduq/alduq* 'тот, что взяли' → 'взятый' [8. С. 57].

В отличие от *Ф-duq*, *Ф-miş* не является в современном языке про-причастием. Однако и она складывается из двух микроформ. Форма *-miş-1* — прошедшее неконстатированное («субъективное») время, *Ф-miş-2* — причастие прошедшего времени. Например, словоформа *okumuş*, выступающая в позиции сказуемого (в сочетании с личными аффиксами), является формой прошедшего времени: *okumuşum* 'я, говорят, читал (учился)', *okumuşsun* 'ты, говорят, читал', *okumuş* 'он, говорят, читал' и т. д. [9. С. 61—65]. Причастие на *-miş* (*ф-miş-2*), в отличие от финитной формы, занимает в предложении позицию определения или даже подлежащего: *okumuşlar* 'интеллигенты' (досл.: 'учившиеся'; ср. *ф-miş-1: okumuşlar* 'они, говорят, учились').

Также двумя разными формами (микроформами) являются настоящее-будущее время (аорист) с показателем *-(i)g/-(a)g* и причастие настоящего времени с тем же показателем. Однако здесь возникает еще

один вопрос. Как мы помним, А. А. Потебня, несмотря на отсутствие формальных различий, называл двумя формами настоящее время (*иду, хожу, прихожу...*) и будущее время (*приду...*) в русском языке. Не считать ли в таком случае двумя разными формами турецкий аорист в значении настоящего времени и ту же форму (макроформу) в значении будущего времени — тем более что эти два значения всегда очень четко противопоставлены одно другому? Такое решение вопроса уже предлагалось грамматистами. Вплоть до Дж. Редгауза [10. С. 76] авторы турецких грамматик (Менинский, Хольдерман, Вигье, Комидас, Жобер, Казем-Бек и другие) всегда рассматривали аорист как две формы: первая — настоящее время, вторая (образующаяся как первая) — будущее. Такой взгляд не может считаться полностью необоснованным. Все же неизменность морфологических и синтаксических свойств аориста при любых модификациях его значений дает, как нам представляется, основание думать, что аорист (оставляя в стороне причастие на *-(1)г*) является микроформой. Однако должно быть выделено два *функтива* этой микроформы, поскольку аорист имеет две функции, или, точнее, два значения [11. С. 34, 35].

Кажется, самой «полиоморфной» единицей морфологического яруса современного турецкого языка является макроформа *-асак* (*-азақ*), состоящая из четырех микроединиц: 1) времени изъявительного наклонения, 2) имени действия, 3) причастия, 4) про-причастия, причем каждая микроформа характеризуется собственным значением и присущими только ей синтактико-морфологическими особенностями. В частности, форма на *-(у)асак* как одно из времен индикатива указывает на имеющее совершиться в будущем действие с модальным значением предопределенности (чем и отличается от будущего на *-(1)г*, т. е. второго функтива аориста), а та же макроформа в качестве имени действия обозначает будущее или будущее-прошедшее, обычно относительное, но вне зависимости от наличия или отсутствия каких-либо модальных оттенков — ввиду отсутствия имени действия на *-(1)г*; для причастия на *-(у)асак* характерно указание на потенциальную возможность совершения действия (*içesek su 'вода, которую можно пить', 'питьевая вода'*), а про-причастие служит для передачи объекта действия в абсолютном или относительном будущем (*Yemeyesegi şeker olsun (Grev. S. 89) 'Пусть бы только конфет ему и не хватало', досл.: 'Тем, чего он не будет есть, пусть будут конфеты'*).

Формы, о которых шла речь выше, принадлежат четвертому ранговому классу, т. е. классу функционала. Менее характерны полиформы для 1—3 и 5—6 рангов (сюда относятся показатели залогов, форма глагольного отрицания, словоизменительные форманты и пр.). Особо следует остановиться на так называемой нулевой форме, которая ставит перед исследователями серьезные проблемы. Теоретически говоря, если любая морфологическая форма может быть и нередко является полиформой, то не видно, почему не может быть также полиформой и нулевая форма. Однако практика показывает, что языковеды чаще всего не хотят признавать права на многообразие за тем, что по внешним признакам вообще не может быть названо формой, поскольку не противопоставлено явным образом эксплицитно выраженным формам (здесь можно говорить о незначимой нулевой форме).

Известна проблема: считать ли слово *taş* (*taş*) существительным или же то существительным ('камень'), то прилагательным ('каменный')?; или: считать ли имена *karanlık* 'темнота, мрак', *son* 'конец', *уап* 'бок' и им подобные существительными либо — в зависимости от синтаксической позиции — то существительными, то прилагательными

(соотв. 'мрачный', 'последний', 'боковой' и т. п.)? Правда, многие тюркологи считают эту проблему надуманной. Так, комментируя следующее высказывание С. С. Майзеля: «Возьмем сочетания *komşu ev* 'соседний дом' и *komşu evi* 'соседский дом'. В первом из них слово *komşu* является прилагательным» [12. С. 19], редактор книги А. Н. Кононов в сноске отмечал: «В этой работе мы встречаемся с довольно распространенной в тюркологической литературе своеобразной грамматической абберрацией: смешиваются части речи и члены предложения; ... т. е. упускается из вида, что турецкое существительное, не меняя своей формы, выступает также и в определительной (атрибутивной) функции, оставаясь все тем же существительным» [12. С. 19, сн. 1].

Однако сторонники указанного взгляда упускают из виду, что правильность точки зрения, которую они критикуют (а подчас даже третируют, подозревая перевод с русского языка; в этом, впрочем, приходится заподозрить и турецких лингвистов, придерживающихся обычно той же точки зрения), во многих случаях может быть просто-напросто доказана. В частности, возможность включения таких единиц, как *son*, *kağanlık*, *orta* и другие, в один ряд с явными именами прилагательными (с которыми их объединяет союз *ve* 'и') — например: *ilk ve son başarı* 'первый и последний успех', *ilk ve orta okul* 'начальная и средняя школа', *kimsesiz ve kağanlık odalar* (EŞ. S. 34) 'безлюдные и темные комнаты', *kağanlık ve gülcü ormanlar* (EŞ. S. 38) 'темные и густые леса' и т. п., — а также наличие у многих из них мыслимых морфологических и синтаксических особенностей этого класса имен — включая способность быть приглагольным определением (*Son gülen iyi güler* 'Хорошо смеется тот, кто смеется последним'), получать приметы степеней сравнения (*en son moda* 'самая последняя мода') и аналогично именам прилагательным подвергаться частичной редупликации: *Adam kar kağanlık* (*ka-p-ka-ğanlık*) *tasavvurlar içindeydi* (Grev. S. 87) 'Человек находился во власти мрачнейших дум' — доказывают, что во всех такого рода случаях следует видеть гипостазис, т. е. распад единицы на две омоформы, каждая из которых представляет свою часть речи — существительное или прилагательное (в наших примерах — прилагательное).

Допущенные ошибки свидетельствуют о том, что взгляд, согласно которому «совокупность семантико-морфолого-синтаксических показателей и связей всегда и точно позволяет определить принадлежность того или иного слова к той или иной части речи» [13. С. 135], являясь излишне оптимистичным. В действительности морфологические и семантико-синтаксические данные нередко «подсказывают» исследователю несовпадающие ответы, и, делая окончательный вывод, он вынужден расчленять совокупность. Столь же опрометчивым было утверждение С. С. Майзеля, полагавшего, что «дифференциация предметности и качественности в турецком языке находит поддержку и точное средство проверки в изафете» [12. С. 20, 21]. К сожалению, не нашлось точного средства проверки того, входит или не входит то или иное словосочетание в разряд изафетных. Кроме того, взгляды С. С. Майзеля, подхваченные тюркологами, не во всем соответствовали фактам. Так, например, он считал, что одноаффиксный (относительный) изафет «может быть только целиком либо определенным, либо неопределенным, причем показатели определенности или неопределенности могут относиться к M_1 (т. е. к определяемому имени. — П. К.), но никак не к S_0 » [12. С. 68]

(см. еще: [14. С. 59]). Как утверждал Т. И. Грунин, «что первый компонент определительных словосочетаний синтетического типа не является именем существительным... подтверждается и тем, что сам он, будучи выразителем признака, не может быть определяем» [15. С. 63]. Между тем показатели определенности или неопределенности, как и любые другие определители, очень часто относятся именно к S_0 , а не к M_1 , т. е. первый компонент изафета вполне может быть определяем. В одной из статей мы привели свыше десяти соответствующих примеров [16. С. 11, 12]; здесь ограничимся сравнением двух предложений:

Gögsünden, hafif, fakat harikulâde güzel bir ten kokusu yaüıhyordu (КММ. S. 100) 'От ее груди исходил слабый, но исключительно приятный телесный запах'.

Bu vücutların hepsinden birden ... bir yarım yamalak yukanmış ten kokusu yaüılmakta idi (Bir sürg. S. 18) 'От всех этих людей исходил запах... кое-как вымытых тел'.

Интересно, что неопределенный артикль *bir* в обоих примерах относится к M_1 , т. е. к слову *koğu* 'запах'. Что же касается определения, выраженного прилагательным или причастием, то в первом случае оно также относится к M_1 , но во втором — к S_0 , т. е. к существительному *ten* 'тело'. Не приходится сомневаться, что относительный изафет (*bir*) *ten kokusu* в первом примере и «тот же» изафет во втором примере, несмотря на отсутствие формальных различий, не имеют между собой, по существу, ничего общего в содержательном плане. Таким образом, попытка охарактеризовать относительный изафет, опираясь только на примеры типа первого, ведет к искажению реальной картины.

Из сказанного следует, что нулевые формы не могут исключаться из числа других форм, и омоформия может и должна распространяться также и на эти формы. Каждая нулевая форма может, следовательно, быть полиформой, включающей две или более микроформы. Так, падежная форма, характеризуемая нулевым формантом, может быть противопоставлена всему ряду эксплицитно выраженных падежных форм. В этом случае правомерно говорить об основном, или именительном падеже. Если, однако, упомянутая форма противопоставляется только форме винительного падежа, то такой нулевой падеж будет уже не основным, а винительным неоформленным (М. Ваһа беліртисіз ішленmiş hal [17. С. 23]; М. Ergin: *eksiz akkuzatif* [18. С. 216, 221]). Между прочим, еще Г. Вайль, приводя один из классических примеров — *bir mektub aldım* 'я получил письмо' — писал, что *mektub*, несмотря на отсутствие падежного аффикса, не является здесь, естественно, формой именительного падежа [19. С. 73, 75] (см. также: [20. С. 105, 108—109; 21. С. 39 сл.]; ср. иной взгляд на этот вопрос: [4. С. 183; 22. С. 51—52; 23. С. 175; 14. С. 19, сл.]). В статье «О грамматических категориях имени существительного...» мы предприняли попытку кратко обрисовать процесс превращения *незначимой* нулевой формы в *значимую* нулевую, в частности падежную со значением прямого объекта в категории неопределенности [24. С. 28].

Сходным образом мог образоваться и родительный неоформленный падеж. Однако общая картина в этой «зоне» турецкого склонения еще сложнее. Если в слове *ten* во втором из приведенных выше примеров можно видеть микроформу родительного неоформленного падежа, то в том же имени первого примера нет ни этой формы, ни формы основного падежа, поскольку названное имя представляет собою здесь *к в а з и с у щ е с т в и т е л ь н о е* [16. С. 13—14], которое в позиции определения вообще не принимает никаких падежных аффиксов.

В заключение хочется выразить надежду, что понятия макроформы и микроформы, включая и нулевую микроформу, получают права гражданства в тюркологических исследованиях, поскольку анализ, проводимый без учета предложенных выше дефиниций, может оказаться недостаточно точным.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. *Некрасов Н. П.* О значении форм русского глагола. Спб., 1865.
3. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М., 1977. Т. 4, вып. 11: Глагол.
4. *Deny J.* Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli). Paris, 1921.
5. *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Глагол). Л., 1981.
6. *Казем-Бек А.* Грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1839.
7. *Кузнецов П. И.* Возникновение и значения тюркских претеритов//Сов. тюркология. 1981. № 5.
8. *Он же.* Происхождение прошедшего времени на -ды и имен действия в тюркских языках//Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М., 1960.
9. *Он же.* Личные аффиксы в турецком языке//Тр./Воен. ин-т иностр. яз. М., 1954. № 5.
10. *Redhouse J. W.* Grammaire raisonnée de la langue ottomane. Paris, 1846.
11. *Кузнецов П. И.* Генезис тюркского аориста//Сов. тюркология. 1980. № 6.
12. *Майзель С. С.* Изафет в турецком языке. М.; Л., 1957.
13. *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.
14. *Иванов С. Н.* Курс турецкой грамматики. Л., 1975. Ч. 1.
15. *Грунин Т. И.* Имя прилагательное в тюркских языках//Вопр. языкознания. 1955. № 4.
16. *Кузнецов П. И.* К вопросу об имени прилагательном в турецком языке//Сов. тюркология. 1976. № 6.
17. *Baha M.* Yeni Türkçe Gramer. Istanbul, 1931.
18. *Ergin M.* Türk Dil Bilgisi. Sofya, 1967.
19. *Weil G.* Grammatik der osmanisch-türkischen Sprache. Berlin, 1917.
20. *Самойлович А.* Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л., 1925.
21. *Вильданова Н. Г., Гарипов Т. М.* Один нулевой падеж или нулевые формы разных падежей?//Сов. тюркология. 1988. № 4.
22. *Дмитриев Н. К.* Строй турецкого языка. Л., 1939.
23. *Он же.* Грамматика кумыкского языка. М.; Л., 1940.
24. *Кузнецов П. И.* О грамматических категориях имени существительного в турецком языке//Сов. тюркология. 1977. № 5.

СОКРАЩЕНИЯ

- Grev
- *Orhan Kemal.* Grev. Ankara, 1954.
- ES
- *Bekir Yıldız.* Evlilik şirketi. Istanbul, 1972.
- KMM
- *Sabahattin Ali.* Kürk Mantolu Madonna. Sofya, 1960.
- Bir sür.
- *Karaosmanoğlu Y. K.* Bir sürgün. Istanbul, 1945. 2-nci basılış.

И. К. МИРЗАЕВ

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТИХОВОГО ПЕРЕНОСА (ENJAMBEMENT) В СОВРЕМЕННОЙ УЗБЕКСКОЙ ПОЭЗИИ

Вопрос о стиховом переносе представляет собой весьма интересную проблему, всесторонняя разработка которой внесла бы существенные поправки как в понимание природы самого этого понятия, так и в решение многих вопросов стиховедения, литературоведения и языкознания. Хотя изучение проблемы переноса имеет давнюю традицию (см. отдельные замечания в трудах Ю. Н. Тынянова, Л. В. Щербы, Б. В. Томашевского, В. М. Жирмунского, Н. С. Пospelова, Л. И. Тимофеева, В. Е. Холщевникова и др.), однако системное ее исследование началось только в наши дни и представлено пока диссертацией М. С. Лобановой, выполненной на материале русской поэзии [1].

В германистике, в частности в английском языкознании, наблюдения над лингвистической природой enjambement и стилистическим его функционированием обобщены в исследованиях Л. Г. Бадретдиновой [2. С. 21—34; 3. С. 168—174] и Л. Г. Лузиной [4]. На материале же романских, тюркских и других языков специальных работ, посвященных стиховому переносу, нет. Следует заметить, что термин «enjambement» при характеристике узбекского (и вообще тюркского) стихосложения не употребляется, хотя обозначаемое им явление широко распространено в современной узбекской поэзии. Нами это явление, или стиховой перенос, и общепризнанный термин «enjambement» (от французского глагола enjamber 'перешагнуть, перескочить') употребляются как синонимы.

В настоящей статье описываются структурные особенности enjambement и устанавливаются его функциональные признаки.

Обзор отечественной и зарубежной литератур по стиховому переносу обнаруживает разнообразие подходов к нему как к явлению либо фонетическому, или интонационному, либо синтаксическому, или ритмико-синтаксическому, либо смысловому, или логико-семантическому (более подробно об этом см.: [2]).

Нами enjambement разбирается как явление структурно-семантическое. При этом имеется в виду его организующая функция — способность выступать «с точки зрения синтаксиса стихотворной речи средством связи между отдельными предложениями, входящими в состав сложного синтаксического целого» [5. С. 28], а также его роль в ритмико- и рифмовыражении. Такое понимание стихового переноса основано

на учении Ф. Энгельса, предполагающего, что «явления следует классифицировать не только по типичным признакам. Необходимо также учитывать типичные обстоятельства их возникновения и развития» [6. С. 35].

В литературе об enjambement по-прежнему остается спорным вопрос о том, что подвергается переносу — предложение (В. М. Жирмунский, О. С. Ахманова), семантико-синтаксические группы (Ю. Н. Тынянов), сложные синтаксические единства (Н. С. Поспелов), синтагма (Л. В. Шерба, Б. В. Томашевский, В. Е. Холщевников, С. И. Бернштейн, Ж. А. Дозорц, Л. Г. Лузина) или словосочетание (Б. О. Корман). Л. Г. Бадретдинова же рассматривает перенос на уровнях предложения и синтагмы. Все эти разногласия могут быть устранены при строгом разграничении явлений языка и речи, т. е. с учетом того, с какой позиции — структурной или семантической — подходить к переносу. Структурный анализ enjambement, проведенный на уровне языка, предполагает предложение и словосочетание, а семантический — высказывание и синтагму [1].

Различают три основных вида enjambement — слоговой, строчный и строфический. Сюда относят и цезурный (внутренний) перенос [7. С. 371].

Редким, но в то же время наиболее выразительным является слоговой перенос. Основное условие его появления — превышение слогового объема слова над долевым объемом стиха [8. С. 208], а также преднамеренный разрыв слова в рифмотворческих и стилистических целях. Ср.:

Аммо дўстим, рақамлар
Ҳам балоғатга бориб етди,
Гўдакликнинг либосидан
ортиб қолди бизнинг «Етти».

(М. Шайхзода)

Но, друг мой, и цифры достигли совершеннолетия, Наше «Семь» (т. е. семилетний возраст. — И. М.) из младенческой вышло одежды'.

Здесь обращает на себя внимание не только расщепление слова в конце строки — очень редкое явление в узбекской поэтической традиции и потому, по-видимому, броское на взгляд, но и то, что поэт, стремясь приблизить свою речь к живой разговорной, подчиняет ритм интонации синтаксиса.

Разновидностью слогового переноса может быть обрыв слова на определенной морфеме, несущей лексическое значение. Ср.:

Шу манзилда икки ранг аниқ;
Оқ ва Қора,
Ҳақиқат ва ёлғон.
Эй, жафокаш ҳақиқат.
Бу санъат,
санъат!

Сан...

(Р. Парфи)

На этой картине отчетливо выделяются два цвета — Белый и Черный, Истина и ложь. О, многострадальная истина. Это искусство, искусство! искусс...'

Обрыв динамически повторяемого слова *санъат* на слоге, имеющем значение корневой морфемы (*сан-*) и личного местоимения (*сан/сен* 'ты'), адекватно передает душевное состояние поэта-адресанта (следует обратить внимание на восклицательный знак, обрамленный запятой и

многоточием) и мотивирован необходимостью соблюдения композиционных ритмо- и рифмотворческих требований.

В современной узбекской поэзии строчный перенос встречается гораздо чаще, чем слоговой, что объясняется стремлением стихотворной речи к живому разговору, «к которому восходит, но к которому не сводится стих» [2. С. 21—22].

В науке о стихах принято различать три основных типа строчного переноса: *rejet*, *contre-rejet* и *double-rejet*.

1. Если предложение, целиком заполняющее первую строчку, заканчивается в начале следующей, то это *rejet* ('сброс'):

Тонг отай деб қолган, тонгнинг нафаси
Юзларга урилар... Бўзармас: да шарқ.
(Уйғун)

'Скоро рассветает, дыхание зари бьет в лицо... Белеет восток'.

К данному типу строчного переноса должны быть отнесены случаи, когда первые несколько строк заполняются компонентами сложноподчиненного предложения, причем главные предложения всегда переносятся в отдельную (замыкающую) строчку:

Фашистларни нимта-нимта қилмасанг,
Одамхўрни хонавайрон қилмасанг,
Ялмоғизни дорга оса билмасанг
Розимасман. Бор шунқорим, яхши бор!
(Уйғун)

'Если фашистов не разрежешь на части, Если людоеда не разоришь, Если не сумеешь вздернуть чудовищ на виселицы, Не буду я довольна тобою! В добрый путь, сокол мой'.

2. Если предложение, начинающееся в самом конце строки, полностью заполняет следующую строчку, то это явление обозначается термином *contre-rejet* ('наброс'):

Яна қайтиб келдим. Чанг тўзон
Йўлимизни соғиндим, она.
(Р. Парфи)

'Я снова воротился. Соскучился, мама, по запыленной нашей дороге'.

3. Предложение, начинающееся в конце строки и заканчивающееся в самом начале следующей, принято называть *double-rejet* ('двойной бросок'):

Қоронғилик босди. Тўрт томон
Жимжит эди. Босмишди сукут...
(У. Носир)

'Наступила темнота. Кругом стояла тишина. Безмолвие...'

Разновидностью строчного переноса можно считать (вслед за А. П. Квятковским) случаи, когда строка заканчивается союзом или предлогом, а подчиненные им слова, словосочетания и предложения переходят в следующую строку:

Инсон — ҳазрат! Инсон — кабир! Бу гапни аммо
Уққаним йўқ на падарим ва на онамдан.
(А. Орипов)

‘Человек — величествен! Человек — велик! Эту мысль я уяснил ни от отца и ни от матери’.

Отмеченные типы стихового переноса могут употребляться как в отдельности, так и вместе. В последнем случае стихи приобретают ярко выраженный разговорный оттенок, усиливают эмоциональность высказывания. Ср.:

Юзларига тегди юз. Лаби
Лабига тегди. Юмди қиз кўзин...
Шу чоғ... Фарбдан келган бир булут
Ой юзини тўсди. Бир замон —
Қоронғилик босди. Тўрт томон
Жимжит эди. Босмишди сукут...
Ой ҳам билмай қолди бу сирни.
(У. Носир)

‘К лицам прикоснулось лицо. Губы встретились. Закрывает девушка глаза... Вдруг пришедшая с запада туча покрыла луну. И наступила темнота. Кругом тишина, безмолвие... Тайну эту не узнала даже луна’.

Как видим, усилению эмоциональной напряженности способствует и многократно использованное многоточие, передающее внутреннее содержание высказывания — взволнованность. Возникающая при этом пауза устраняет отсутствие переноса, резко выделяя следующее за ним слово. Здесь enjambement и многоточие выступают как взаимовосполняющие средства стилизации и подчинены одной цели — передаче напряженного состояния адресанта.

В перекликающихся типах enjambement выражается, с одной стороны, свойственное современной поэзии тяготение к прямому обозначению определенной речевой ситуации, с другой — к объединению в единое синтаксическое целое разрозненных и оборванных предложений. Связывая оторванные друг от друга компоненты синтагмы, перекликающиеся переносы выступают как специфическое средство организации стихотворной речи. Это в известной степени усложняет смысловое движение стихов, так как точки соприкосновения устанавливаются не только внутри переносных предложений, но и между ними — благодаря действию закона единства и тесноты стихоряда (Ю. Тынянов).

Особой формой строчного переноса являются «лесенки». Однако исследователи ничего не говорят о том, относятся «лесенки» к enjambement или нет. Если справедливо определение стихового переноса как несовпадения метрического и синтаксического членения, как перемещения части синтаксически целой фразы с одной строки на другую, то именно все это имеет место при «лесенках». Например:

Буни биз қураамиз,
Бу кучлар—бизнинг
Маъданлар,
Пўлатлар,
Нефтлар ичида,

Усмокда
Юраклар,
Тилаклар бизнинг
Бағрида
Пахтазор,
Порлок денгизнинг.
(Х. Олимжон)

Как видно, «лестничное» выделение акцентирует наиболее значимые слова и словосочетания, позволяя воспринимать одновременно и зрительный и звуковой эффекты, резче действует на читательское воображение. Нацеленность на ритмико-интонационное обособление слов и словосочетаний путем «лестничного» дробления объединяет данный прием со стиховым переносом. Так же, как и последний, «лестничный» enjambement служит нюансировке смыслового и стилистического значений, апеллирует к зрительному восприятию поэтического произведения. Перенос этого типа усиливает выразительность и эмоциональную напряженность стихотворной речи, возможности ее психологической и творческой интерпретации, стимулирует поэтические ассоциации.

Изучая «лесенки» как своеобразный прием выделения и насыщения нужного в семантическом и эмоциональном отношениях языкового знака, можно составить представление о существующих внутри них типах переноса — *rejet*, *contre-rejet* и *double-rejet*. Наиболее динамичной формой, способствующей созданию необходимого эффекта, является слоговой перенос при «лесенках». Чем теснее связь этого переноса с задачами метрическими, ритмическими, рифмо-, смысло- и стилиобразующими, тем эффективнее его использование. Оно стимулирует развитие как семантической системы поэтической речи, так и системы ее изобразительных средств.

Сущность строфического переноса состоит в том, что один из компонентов синтагмы (чаще всего это рема высказывания) переносится в смежную строку двух соседних строф. В узбекской поэтической традиции строфический перенос стал применяться сравнительно недавно. Ср.:

Қизидию ажал бозори
Утиб кетди нарига уруш
Яраланган жангчининг зори —
Орта қолди, ғарб томон юриш —

* * *

Бошланди, тез, бўрон сингари,
Тутин, олов, қор туманидан.

(Уйғун)

‘Раскалится базар смерти. И сражение отошло вдаль. Рыданье раненого бойца — осталось позади. Начался быстро поход на запад, словно буря в тумане дыма, пожара, снега’.

Среди всех разрядов enjambement строфический перенос встречается довольно редко и представлен в основном разрывом подлежащего и сказуемого. При enjambement обычно выделяются обе части синтагмы — одна в рифме, другая в начальной позиции, считающейся, как правило, сильной, а также межстрочной паузой. Последняя усиливает интонационную завершенность строк, синтаксическую и смысловую автономность слов, позволяет адресату додумывать в процессе восприятия поэтического текста. Понятно в связи с этим функциональное назначение стихового переноса — достижение напряженности мысли, впечатления динамизма описываемого события. Чем больше в стихе всевозмож-

ных типов enjambement, тем непосредственнее речь. «Вообще, перенос есть явление „говорного” стиха и развивается в эпоху освобождения поэзии от музыки» [9. С. 159].

Анализ многочисленных примеров с точки зрения представления в них enjambement, а также данные, имеющиеся в соответствующей литературе, показывают, что стиховой перенос возник как реакция на преодоление поэтического шаблона, на восполнение не достающих в языке фонетических, лексических, грамматических и стилистических средств выражения чувств, мысли, переживания, как прием выразительного оформления речи, создания подтекста.

Использование enjambement выявляет известный парадокс, состоящий в том, что цель его применения оказывается обратной его же далекой (главной) задачей: стремясь к обособлению, разрозненные предложения благодаря переносу образуют смежные синтаксические целые. Даже в тех случаях, когда две языковые единицы обнаруживают известную несовместимость, они посредством enjambement объединяются в поле одной поэтической семантики. Здесь решающую роль играют рядоположенность предложений и соответствующая интонация между ними, что обуславливает появление внутренней связи (отличной от общезыковых типов связи), реализуемой в силу действия закона о единстве и тесноте стихового ряда (Ю. Тынянов). Такая связь (переносная?) не нивелирует, а, скорее, усиливает все другие виды синтаксической связи, способствует предельной их актуализации и динамизации. В этом и проявляется текстообразующая функция стихового переноса.

Интенсивное развитие enjambement как поэтического приема объясняется не только тем, что он лучше обращает естественный ритм, вызывая в сознании адресата живые образы действительности, но и тем, что он резко выделяется на фоне стандартного (чаще монотонного) стиха. Необычный эффект стихового переноса связан, таким образом, с контрастом между традиционной и «разорванной» структурой строк. «Искусство живет на основе сплетения и противопоставления своих традиций, развивая и видоизменяя их по принципам контраста, пародирования, смещения, сдвига» [7. С. 55].

Итак, основные функции enjambement сводятся к следующему: стиховой перенос начинается с деформации (вернее, развития) структуры строки, противоположной канонизованному метрико-ритмическому членению, подчиняя ее законам логики (отсюда в стихах «говорных» широкое возможности актуального членения); вводит в стихи разговорный оттенок, выступая тем самым важным средством демократизации поэзии; передает взволнованную речь, наделяя стихи большей эмоциональной силой; позволяет расширить ритмо- и рифмотворческие возможности поэзии как творческого процесса (следовательно, enjambement— явление не только структурно-семантическое, но и собственно стиховое, в частности рифмотворческое. Последняя функция позволяет усмотреть в стиховом переносе синтаксическую основу формирования рифмы и ее семантики); выполняет организующую и композиционную функции, теснее связывает (логически) составляющие стихи компоненты.

Значимость стихового переноса в современной поэзии, успешно одолеваяющей поэтические стандарты, настолько велика, что без него стихи воспринимаются семантически и эмоционально обыденно. В современной узбекской поэзии есть поэты, для которых использование enjambement является устойчивой индивидуально-стилистической чертой. Однако этот важный источник усиления смысловой и стилистической выразительности очень часто остается нереализованным.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Лобанова М. С. Синтаксическая характеристика стихового переноса: (на материале русской поэзии XVIII—первой половины XIX в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1981.

² Бадретдинова Л. Г. К проблеме стиховых переносов//Вопросы романо-германской филологии. М.: Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореца, 1971. Т. 5.

³ Она же. Некоторые лингвистические условия появления стиховых переносов//Там же, 1972.

⁴ Лузина Л. Г. Лингвистическая природа стихового переноса и его стилистические функции: (на материале английской поэзии XIX в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореца, 1972.

⁵ Поспелов Н. С. Синтаксис стихотворных произведений Пушкина. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

⁶ Энгельс Ф. Письмо Маргарет Гаркнесс//Маркс К., Энгельс Ф.//Соч. 2-е изд. Т. 37.

⁷ Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л.: Сов. писатель, 1969.

⁸ Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966.

⁹ Жирмунский В. М. Теория стиха. Л.: Сов. писатель, 1975.

НАСЛЕДИЕ

З. Б. МУХАМЕДОВА

О ПОСЛЕЛОГЕ *ОЗАЛ* В ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Установить, употребляли ли авторы литературных текстов послелог *озал/озол*, весьма затруднительно. Арабские أول *аввал* 'первый' и *эзел* 'от века, изначала' затмили живую форму, и если здесь произошла контаминация, то это случилось давно. В пользу такого предположения говорит произношение араб. *аввал* как [оwol] 'прежде, раньше'; эта форма наречия легко переходит в послелог *ондан овол* 'раньше того'; прежде него'. В свою очередь, *оwol* в живой речи, как правило, заменяется формой *озал* [озол]. М. Н. Хыдыров рассматривает *озал* в разряде служебных слов, обозначающих время [1. С. 23].

Форма послелога *озо* отмечена в алтайском языке: *озо* 'до, прежде' [2. С. 107]: *менең озо келди* 'Он пришел прежде меня' [2. С. 108]; в телеутском *озо* означает: 1) 'прежний; однажды, когда-то'; 2) 'прежде, раньше': *пайрамнаң озо* 'прежде праздника' [3. С. 1145]. Без пометы о языковой принадлежности В. В. Радлов приводит *озо* 'первый, начальный': *аштың озоы* 'начатки хлеба' [3. С. 1146]. Н. П. Дыренкова определяет *озо* как «наречие-послелог» со значением 'прежде' [4. С. 220]: *Олар үч айдаң озо барган* 'Он уехал три года (месяца? — З. М.) тому назад' [4. С. 220]. В алтайском же языке отмечена форма *озоло* 'идти вперед; уйти вперед; сделать раньше; перегнать' [3. С. 1146].

В уйгурском языке (таранчи) *оза* имеет значение 'прежде': в «Кутадгу билиг» — *ол камуктын оза* 'он прежде всех' [3. С. 1143—1144], в речи таранчей — еще и значение 'третьего года' [3. С. 1143—1144]. В языке барабинцев *озок* означает 'раньше', *озогы* в алтайском — 'прежний' [3. С. 1146].

Все это позволяет считать, что наречие-послелог *озо/оза* распространено в некоторых тюркских языках Сибири и в таком старописьменном языке, как уйгурский и его диалекты. Послелог *оза* является, видимо, деепричастной формой от глагола *оз-* 'опережать, обгонять, победить в состязании'.

Глагол *оз-* 'опережать' встречается уже в «Памятнике в честь Кюльтегина» (КТ. 47) [5. С. 405], наречие же *оза* отмечено в наманганском списке «Кутадгу билиг». С. Е. Малов переводит *оза келмиш* как 'пришедший раньше' [5. С. 405]. Весьма затруднительно объяснить аффикс *-ол/-ол* туркменского послелога,

Н. К. Дмитриев монгольские языки относит к «группе л», тюркские — к «группе ш» [6. С. 320]. Если принять во внимание ауслаутное *-ал/ /-ол*, то *озал/озол* можно было бы отнести к «монгольскому» элементу. Однако таких форм великое множество. Из приводимых Н. К. Дмитриевым *йыл* — *йааш* в туркменском языке употребляются обе формы с несколько дифференцированным значением: *йыл* 'год' (отрезок времени), *йааш* 'год' (измерение возраста).

Отметим также, что монгольскому аффиксу *-мал* в туркменском большей частью соответствует *-мач/ -меч*: *артык + мач* 'особенный, несравненный; хороший', но есть и случаи употребления аффикса *-мал*: *беземел* < *безе* - 'украшать; наряжать' + *мел* 'франт; щеголь, любитель нарядов' [7].

Что же касается *-ал/ -ол* в *озал/озол*, то аффикс этот можно сопоставить с аффиксами таких слов, как *гызыл* < *гыз* - 'разогреться, разгораться' + *ыл* - 'красный'; ср. парное словосочетание *гызыл-чызыл* 'красное, пестрое, всякого рода яркие и пестрые вещи', *яшыл* 'зеленый' < *йааш* 'зелень (например, лука)' + *ыл*: *өтел (ем бетер)* 'в особенности'; *гөзел* < *гөз + ел* 'красавица; видная'; ср. еще: *гөрелде* < *гөр + ел + де* 'добрый пример' [9]; с наращением добавочного аффикса от глагольных имен довольно много: *гечелге* < *геч* - 'проходить' + *ел + ге* 'проезд, проход (в горах)', *гачалга* < *гач* - 'сбежать' + *ал + га* 'лазейка; благовидный предлог'; *дуралга* < *дур* - 'останавливаться' + *ал + га* 'остановка'; *душелге* < *душ* - 'спешиваться, останавливаться' + *ел + ге* 'полевой стан; место привала'; *ганалга* [11] 'препятствие; препона'.

Сам аффикс *-л/ -ол/ -ал* и его небные варианты имеют, видимо, соответствие *ш/ж/ч*, например: *гөреч* 'зрачок' (от *гөр* - 'видеть'), *уруш* 'война', *сөвеш* 'битва', *гөреш* 'борьба', *ачыш* 'открытие' и т. п.

Итак, послелог-наречие *озал* восходит к глаголу *оз* - 'опережать', управляет исходным падежом имени и местоимения. Это один из многочисленных фактов языка, не вошедших в письменные памятники.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Хыдыров М. Н. Туркмен дилинде көмекчи сөзлер меселеси. Ашгабат, 1947.

² Грамматика алтайского языка. Казань, 1969.

³ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Спб., 1883. Т. 1.

⁴ Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М.; Л., 1940.

⁵ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.

⁶ Дмитриев Н. К. Соответствие *л/ш*//Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1955. Ч. 1: Фонетика.

⁷ Прав Н. К. Дмитриев, отмечая отсутствие в туркменском парного словосочетания *delik-deşik* [8. С. 321] и наличие *дешик-дешик*; но сама форма *делик* понятна и употребительна в туркменском; созвучное татарскому словосочетание *гаалак гачак* 'всякие остатки' восходит к *гаал* - 'остаться' и *гач* - 'выпасть, упасть; убежать'; в парном словосочетании наблюдается соответствие в инлауте *л/ш*: *бөөлек-бүчек* 'обрезки, лоскуты, отдельные разрозненные части чего-либо'.

⁸ Дмитриев Н. К. Долгие гласные в туркменском языке//Там же.

⁹ Э. В. Севортян, отметив в прошлом более тесные связи между фонетикой и лексикой, в частности подчеркивает: «К отдельным следам этих связей можно отнести такие факты, как *göz* 'глаз, глаза', *gög* - 'видеть'» [10. С. 9].

¹⁰ Севортян Э. В. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955.

¹¹ Корень этого глагола мы не беремся объяснить.

Ш. К. САТПАЕВА

**ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОЭТА.
О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ
ШАКАРИМА КУДАЙБЕРДИЕВА**

В последние годы в культуру едва ли не всех народов, населяющих нашу страну, возвращаются имена людей, чье творчество замалчивалось на протяжении целого ряда десятилетий. От подобного рода белых пятен не была свободна и история казахской литературы. Ликвидация этих лакун представляется не только восстановлением исторической памяти, но и актом справедливости, поступком, способствующим нравственному возрождению общества. Вот почему возвращение творческого наследия крупного поэта, прозаика, переводчика Шакарима Кудайбердиева (1858—1931) было воспринято общественностью республики как заметное событие в духовной жизни казахского народа.

Отец Шакарима Кудайберды был сыном степного правителя Кунанбая и старшим братом великого казахского поэта-мыслителя, основоположника казахского литературного языка и реалистической литературы Абая Кунанбаева. Сердечным взаимоотношениям Кудайберды и Абая посвящено несколько проникновенных страниц в романе М. О. Ауэзова «Путь Абая» [1. С. 325]. Кудайберды умер в возрасте 37 лет, и его осиротевшего семилетнего сына взял на воспитание Абай. Около сорока лет Шакарим прожил рядом с Абаем и испытал его сильное влияние. От природы одаренный, Шакарим получил домашнее образование, а в дальнейшем пополнял свои познания неутомимым чтением. Он успешно овладел арабским, персидским, турецким и русским языками, что дало ему возможность читать многочисленные исторические, философские, религиозные труды, сочинения классиков мировой литературы. Шакарим писал об этом так:

Смолоду я турецкий изучил не от скуки:
Потому что на турецкий переведены науки.
Я не знал в ученье лени—мне из тьмы сверкнуло солнце.
Стали мне понятны краски, запахи земли и звуки.
Пробудило меня рано поэтическое слово.
Понял я, в чем тайна мира, мироздания основа,
Через лирику Востока... Изучив прилежно русский,
Смысл с себя я, смысл я с сердца грязь невежества былого

[2. С. 300].

(Перевод *Вл. Цыбина*)

В предисловии к своему стихотворному переводу романа Пушкина «Дубровский» он называет сладкозвучными чародеями Байрона, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Хафиза, Навои, Физули [3. С. 411].

Шакарим живо интересовался историей западной философской мысли, идеями таких сложных мыслителей, как Огюст Конт и Артур Шопенгауэр; он размышлял над социальными вопросами своего времени, мечтал о справедливом устройстве жизни — без насилия власть имущих, свирепого эгоизма и косности. Шакарим избрал нелегкий путь искателя истины, он был одержим жаждой познания нового. С этой целью он в 1903 г. стал членом Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского императорского географического общества, в поисках новых знаний и впечатлений совершил путешествие в Турцию, и даже паломничество в Мекку имело для него не только религиозный, но и познавательный смысл. Как писал Шакарим в автобиографической поэме «Жизнь забытого», он приобретал различные книги и, относясь ко всему критически, отвергал ложь, несовместимую с разумом.

В молодости Шакарим служил в волостном управлении, он стремился быть честным чиновником, отстаивающим справедливость в бесконечных тяжбах и столкновениях между богачами и бедняками, верил, что, неукоснительно соблюдая закон, можно добиться улучшения общества. Но корни социальной несправедливости были глубокими, росло и разочарование Шакарима, вскоре удалившегося от дел. В поэме «Жизнь забытого» он писал, что годы, потраченные на административную деятельность, прошли зря, оставив в душе горькую неудовлетворенность. Но, с другой стороны, служба многое дала Шакариму для понимания психологии народа и в первую очередь — неимущих слоев; он глубже всматривается теперь в реальную действительность, хотя избегает прямого участия в ее процессах.

Лишь к сорока годам Ш. Кудайбердиев решил всерьез заняться поэзией и по совету своего наставника Абая сочиняет стихи и поэмы, выдержанные в духе гуманистического просветительства. Смерть Абая потрясла Шакарима. Стихотворение, написанное им в память об учителе, исполнено душевной теплоты, раздумий о взаимоотношениях поэта и общества. Теперь Шакарим видит смысл своей жизни в служении народу с помощью художественного слова, в углублении собственных познаний, в нравственном самосовершенствовании. Шакарим круто меняет свой образ жизни, он сторонится людей, житейской суеты и тревожностей и в конце концов уходит в Чингисские горы, где ведет одинокую и сосредоточенную жизнь поэта и мыслителя. Духовный авторитет его в народе заметно возрастает.

Последний период жизни Шакарима совпал с грандиозными историческими событиями — революцией 1905—1907 гг., столыпинской реакцией, первой мировой войной, национально-освободительным движением 1916 г. в Казахстане, февральской и Октябрьской революциями, гражданской войной, установлением Советской власти, коллективизацией.

Приходит конец и добровольному отшельничеству поэта. Он должен был как-то определиться, найти себя в истории, перемалывавшей в своих жерновах целые страны и народы, отыскать верные ориентиры. Шакарим искал социальную истину, порой ошибался, и тогда его имя использовали те, кто, по сути дела, были далеки от идей гуманистического устройства жизни, но в поисках своих поэт был неизменно искренним. В конце 20-х—начале 30-х годов, когда сталинский режим сформировался и окреп, а коллективизация пришла также и в Казахстан, под подозрением оказалось и все значительное и самобытное в духовной жизни народа. Шакариму все труднее становилось писать в новых условиях, когда приходилось соизмерять слово не с велениями души, но с

директивными установками. Он вновь решает уйти в горы, но на этот раз задуманному не суждено было осуществиться. Работники ГПУ, подозревая старого поэта в связях с бандой, арестовали его, затем, правда, отпустили, поскольку никаких улик против него не было, однако спустя несколько дней, 2 октября 1931 г., Шакарим Кудайбердиев был убит. В свое оправдание убийцы сострипали донесение, в котором говорилось, что Ш. Кудайбердиев возглавлял бандитское формирование и погиб в перестрелке с властями. Таким образом, поэт был не только убит, но и гнусно оболган.

Прокуратура СССР решением от 29 октября 1958 г. реабилитировала Шакарима за отсутствием состава преступления. Но продолжался запрет на творчество поэта, обвинявшегося в «буржуазном национализме» и прочих грехах. Народ по-прежнему хранил в своей памяти произведение поэта; пересмотра официального отношения к творчеству Ш. Кудайбердиева требовала казахская интеллигенция. 28 декабря 1987 г. решением бюро ЦК Компартии Казахстана была создана комиссия по изучению творческого наследия Ш. Кудайбердиева, в результате чего стало возможным возвращение поэта народу.

Шакарим Кудайбердиев был автором многочисленных стихотворений, поэм, повестей, переводов. При жизни поэта был опубликован сборник стихов «Зеркало казахов» (1912), много его стихов сохранилось в рукописном виде и в памяти народа. Шакарим писал сюжетные романтические поэмы «Қалқаман-Мамыр», «Энлик-Кебек» (обе изданы в 1912 г.), «Нартайлак-Айсулу»; он создал роман «Адил-Мария» и несколько рассказов на нравственные темы. Ш. Кудайбердиев писал трактаты по истории и религии казахов — «Турк, қырғыз, қазақ һәм ханлар шежіресі» («Родословная турок, киргизов, казахов и ханов»), «Мусулман шарты» («Мусульманство»), изданы в 1911—1912 гг. в Оренбурге. В его исторических, философских и публицистических трудах затрагиваются многие проблемы общественной и культурной жизни.

Мировоззрение Ш. Кудайбердиева сложно и противоречиво, но, поскольку Шакарим не останавливался в своих духовных поисках, в том числе и в религиозных исканиях: ислам поэт трактовал с гуманистических позиций, он стремился акцентировать внимание своих читателей на нравственной основе религиозных идей.

Шакарим был горячим поклонником и русской классической литературы; он перевел на казахский язык, причем в стихотворной форме, прозаические произведения «Дубровский», «Метель» А. С. Пушкина и ряд рассказов Л. Н. Толстого; он посвятил Пушкину, Лермонтову, Толстому свои проникновенные лирические стихи. Шакаримом был переведен на казахский язык роман «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу.

В художественных произведениях и переводах Ш. Кудайбердиев стоял на позициях просветительского гуманизма и внес своим творчеством значительный вклад в развитие казахской литературы конца XIX—начала XX в.

Лирика Ш. Кудайбердиева отличается необыкновенной широтой диапазона. В ранних стихотворениях поэт воспевал любовь, женскую красоту, молодость, природу. В зрелые годы он обращается к проблемам социальным. Названия некоторых его стихотворений дают известное представление об их содержании, нередко просветительском: «Дүние мен өмір» («Вселенная и жизнь»), «Ей, көп халық» («О, многочисленный народ»), «Адамшылық» («Человечность»), «Анық пен танық» («Правда и кривда»), «Жастық туралы» («Молодость»), «Қарилық туралы» («О старости»), «Ашу мен сын» («В порыве гнева»), «Шаруа

творческого наследия. В ранних произведениях Шакарима «Калкаман-Мамыр» и «Энлик-Кебек» разрабатывается тема трагической судьбы влюбленных в патриархально-родовом казахском обществе. Весьма характерно и то, что поэт изображает не далекую старину, а недавнее прошлое, т. е. в основе его произведений лежит реальная действительность.

Поэма «Калкаман-Мамыр» с фабульной точки зрения проста. Юноша Калкаман из бедной семьи любит красавицу Мамыр, она отвечает ему взаимностью, оба свободны, но родственники девушки против такого союза, они препятствуют соединению юных влюбленных, которым всецело сочувствует автор.

В поэме «Энлик-Кебек» события развиваются на фоне вражды двух родов (Наймана и Тобыкты), к которым принадлежат герои. Перед нами, таким образом, устойчивый мотив мировой литературы. В произведении ярко обрисованы характеры главных персонажей, причем впервые в казахской литературе женщина открыто заявляет о своем праве на счастье и борется за свою свободу. Энлик смело бросает вызов старым обычаям и гибнет в неравной борьбе. Образ Энлик свидетельствовал о новых веяниях в казахской литературе конца XIX столетия. Автор возвысил голос против несправедливости, жестокости, умертвляющих живую жизнь феодально-патриархальных установлений. Стройность композиции, образность языка, новизна обрисовки характеров главных героев — все это делает поэму «Энлик-Кебек» ярким явлением дореволюционной казахской литературы. Трагической судьбе влюбленных посвящены также такие произведения Шакарима, как поэма «Нартайлак-Айсулу» и повесть «Адил-Мария».

Немало сил отдал Ш. Кудайбердиев переводческой работе, в круг его интересов входили классические произведения восточных и западных литератур.

Шакариму Кудайбердиеву принадлежат казахские переводы нескольких газелей Хафиза. Имя Хафиза издавна было почитаемо образованными казахами. Творчеством великого персидского лирика восхищался первый казахский ученый Ч. Валиханов [4. С. 406, 422], Абай Кунанбаев назвал Хафиза в числе великих восточных поэтов, наряду с Фирдоуси, Сайхали, Шамси, Саади, Физули, Навои, которые вдохновляли его творчество [5. С. 28].

В предисловии к своему поэтическому переложению «Дубровского» Шакарим Кудайбердиев, размышляя о силе и величии художественного слова, упоминает в кругу избранных гениев и Хафиза:

БІрак ондай бек жүйрІк, тым тэтті тіл
Неше мыннан біреуге бітеді тіл.
Анда-санда біреуді азар берген,
Бурынғы өткен есепсіз бұлдыр көп жыл.

Айжан сөзі ауруга ем, жанға қумар,
Тауып айтқыш тэтті тіл сайраушылар,
Байрон, Пушкин, Лермонтов, Некрасов,
Кожа Хафиз, Науои, Физули бар [3. С. 411].

В предисловии к публикации одной из газелей Хафиза в своем переводе на страницах журнала «Абай» (1918. № 3) Шакарим Кудайбердиев писал: «В давнее время у персидского народа был мудрец, суфий и поэт Кожа Хафиз. Чтобы познакомить казахскую ищущую молодежь с сутью и словами этого человека, я перевел нижеследующие стихи».

В своих переводах газелей Хафиза Шакарим стремится передать свободолобивый дух поэзии персидского классика, пронизывающую ее радость бытия, ее противостояние всему, что сковывает и ограничивает чувства человека. Шакарим был озабочен, скорее, тем, чтобы передать дух оригинала, нежели букву, вот почему в переводах его встречается немало вольностей (нужно учесть также и общую неразработанность переводческих принципов в казахской литературе того времени). В результате читатель получал импровизацию на тему подлинника, и хорошо, если импровизация эта была талантливой и позволяла ощутить атмосферу оригинального произведения. Так, слово «шейх» (суфийский духовный наставник) Шакарим передает привычным для казахов словом *пiр*, употреблявшимся также в значении образца нравственных добродетелей и, надо сказать, не лишенным в переводе некоторых юмористических обертон. Шакарим полагал также необязательным упоминание поэтического имени автора (тахаллус), отказался он и от традиционной для газели системы рифмовки, заменив ее привычной казахам (а б а б), не сохранил и рифф.

Для того, чтобы лучше понять особенности переложений Шакарима, сравним их с переводом Хафиза на русский язык:

Вчера из мечети вышел наш шейх — и попал в погребок,
Друзья мои, суфии! Нам-то какой же в этом урок?
Лицом повернуться ль к Каабе нам, мюридам простым,
Когда наш почтенный учитель прямо глядит в кабачок? [б. С. 373].

(Перевод Е. Дунаевского)

В переводе Шакарима это выглядит так:

Кешегі басшы пiрiмiз
Мешiттен кеттi кабакка.
Муридтер, қалай журемiз,
Тусемiз жандай сабаққа?
Пiрдiн бетi қарайды,
Есек қора жағына.
Бiздiкi неге жарайды,
Қубылага бақсақ тағы да [з. С. 407].

«Кааба» — храм в Мекке, в стену которого вделан «Черный камень», — важнейшая мусульманская святыня; у казахов часто употребляется слово «кубыла» — кыбла — сторона, куда мусульмане обращаются лицом при молении, имеющая своим ориентиром Мекку. У Шакарима это слово — в переносном смысле.

Кудрей твоих коснулся, и мир почернел передо мной —
Вот прибыль одна, что из мрака кудрей я любимых извлек.
Стрелю стенаний пронзаю я небо — замолчки, Хафиз!
Щади свою бедную душу: убьет тебя этот стрелок! [б. С. 374].

Шакарим:

Кекiлiндi жел қозғап,
Жарық күнiм болды тун.
Зарлағанда сенi ойлап,
Бар пайдам сол, сөзiм шын.
Бiздiн улы, оқ, бiлiнiз,
Көктi көктеп өтпесiн.
Жанына рахым қылыңыз
Сiзге тiп кетпесiн [з. С. 408].

Шакарим знал персидский язык, переводил он, видимо, с оригинала.

Отметим, что просветительскому мировосприятию казахского поэта импонировала дидактическая нравственная нацеленность некоторых газетей Хафиза, которую он стремился передать в своих переводах.

Опыт Шакарима был воспринят последующей казахской поэзией. В дальнейшем газели Хафиза переводились поэтами Т. Молдагалиевым и А. Жамишевым [7. С. 176].

В истории обогащения казахской национальной культуры и литературы образами классической поэзии Востока исключительно большое значение имел вольный перевод Шакаримом поэмы Физули «Лейли и Меджнун», написанной на один из самых трагически-прекрасных и любимых на Востоке сюжетов. Переложение Шакарима, вернее, созданный им дастан, датируется 1907 г., но опубликовано произведение было позднее, в нескольких номерах издававшегося в Ташкенте журнала «Шолпан» за 1922—1923 гг. [8. С. 85—105, 102—120, 144—162].

Публикация дастана «Лейли-Межнун» сопровождалась кратким редакционным предисловием, в котором отмечались исключительная значимость для восточной, но также и мировой литературы предания о Лейли и Меджнуне, послужившего основой для целого ряда совершенных художественных произведений; к числу их относится и поэма Физули, — именно ее вольный перевод на казахский язык известным мастером Ш. Кудайбердиевым и предлагался вниманию читателей. Дастан Шакарима «Лейли-Межнун» насчитывает около 1700 стихотворных строк без каких бы то ни было прозаических вставок. Отдельной книгой он был издан в 1934 г. с предисловием поэта-революционера, классика казахской советской литературы Сакена Сейфуллина.

Легенда о Лейли и Меджнуне была распространена и у казахов, причем сперва сюжет ее излагался в прозаической форме, а затем стали появляться вольные стихотворные переложения [9. С. 188—190]. Имена трагических и идеальных влюбленных нередко упоминались казахскими поэтами; встречаются они, например, у Ахан-сере Қорамсина:

Будем же верными, словно Лейли и Межнун,
В сердцах его сбережем...

Она говорила... [2. С. 186].

(Перевод А. Коренева)

Созданный в традициях «назира» дастан «Лейли-Межнун» Шакарима, по сути дела, представляет собой оригинальное произведение, исполненное обаяния, подлинного лирического чувства. В нем встречаются изящные психологические характеристики, общая атмосфера дастана романтична, возвышенна, красива. Ш. Кудайбердиев был горячим поклонником и русской классической литературы.

Огромна заслуга поэта в популяризации творчества Пушкина в Казахстане. Шакариму с юности было знакомо имя Пушкина, он узнал о нем от Абая Кунанбаева, который впервые перевел некоторые фрагменты из «Евгения Онегина» и даже положил их на музыку. Продолжая эту благородную традицию, Шакарим осуществил поэтические переводы романа «Дубровский» и повести «Метель», опубликованные в середине 20-х годов.

Перевод прозаических произведений стихами — довольно распространенное в Казахстане явление, вызванное к жизни богатейшими многовековыми поэтическими традициями казахского народа.

Бережно относясь к содержанию и своего рода идейной поэтике пушкинского произведения, Шакарим считал возможным ввести в ткань

своего переложения романа казахские реалии. Законы стихотворной формы отличны от тех, которым подчиняются прозаические тексты, поэтому естественно, что и в структурном, композиционном отношении переложение Шакарима далеко не всегда совпадает с оригиналом: так, например, в казахском тексте отсутствует присущее «Дубровскому» разделение на главы, повествование предваряется большим авторским стихотворным вступлением и т. д.

Интересно, что пушкинский роман, поэтически транспонированный Шакаримом с учетом традиционных эстетических пристрастий казахской аудитории, оказался в какой-то мере близким к исконным образцам казахского словесного искусства, в частности к эпосу «Козы-Корпеш и Баян-сулу». Во всяком случае, конфликт, положенный в основу «Дубровского», казахской аудитории был близок и понятен, ведь она помнила Карабая и Сарыбая из эпоса, столь несходных, подобно Троекурову и Дубровскому, по своему имущественному положению и свойствам характера, помнила о том, что у одного из них был сын, а у другого — дочь, которые полюбили друг друга, несмотря на резкую ссору родителей.

Пушкинский роман начинается так: «Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил старинный русский барин, Кирила Петрович Троекуров» [10. С. 315]. А вот как это звучит в переводе:

Жер айналмай турмайды дуние жай,
Келер, кетер адамзат Із калдырмай
Сол өткен көп заманның бір кезінде
Болыпты Троекуров деген бір бай [3. С. 412].

Троекурова, богатого и властного помещика-крепостника, Ш. Кудайбердиев называет «баем». Сохранено в казахском переложении название села Троекурова — Покровское.

Шакарим пишет: «жазылган құлы болып мужыктар» — т. е. «записано рабами множество мужиков»; пушкинский пассаж «губернские чиновники трепетали при его имени... дом его всегда был полон гостями, готовыми тешить его барскую жизнь» [10. С. 315] передан в переводе точно, но с добавлением сравнений и эпитетов («соңынан итше ереді ұлығы ол заманның акша құмар» [3. С. 413], отражающих отрицательное отношение переводчика к «губернским чиновникам».

«Дубровский»: «В домашнем быту Кирила Петрович выказал все пороки человека необразованного. Избалованный всем, что только окружало его, он привык давать полную волю всем порывам своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума» [10. С. 315].

Переложение:

Надандау Троекуров ғылымға олақ
Суйтсе дағы қадірі елге мол-ак,
Суйек кайда көп болса, ит сонда—деп,
Уйінен үзілмейді мың сан қонақ [3. С. 414].

Употребляя выражение «где кости, там и собаки» или сравнение — «соңынан итше ереді» — «ходят за ним, как собаки», Ш. Кудайбердиев как бы возлагает на них функцию перехода к изображению псарни, «где более пятисот гончих и борзых жили в довольстве и тепле, прославляя щедрость Кирила Петровича на своем собачьем языке. Тут же находился и лазарет для больных собак, под присмотром штаб-лекаря

Тимошки, и отделение, где благородные суки ощенялись и кормили своих щенят. Кирила Петрович гордился сим прекрасным заведением и никогда не упустил случая похвастаться оным перед своими гостями, из коих каждый осматривал его по крайней мере уже в двадцатый раз» [10. С. 317]. Отметим, что Шакарим стремится не просто к добросовестной передаче информации, заключенной в процитированном пушкинском фрагменте, но и к воссозданию саркастической интонации, что в принципе, несмотря на некоторые неизбежные издержки, ему удается:

Аңға құмар жан екен жасынан бай,
 Қалың орман, шын тау бар, аңы да сай.
 Бес жуз итІ бар екен эр тұқымнан,
 Аң құмарлар қоя ма ит асырамай.
 Сол көп ит бір қаладай сарайда екен,
 Ит дәрігері — Темушка қарайды екен.
 Эр итІң жататуган уйІ бөлек,
 Тамақ жеп орны — орына тарайды екен.
 Бай өзіне тең көрмес жердІң жузІң,
 ИтІнен — ақ білдІң ғой байлық Ізің.
 ЭкелІп француздан бір молда қыз,
 Оқыты Мария деген жалғыз қызың.
 Бай озІ оқымаған надан екен,
 Такаббар, мактан суйгіш адам екен.
 «Малы көпке пәле жоқ» деп ойлайтын,
 Зорлықшыл, өр мінездІ, жаман екен [3. С. 143].

Разумеется, основополагающие принципы пушкинского реализма, окончательно сложившиеся ко времени написания «Дубровского», пушкинское искусство пластического живописания, строгая и точная образность, изящество обобщений и индивидуальных характеристик, дополняющих друг друга и по сути своей нераздельных, особый пушкинский стилистический блеск, — все это далеко не в полной мере сохранено в поэтическом переложении казахского поэта, фактически создавшего самостоятельное произведение на классический мотив. Шакарим создал казахский поэтический текст, проникнутый любовью к оригиналу, но прежде всего ориентированный на эстетические вкусы и потребности казахской аудитории. И это ничуть не снижает исторического значения вольного перевода Ш. Кудайбердиева, да и его художественной привлекательности, которую вполне способен ощутить и современный читатель.

Шакарим был большим поклонником творчества Л. Н. Толстого, он посвящал русскому классику свои стихотворения, переводил и публиковал в казахских журналах и газетах некоторые его рассказы. Еще при жизни Толстого Шакариму было понятно мировое значение творчества яснополянского мудреца, и он всячески стремился популяризировать его имя и сочинения у себя на родине.

Заметим, что к тому времени казахской общественной мыслью и литературой уже был накоплен некоторый опыт освоения творчества Льва Толстого. Традицию эту, как и многие другие, заложил Абай Кунанбаев, который еще при жизни Толстого посвятил ему стихотворные строки и поставил его имя в пример казахской мыслящей молодежи [11. С. 74].

Примечательно и тот факт, что также еще при жизни Л. Н. Толстого его произведения начали распространяться в переводах на казахский

язык, — появление первых переводческих опытов относится к концу 70-х годов прошлого столетия. Укрепившиеся к тому времени связи с литературами других народов, интенсивно развивающееся демократическое, просветительское направление в казахской письменной литературе и обусловили обращение ее крупных представителей к творчеству великого писателя. Так, ряд рассказов русского классика («Китайская царевна Силянчи», «Царь и рубашка», «Праведный судья», «Визирь Абдулл», «Три вора», «Пожарные собаки») перевел замечательный казахский просветитель, поэт, прозаик, переводчик Ибрай Алтынсарин. Выбор образцов толстовского творчества был продиктован нравственно-педагогическими целями. Написанные на основе восточных преданий и сказок, переведенные Алтынсаринем рассказы легко усваивались детьми (рассказы были включены в «Казахскую хрестоматию») благодаря своей четко выраженной моральной идее, открытому дидактическому пафосу. Можно сказать, что произведения Толстого сыграли свою роль в деле казахского просвещения.

Среди многочисленных корреспондентов Толстого были и представители Казахстана. Полученные из разных районов обширной казахской степи письма писатель прочитывал, о чем говорят его пометки на конвертах. Эти письма, бережно сохраняемые в архивах и упомянутые в полном собрании сочинений писателя, дороги тем, что в них отражено стремление мыслящей казахской молодежи понять творчество писателя и популяризовать его на родном языке [12. С. 164].

Интересна история одного стихотворения Ш. Кудайбердиева, посвященного Толстому. Когда в 1901 г. Святейший синод отлучил Толстого от церкви, в далеком от Ясной Поляны Казахстане Шакарим слагает трогательные строки в поддержку великого еретика: «всей душой он возлюбил справедливости дорогу, он владелец дум глубоких — кинул смелый вызов богу», «духовенство все не стоит и мизинца Льва Толстого», «ученик я Льва Толстого». Имя русского классика упоминается и в других стихотворениях Шакарима, преклонявшегося перед бескомпромиссностью писателя в отстаивании гуманистических идеалов.

Эти благородные идеалы одушевляли и творчество самого Шакарима Кудайбердиева, верившего в силу поэтического слова, в способность его преображать человеческую душу и противостоять неостановимому потоку времени. Слово поэта преодолело десятилетия насильственного отторжения и забвения, и нынешнему поколению читателей предстает вновь прислушаться к нему:

Любовь пусть возродится вновь
 Из той души, что мне мила,
 На всей земле, омытой кровью,
 Чтоб Правда вечною была.
 Пусть духов страсти воля злая
 Ничем влюбленным не вредит,
 И Правда мир, достойный рая,
 От черной крови охранит!
 ...Но разве я не настоящий царь?
 Мои войска — ряды стихов моих.
 Стихи бессмертны и теперь, как встарь,
 И все переживет правдивый стих.
 ...Своим потомкам стих я передам —
 Одним на радость и на смех другим.

Хоть не придется повстречаться нам,
Пусть знают, как я скорбью был томим [2. С. 313].

(Перевод *Вс. Рождественского*)

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ Ауэзов М. Собрания сочинений: В 5 т. М., 1974. Т. 2.
- ² Поэты Казахстана. Л., 1973.
- ³ Шәкәрім. Шығармалары. Алматы, 1988.
- ⁴ Валиханов Ч. Ч. Сочинения: В 5 т. Алма-Ата, 1961. Т. 1.
- ⁵ Кунанбаев Абай. Стихи и поэмы. Алма-Ата, 1977. Каз.
- ⁶ Ирано-таджикская поэзия. М., 1977.
- ⁷ Шығыс жұлдыздары. Алматы, 1973.
- ⁸ Шолпан. 1922. № 2—3, 4—5; 1923. № 6—7.
- ⁹ Научное описание казахских рукописей. Алма-Ата, 1979. Т. 2. Каз.
- ¹⁰ Пушкин А. С. Сочинения: В 3 т. М., 1954. Т. 3.
- ¹¹ Кунанбаев А. Полное собрание сочинений: В 2 т. Алма-Ата, 1977. Т. 1.
- ¹² Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. М., 1956. Т. 78.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Ж. М. ГУЗЕЕВ

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРМИНОВ В ЭНЦИКЛОПЕДИЯХ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Возрастание роли науки и техники в жизни общества в настоящее время повышает удельный вес терминов в различных словарях, что делает проблему определения их значений особенно актуальной.

Спор о том, должна ли быть разница в семантической характеристике терминов, включаемых в филологические, специальные словари и энциклопедии, ведется издавна. Если говорить о доступности определений, то в этом смысле филологические словари и энциклопедии, по существу, не отличаются друг от друга. Энциклопедии адресуются самому широкому кругу читателей, поэтому реалии и понятия в них, как и в филологических словарях, разъясняются общедоступным языком.

Филологические и энциклопедические определения различаются между собой главным образом количеством используемых реальных сведений. В филологическом словаре нет необходимости перечислять все признаки предмета, как это делается в энциклопедиях. Надо указывать лишь основные из них — более существенные с лингвистической точки зрения. Этих признаков предмета, составляющих лексическое значение слова, вполне достаточно «для его опознания и для правильного употребления его имени» [1. С. 19]. Однако в основе определений типа «род кустарника», «деталь машины», предложенных Л. В. Щербой, нет признаков, которые позволили бы отличить одно растение от другого, одну деталь машины от другой и т. д. «Отличительные признаки должны наличествовать в толковании каждого специального термина. Иначе толкование теряет всякий смысл, его можно было бы с успехом заменить такой отсылкой, как „в металлургии“, „в зоологии“, „в горном деле“ и т. п.» [2. С. 126].

Установить, какие признаки у предмета существенные, а какие не очень, часто бывает довольно трудно. Для филологического словаря наиболее важны культурные коннотации (созначения). Следовательно, в него следует включать «...элементы описания культуры (в широком смысле), элементы страноведческих знаний» [3. С. 143]. Например, при определении значений слов «аккордеон» и «баян» в толковых словарях русского языка, а вслед за ними и тюркских не указано, что эти музыкальные инструменты используются разными группами населения, т. е. определение получилось неполным. Что касается энциклопедического словаря, то для него эти значения менее существенны.

При формулировке значений социальных, философских и общественно-политических терминов следует учитывать соответствующие им идеологические, моральные и политические представления. Недаром самым важным для определения термина является «компонент, связанный с отражением уровня специального значения» [4. С. 252].

В энциклопедической статье помимо значения приводятся краткое описание реалии или понятия, сведения исторического или технического характера, основные данные о сообщаемом предмете и т. д., в словарной—переносные значения термина, устаревшее, если оно имеется, и т. п. Сравним, к примеру, определение адониса в тюркских толковых словарях и в «Большой Советской Энциклопедии» (БСЭ. 3-е изд.). В «Словаре туркменского языка» (СТЯ): «многолетнее лекарственное растение»; в «Толковом словаре татарского языка»—«ядовитое травянистое растение, большей частью с желтыми цветками»; в БСЭ—«род одно- или многолетних травянистых растений сем. лютиковых. Листья сильно рассеченные. Цветки одиночные, крупные».

Как видно, в филологическом словаре отсутствует указание на семейство, форму листьев и цветков растений, а также на размер последних, т. е. определение более узкое, чем в энциклопедии, — в нем не указываются семантические признаки описываемой реалии, не существенные с точки зрения лингвистики.

Однако у многих слов семантические признаки существенны лишь с этой точки зрения. Например, слово «макулатура» в татарском языке употребляется в значении не только «испорченной при печатании или использованной печатной бумаги, снова идущей на переработку», но и «литературного произведения самого низкого качества», а карачаево-балкарское «гашиперт» кроме как «хороший косарь» (букв.: «тот, кто в день скашивает гектар») означает еще и «тот, кто не умеет косить или не справляется с нормой кошения». Таким образом, в филологическом словаре определение терминов шире, чем в энциклопедическом, ибо помимо научного оно дает обиходное представление о предмете. Что же касается популярности определения понятия, выражаемого термином, то основное, номинативное, определение в этих типах словарей должно совпадать [5. С. 8].

Некоторые исследователи утверждают, что термины, отобранные в филологический словарь, «должны описываться в нем так же, как они были бы описаны в специальном словаре» [6. С. 40]. Однако с ними вряд ли можно согласиться, ибо в таком случае словарем не смогут пользоваться неспециалисты, а ведь толковый словарь предназначается для читателей со средним образованием.

Термины в толковых словарях должны определяться филологическим способом, т. е. в том значении, в каком они фактически используются в общем языке [7. С. 226]. Иначе говоря, определение термина нужно «перевести» на общелитературный язык. Определение, взятое из энциклопедии или специального словаря, обычно нуждается в сокращении. Умелое сокращение, не касающееся научной сущности термина, — задача довольно трудная и не всегда толковые словари с ней справляются.

Так, термин «дизель» в «Словаре иностранных слов» (7-е изд.) определяется следующим образом: «двигатель с самовоспламенением — двигателя внутреннего сгорания, работающий на жидком топливе». В СТЯ после сокращения он дан как «двигатель внутреннего сгорания». Однако такое определение неполностью передает научную сущность данного термина, ибо в нем не указано, что этот двигатель работает на жидком топливе. Термину «ящур» в БСЭ дано такое определение:

«острое вирусное заболевание парнокопытных животных и человека». Осуществляя внутренний «перевод» данного определения, составители толковых словарей татарского, киргизского (см.: «шарп») и казахского (см.: «аусыл») языков слово «человеска» посчитали лишним, в результате чего смысл термина оказался искаженным.

Лингвисты признают, что в плане дефиниции терминов филологические и специальные словари сходятся [8. С. 27], т. е. они одинаково: 1) подходят к отбору признаков понятия, необходимых и достаточных для его научной репрезентации и 2) отражают в определениях терминов системные связи, хотя, в отличие от специальных словарей, в словарях филологических определение термина несколько упрощено. Однако словесное различие не должно снижать научного уровня определения термина.

В то же время в филологических словарях при семантической характеристике терминов нельзя ограничиваться только научным понятием; необходимо также учитывать все их свойства как языкового знака (многозначность, тип значения и т. п.), отнесенность к предмету, явление и способ представления предмета; так как «эти моменты при описании термина как элемента лексико-семантической системы имеют решающее значение» [4]. Введение в определение термина в этих словарях элементов смысла вполне закономерно и оправданно. Особенно это касается общественно-политических терминов, так как здесь необходимо не только отличить то или иное общественное явление от других явлений, но и выявить наиболее существенные из отличительных свойств.

В толковых словарях, в том числе и тюркских языков, немало примеров, когда указывается на использование предмета, сферу распространения явления, место произрастания растения, обитания животного и т. п., т. е. вводятся элементы энциклопедизма. Но этот энциклопедизм необходим, ибо без него читатель не получит полного представления о предмете и явлении.

Из сказанного следует, что лексикографы должны «бороться» не с энциклопедизмом вообще, а только с «излишним» [9. С. 149]. К сожалению, в некоторых тюркских словарях, даже неполных, «излишний» энциклопедизм имеет место при раскрытии значений не только терминов, но и нетерминов, например: *köz* 1 'глаз' — орган зрения людей, животных, всех живых существ, всего живого (Толковый словарь каракалпакского языка); *қундыз* 'бобер' — животное с ценным мехом, ведущее водный образ жизни, длина тела вместе с хвостом 120 см, вес 7—10 кг (Толковый словарь казахского языка: В 10 т.).

В первом случае излишне все, кроме выражения «орган зрения», во втором — указание размера тела и веса бобра. Тем не менее слово *қундыз* не получило достаточной семантической характеристики: не указано, что бобер грызун, что он может жить и на суше.

В заключение следует отметить, что критерии допустимости энциклопедического подхода при раскрытии значений терминов в филологическом словаре и объем этой допустимости не установлены. И вряд ли их можно установить. Поэтому к определению значений терминов в таких словарях необходимо подходить дифференцированно.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л., 1965.

² Сороколетов Ф. П. Смысловая характеристика терминов в толковых словарях // Лексикографический сборник. М., 1962. Вып. 5.

³ Берков В. П. Заметки об определении терминов в филологических и энциклопедических словарях//Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976.

⁴ Сороколетов Ф. П. Терминология и лексикография//Теория языка: Методы его исследования и преподавания. Л., 1981.

⁵ Бархударов С. Г. Актуальные задачи лексикографии в области терминов//Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976.

⁶ Тезисы докладов на совещании, посвященном проблеме определения терминов в словарях. Л., 1974.

⁷ Малаховский Л. В. Специальные термины в общем словаре: принципы отбора и толкования: (на материале английской лексикографии)//Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976.

⁸ Кутина Л. Л. Термин в филологических словарях: (к антитезе: энциклопедическое — филологическое)//Там же.

⁹ Комарова Л. Н. О терминологической лексике в «Словаре иностранных слов»// Там же.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ХУСНАДДИН ХАМИДОВ. КАРАКАЛПАКСКИЙ ЯЗЫК XIX — НАЧАЛА XX в.: ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ

ТАШКЕНТ: ФАН, 1986. 221 с.

Вот уже 25 лет канд. филол. наук А. Хамидов занимается сбором и изучением памятников дореволюционной каракалпакской письменности.

Рецензируемая книга посвящена важному периоду в развитии каракалпакского языка (XIX—начала XX вв., по данным письменных памятников), ибо в это время, как отмечает автор, начали складываться современные нормы каракалпакского языка. По нашему убеждению, именно анализируемые в работе источники могут дать представление о каракалпакском языке дореволюционного периода, что убедительно доказывается в предисловии к книге.

Монография состоит из предисловия, четырех глав и заключения.

В предисловии отмечается, что язык памятников данного периода являлся литературным языком, близким к народно-разговорному, на нем были созданы произведения Ажнияза и Бердаха. Язык памятников этой эпохи до сих пор еще не был объектом специального исследования, что и определяет ценность рецензируемой монографии. Автор ставит своей целью изучить исторические условия, способствовавшие возникновению каракалпакской письменной литературы, выявить и описать основные памятники и изучить их язык. В книге дана оценка деятельности русских ученых по сбору материалов и изучению каракалпакского языка до Октябрьской революции. Представляет большой интерес характеристика функционально-стилистических особенностей анализируемых памятников.

Классифицируя дореволюционные каракалпакские письменные источники, автор проясняет отношение их языка к народно-разговорному, с одной стороны, и к староузбекскому — с другой.

Во второй главе исследуется фонетическая система каракалпакского языка, состав гласных и согласных, их особенности в позиционных употреблениях, анализируются закономерности начала и конца слова, изменение звуков под влиянием соседних, реликтовые черты в звуковом строе, а также действие закона сингармонизма в языке изучаемых памятников.

При этом следует подчеркнуть, что анализируемые явления сопоставляются автором с фактами современного каракалпакского языка. В работе указаны конкретные примеры соответствия ряда гласных и согласных звуков. Характеризуя фонетическую

систему каракалпакского языка XIX—начала XX в., автор заключает, что «основы современных фонетических норм каракалпакского литературного языка были заложены уже в XIX веке» (с. 71).

Анализу морфологической структуры языка каракалпакских письменных источников отведена третья глава. В ней детально исследуются все категории частей речи в плане словоизменения и формообразования.

Вкратце характеризует автор степень изученности морфологической структуры тюркских языков, тщательно описываются им корневые и производные формы морфологической структуры каракалпакских слов. Таким образом, автор на основе анализа фактов письменных памятников каракалпакского XIX—начала XX в. классифицирует в формально-функциональном плане грамматические категории, относящиеся к разным частям речи.

Четвертая глава монографии посвящена словообразованию имени существительного, глагола и наречий. Выделены их словообразующие форманты, раскрыты семантика и продуктивность этих документов.

В целом Х. Хамидовым проделана большая работа по изучению фонетических и морфологических особенностей языка изучаемых им памятников. Основные выводы, к которым приходит автор в результате своих изысканий, представляются аргументированными, научно обоснованными. Не вызывает возражений и заключение исследователя, согласно которому «каракалпакский язык XIX—начала XX в. стал новым этапом развития общенародного разговорного языка и началом формирования литературных его норм» (с. 220).

Вместе с тем хотелось бы отметить, что в монографии допущены отдельные фактические ошибки в описании памятников, а также некоторые неточности в интерпретации материала, сопоставляемого с аналогичными явлениями из родственных языков; встречаются и погрешности технического характера. Трудно согласиться с автором, когда он подразделяет морфемы только на «корневые, формообразующие и словоизменятельные» (с. 74). Здесь пропущены, во-первых, словообразовательные морфемы, а во-вторых, не указано деление морфем на основные и дополнительные виды. Основные морфемы обычно обозначают лексическое значение слова (слово-

формы), а дополнительные — грамматическое значение. К основным морфемам относятся первичные корни, корни-основы и производные основы, а к дополнительным — словообразовательные, формообразовательные и словоизменительные аффиксы. К этому же разряду относятся и побочные морфемы, образующие аналитические формы слова, такие, например, как усилительные слова (*ете* 'чрезмерно, очень', *аса* 'наиболее'), усилительные слоги (*кап-* в составе слова *кап-кара* 'пречерный') и ограничительные частицы (*гана*, *-ак*), паронимические наращения (*-най* в составе слова *чай-най* 'чай и что-то другое'), служебные имена, вспомогательные глаголы и послелоги.

В главе, посвященной словообразованию, некоторые словосочетания, такие, например,

как *Шора батыр келген заман* 'в то время, когда пришел Шора-батыр', *кун шыққанда* 'когда взошло солнце', *ат ұстінде* 'на коне', *Едилнин бери йагында* 'на этом берегу реки Едил' и другие, приведены в качестве примера образования наречий, что представляется спорным.

В целом же монографическое исследование Х. Хамидова имеет важное научно-теоретическое и практическое значение и было встречено учеными-тюркологами с большим интересом. Основанная на кропотливом изучении материала работа представляет ценность не только для каракалпакского, но и для тюркского языкознания в целом.

Б. Абилахасимов, И. Ибатов,
Е. Мергенбаев

КНИГА О ВОСТОЧНОМ РЕНЕССАНСЕ

(Р. ГАНИЕВА. ВОСТОЧНЫЙ РЕНЕССАНС И ПОЭТ КУЛ ГАЛИ. КАЗАНЬ, 1988)

Проблема Ренессанса в литературе и искусстве различных народов волнует ученых давно. Известны капитальные труды Н. Конрада, И. Брагинского, Ш Нуцубидзе, А. Лосева, В. Чалояна, А. Гаджиева и других, в которых на основе изучения литературных процессов восточных и западно-европейских народов разработаны теоретические аспекты данной проблемы. Рецензируемая работа, на наш взгляд, вносит немало важный вклад в изучение и по сей день сложного и подчас даже спорного круга вопросов, связанных с Восточным Возрождением. В книге Резеды Ганиевой подчеркивается, что гуманистические идеи творчества поэта XII—XIII столетий Кул Гали вызревали и формировались в эпоху укрепления феодальных отношений, оживления социальных и экономических отношений. Идеи же истоки поэзии автора «Киссаи Йусуф» характеризуются следующим образом: «Ренессансный гуманизм и романтизм Кул Гали опираются на философию неоплатонизма, основанную на эманационном воззрении на мир и трансформированную на булгаро-татарской почве через арабо-персидскую рецепцию» (с. 2).

В названной работе, прослеживая историю ренессансного движения в различных тюркских регионах, в том числе и в Волжской Булгарии, автор отмечает, что тюркский Ренессанс — неотъемлемая часть Восточного Возрождения.

Поэма-дастан Кул Гали «Киссаи Йусуф», известная также под названием «Юсуф и Зулейха», «Юсуп аллагы саламны хабары» или просто «Юсуп», оказала существенное

воздействие на формирование не только булгаро-татарской, но и других тюркоязычных литератур. Некоторые исследователи даже сравнивают роль творения Кул Гали в развитии литературы тюркоязычных народов с той ролью, которую сыграло «Слово о полку Игореве» в исторических судьбах восточнославянских литератур. Однако вопрос о ренессансном характере поэмы, насколько нам известно, впервые был поставлен именно Р. Ганиевой.

Автор отмечает, что Ренессансу — на Западе и на Востоке — было присуще понимание человека «как высшей социально-духовной ценности, разумно-творческого начала природы». Яркое и глубоко индивидуальное творчество Кул Гали оказывается типологически близким именно возрожденческому строю мысли и чувствования; поэт создал свой мир, центральное место в котором принадлежит человеку, его страстям и надеждам (интересно, что влияние Кул Гали испытывали на себе даже и создатели татарской литературы XX в. — романтики и реалисты).

Р. Ганиева стремится к разработке масштабных литературоведческих проблем, при этом не забывая о характерных и показательных деталях, частности, уверенно прописывает фон (говоря языком живописи). Заметим, что сочетание общего и частного, абстрактных рассуждений и конкретного анализа составляет одну из привлекательных особенностей работы.

Перед читателем предстает далекая действительность, причем не просто как сумма социальных и культурных характеристик,

но прежде всего как особое духовное явление мировой истории, как целостный духовный этап, пронизанный новыми идеями, качественно новым пониманием человека. Как отмечает автор, «некоторые поэты Восточного Ренессанса подрывали авторитет ислама, восхваляя разум и красоту человека, объявляя высшей эстетической ценностью любовные чувства своих современников. К этой плеяде художников слова относятся и поэт Кул Гали, воспевавший образ луноликой Зулейхи в таких словах:

О славной Зулейхе сложу рассказ я вам,
Про лунный лик ее скажу — хвалу
воздам...» (с. 82).

Познавательны, интересны главы «История тюркского Ренессанса», «Волжская Булгария — страна городов и ренессансной культуры», в которых анализируются многочисленные исторические источники и художественные тексты, трактующие тему возникновения городов в Поволжье и возвышения среди них таких культурных и экономических центров, как Булгар, Биляр; автор описывает их торговые и политические контакты с Хазарским каганатом, Киевской Русью, Средней Азией, арабо-иранским миром и другими странами. Культура может существовать полноценно, только взаимодействуя с другими культурами: нареды обмениваются товарами и идеями, они перенимают чужой опыт и делятся своим, они неуклонно расширяют границы собственного видения мира, — об этом пишет

автор монографии на примере творения тюркского поэта, в основе которого лежит библейский сюжет об Иосифе Прекрасном.

Весьма содержательными в научном отношении являются главы «Каноничность традиций», «Художественный метод и прекрасное», «Разум и любовь», «Восприятие искусства», «Философичность божественного»; к числу несомненных достоинств работы следует отнести общую ее композиционную, структурную выверенность, четкость членения на главы, а также строго и точно написанные примечания.

Автор подчеркивает мысль о непрерывности литературного процесса на тюркских языках, носители которых входили в различные государственные объединения. Не прерывались связи с древними традициями и в последующие эпохи. Создавая самостоятельные идейно-эстетические ценности в орбите мусульманской культуры в Малой и Средней Азии, Закавказье и Поволжье, творцы тюркских литератур контактировали между собой; взаимообогащаясь, они воспринимали лучшие традиции арабоязычной философии, арабской и персидской литературы. Именно благодаря высокой материальной и духовной культуре волжских болгар-татар, их непрерывным и плодотворным связям с культурами других народов и могла появиться бессмертная поэма Кул Гали «Киссан Йусуф», являющаяся неотъемлемым звеном Восточного Возрождения.

С. Акбиев

О. АЗИЗОВ, А. САФАЕВ, Х. ДЖАМАЛХАНОВ.

УЗБЕК ВА РУС ТИЛЛАРИНИНГ ҚИЕСИЙ ГРАММАТИКАСИ

ТОШКЕНТ: УЎҚИТУВЧИ, 1986. 254 с.

В настоящее время сопоставительное исследование единиц разных уровней языка становится особенно актуальным и необходимым, ибо научные поиски, основанные на методе типологического сопоставления, дают наиболее интересные в научно-теоретическом и полезные в прикладном плане результаты.

Книга коллектива авторов О. Азизова, А. Сафаева, Х. Джамалханова предназначена в качестве учебного пособия для студентов узбекских филологических факультетов педагогических институтов и университетов.

В работе дан сопоставительный анализ данных узбекского и русского языков по всем разделам (фонетике, лексике, морфологии и синтаксису), при этом метаязыком выбран узбекский.

7 «Советская тюркология» № 1

В разделе «Фонетика» сопоставительному исследованию подвергнуты системы вокализма и консонантизма, рассмотрены фонетические явления адаптации (аккомодации, ассимиляции), вариации фонем, обусловленные парадигматическими и синтагматическими факторами, конструктивные и коммуникативные свойства слога и ударения в фонетическом строе сопоставляемых языков.

В разделе «Лексика» приводится сопоставительная характеристика лексических подсистем узбекского и русского языков, рассматриваются вопросы развития лексического значения, омонимии, синонимии, антонимии, социально-диалектная и экспрессивно-стилистическая характеристики лексики, активная и пассивная лексика, а также фразеологизмы, относящиеся к лек-

сическому пласту рассматриваемых языков.

Наиболее полно описана морфологическая подсистема русского и узбекского языков, осуществлен систематический сопоставительный анализ их морфологического строя. Авторы устанавливают номенклатуру классов и подклассов слов, сгруппированных в зависимости от их форм, значений и функций в так называемые части речи; в книге зарегистрированы те или иные универсальные или уникальные категории, выявлены как изоморфные, так и алломорфные черты сопоставляемых языков (ср., например, вопрос о категориях принадлежности, рода, числа и падежа у существительных узбекского и русского языков).

Благодаря сопоставительному анализу синтаксического строя рассматриваемых языков установлены как общие, так и отличительные черты их по следующим типам синтаксических единиц: словосочетанию, простому и сложному предложениям (с. 169—245).

В целом в работе охвачен широкий круг проблем, относящихся к различным уровням грамматической иерархии узбекского и русского языков. Материал для проведения сопоставительного анализа обширен и удачно подобран.

В книге имеются, с нашей точки зрения, некоторые недостатки и упущения.

В разделе фонетики нет сведений о фонологии как разделе языкознания, исследующем семиологическую релевантность и функциональные свойства звуков, звукоочетаний и просодических средств. Говоря о слоге, автор не оговаривает потенциальной предрасположенности консонантов к слогаобразованию в структуре слов в сопоставляемых языках (с. 44—45).

В лексической подсистеме сопоставляемых языков хотя и рассматриваются такие понятия, как омонимы, синонимы, антонимы, но не дается их характеристика как универсальных явлений, присущих любому естественному языку, и не рассматриваются вопросы их соотношений. Кроме того, некоторые суждения об омонимах весьма категоричны и противоречат последующим выводам авторов:

Ср.: «а) в обоих языках лексические омонимы принадлежат к одной и той же части речи» (с. 55);

«б) в обоих языках омонимические формы могут принадлежать к различным типам частей речи» (с. 56).

Анализируя абсолютные синонимы, авторы категорично отмечают, что они абсолютно равноценны во всех отношениях, даже в стилистическом (с. 59). На наш взгляд, абсолютные синонимы крайне редко, но встречаются, однако следует учитывать, что они не могут быть равноценными во всех отношениях, ибо принцип экономии средств в языке и само обоснование синонимии свидетельствуют о том, что по своей природе и семантике синонимы могут вза-

имозаменяться, но эта взаимозамена также условна и ограничена чаще всего именно стилистическими факторами в их функциональном аспекте (ср. синонимы абсолютные: *сурат — расм, хабар — дарак, языкознание — языковедение* на с. 58), ибо сама идея о происхождении синонимов вообще исходит из их расположенности, привязанности к определенным функциональным стилям речи. В пособии нет также таких лексических понятий, как жаргон, слэнг, хотя факты арготизма приводятся (с. 62). В анализе фразеологических подсистем лексики дано, на наш взгляд, неправильное толкование фразеологизмов, характеризующихся омонимичностью, а не полисемичностью, как утверждают авторы (с. 69), поскольку в полисемантических единицах обычно имеется общая семантическая нить, пронизывающая все элементы семантического гнезда.

В сопоставительном описании категорий существительных нет данных о явлениях изафета или плеоназма, хотя они присущи категориям принадлежности узбекских существительных (*менинг китобим, ушнинг китоби, сенинг китобинг* и т. п.).

Нет сведений о супплетивном способе образования степени прилагательных типа *плохой, хуже, худший, хороший, лучше, лучший* в русском языке и т. п. (с. 112—113).

Приведенный в книге перечень подчинительных союзов нам представляется неполным (нет союзов уступительных, причинных, следственных и т. п. — с. 164—165).

В разделе синтаксиса, как и в других, по нашему мнению, целесообразно было бы вступительной части выделить основные вопросы и категории данного раздела, его подсистемы и подуровни с закрепленными за ними конкретными единицами, указав на их соотношения. Это особенно важно в разделе синтаксиса, где необходимо было бы выявить специфические черты, присущие каждому из рассматриваемых языков.

То же можно сказать и о перечне типов словосочетаний, а именно адъективных, адвербиальных (наречных), местоименных (прономиниальных), оппозитивных, где ядром выступают соответственно прилагательные, наречия, местоимения и др. (с. 175—193).

Имеются и терминологические погрешности в материале узбекского языка типа: «диалектизм—маъно» («диалектизм лексико-семантический»); «диалектизм—сўз» («собственно лексический диалектизм»); «архаизм—сўз» («собственно лексический архаизм»); «архаизм маъно» («семантический архаизм»); «неологизм—сўз» («собственно лексический неологизм»); «неологизм—маъно» («семантический неологизм») (с. 65—66), которые можно дать соответственно на узбекском языке: «лексик-семантик диалектизмлар»; «соф. лексик диалектизмлар»; «соф. лексик архаизм»; «семантик архаизм»; «соф. лексик неологизм»; «сема-

тик неологизм» — по разделу «Лексика», а также по «Синтаксису»: «фёльга — фёль эргашувидан тузилган сўз бирикмалари» (словосочетания типа глагол+глагол) (с. 191); «ҳаракат номи, сифатдош билан фёьлдан тузилган сўз бирикмалари» (словосочетания типа действие+глагол или причастие + глагол), которые целесообразно было бы назвать «компонентлари ҳаракат номи ва фёьлдан ёки сифатдан ва фёьлдан ташкил топган сўз бирикмалари». «компонентлари фёьлдан иборат бўлган сўз бирикмалари» и т. п.

В некоторых разделах материал представлен наглядно при помощи матриц или таблиц, однако не везде эти таблицы содержат межъязыковые корреспонденции, аналогичные или эквивалентные толкования

и т. п., отчего работа во многом проигрывает.

Указаны как изоморфные, так и алломорфные черты узбекского и русского языков, однако факторы, обуславливающие их, не оговорены.

Высказанные замечания, как мы считаем, подтверждают, что работа не основана на строгой методике сопоставительного анализа. Думается, при переработке для последующих изданий книга обретет более системный характер.

В целом работа представляет собой полезное пособие для изучающих узбекский язык в сопоставлении с русским.

*А. Н. Нурманов, М. Д. Рахимов,
Г. М. Хашимов*

И. А. АБДУЛЛИН. ОПИСАНИЕ ПЕРВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПЕЧАТИ НА ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ ПЕРИОДА РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГОДОВ

КАЗАНЬ: ТАТКНИГОИЗДАТ, 1986. 4. 220 с.

БОЛЬШЕВИСТИК СУГЫШЧАН СУЗ: ТӨЗҮЧЕСЕ ҺӘМ КЕРЕШ СУЗ, ИСКӘРМӘЛӘР АВТОРЫ И. А. АБДУЛЛИН

КАЗАН: ТАТКИТНӘШР, 1987. 280 бит.

Успешное исследование истории литературного языка невозможно представить без надежной источниковой базы — широкого круга лингвистически аннотированных и квалифицированно изданных научно-критических текстов по всем стилям и периодам его развития. Произведения зарождающейся в Поволжье и Приуралья марксистской литературы (в первую очередь листовки и брошюры Казанского, Уфимского, Оренбургского и других местных комитетов РСДРП за 1903—1907 гг.) являются именно таким ценнейшим лингвистическим источником при исследовании истории формирования татарского национального литературного языка.

На рубеже двух веков разрыв между литературным и общенародным языками у татар достиг критической точки. Консервативная часть общества пыталась сохранить статус старого тюрки, люди других убеждений стремились навязать чуждый общетюркский литературный язык на турецкой основе, сходясь с первыми в одинаковом презрении к языку народа, не способному (по их мнению) выражать абстрактную мысль. В этой сложной языковой ситуации марксисты избрали единственно правильный путь — говорить и писать просто и ясно, доступным массе языком. Верно

определив ведущую тенденцию развития литературного языка, выразившуюся в движении по демократическому пути, они еще до зарождения татарской периодической печати сыграли огромную роль в становлении революционного публицистического стиля и образовании марксистской социально-политической и философской терминологии на татарском языке.

Между тем разбросанные по различным архивам, музеям и частным коллекциям первые произведения татарской марксистской литературы оставались вне поля зрения не только лингвистов, но и обществоведов. Достаточно сказать, что из 71 названия листовок и брошюр Казанского комитета РСДРП, введенных И. А. Абдуллиным в научный оборот, даже специалистам-историкам было известно не более десяти. Результатом многолетних поисков и изысканий исследователя явился сборник листовок и брошюр Казанского комитета РСДРП, изданный под названием «Большевиктик сугышчан сүз» («Боевое большевистское слово»).

Сборнику предпослано обширное «Введение», в котором дан очерк издательской деятельности местных социал-демократических комитетов накануне и в революцию 1905—1907 гг. На основе архивных источ-

ников, протоколов съездов партии, переписки В. И. Ленина с Казанским комитетом РСДРП и отчетов комитета автору удалось раскрыть непосредственную роль пролетарского вождя в создании большевистской печати на татарском языке — совершенно новую страницу в Лениниане. Среди богатейшего фактического материала, впервые использованного в сборнике, обращает на себя внимание примечательный документ — отчет Восточного бюро ЦК партии от 15 сентября 1905 г. Заграничному бюро ЦК, возглавляемому В. И. Лениным: «Среди татар распространяются листки Комитета на татарском языке (печ.). Возникают затруднения, например, на татарском языке нет слова „свобода“, приходится брать с арабского или переводить словом „простор“» (с. 5).

В рамках рецензии нет необходимости в тематическом анализе прокламаций, содержащих, как пишет автор, политическое, правовое и экономическое обличение капитализма и всесторонне раскрывающих важнейшие положения марксистской политэкономии, философии, научного социализма, пропагандирующего ленинское учение о пролетарской партии. Такой анализ проделал составитель. Ограничимся для наглядности лишь кратким перечислением листовок и брошюр, включенных в сборник. Это переводы первой Программы партии, принятой на II съезде РСДРП, брошюр «Пауки и мухи» В. Либкнехта и «Что такое рабочая партия?» Я. М. Свердлова, воззвания ЦК партии, призывающей к вооруженному восстанию, и т. д. В особый раздел включены дооктябрьские переводы произведений В. И. Ленина, давшие начало татарской Лениниане. По существу, это первые переводы ленинских произведений на тюркские языки. Поэтому значение сборника как источниковой базы для освещения истории распространения марксистско-ленинского учения среди тюркских народов трудно переоценить.

Отметим высокий текстологический уровень издания. Как известно, все листовки и брошюры (за исключением двух) были гектографированы с рукописного текста. Однако для получения четкого оттиска текста требовалось изготовить вручную (в зависимости от тиража) несколько трафаретов каждой страницы прокламации. А это не могло не привести к неизбежным разночтениям лексического и морфологического характера, к пропускам не только отдельных слов, но и целых фраз. На основе текстологического анализа всех сохранившихся списков и копий прокламаций составителем был выбран наиболее полный критический текст, свободный от искажений и сокращений. В необходимых случаях вставлялись выделенные особым шрифтом те или иные слова и фразы, имеющиеся в других списках (или в другом списке), с указанием в сносках источников (см.: с. 46—49, 100—101, 113 и др.). В тех же

сносках отмечались отдельные фактические ошибки, вкрадшиеся в татарский перевод (см.: с. 75, 104, 135, 173, 199, 227), или исправления переводчика (с. 76, 105).

Весьма эффективным оказался прием выделения курсивом вставок и различных добавлений, внесенных переводчиком. Такой прием, впервые примененный составителем в «Избранных произведениях» Г. Кулахметова (Казань, 1981), помог лучше уяснить деятельность казанских большевиков по интернациональному воспитанию трудящихся (см.: с. 45, 105—106, 123 и др.), их позицию по отдельным вопросам политики, тем или иным событиям в стране и в рабочем движении (с. 43—44, 53, 57, 64—65 и др.).

Каждый текст снабжен соответствующим комментарием, в котором определено, является ли текст оригиналом или переводом (с какого языка или через какой язык), установлены авторы ряда произведений, обоснована их датировка, приведены сведения о тираже, списках и т. д.

Все это потребовало предварительной текстологической работы, которая вылилась в самостоятельную монографию «Описание первых произведений...», послужившую солидной базой для данного сборника. Это и закономерно. Изучение текста произведения начинается с выявления его списков, и только привлечение всех доступных списков гарантирует исследователя от непредсказуемых ошибок. В монографии приводится типичный случай, когда объектом историографических и лингвистических изысканий послужил фальсифицированный через двадцать с лишним лет перевод листовки «Товарищи татары!» (февраль 1905 г.), тогда как в казанских и московских архивах хранились шесть ее подлинников, но под названием «Мөселман кардәшләре!», о существовании которых не знал ни один из маститых исследователей (с. 9—10).

Это беда не только татарских филологов и историков. В различных архивах, музеях, библиотеках и частных собраниях страны хранятся десятки и сотни тысяч тюркоязычных рукописей и документов, о которых специалисты ищут весьма смутное представление по причине отсутствия описания большинства из этих рукописей. Да и из существующих каталогов (за редким исключением) ввиду их несовершенства трудно получить необходимые сведения о рукописи. Поэтому Советским комитетом тюркологов наряду с созданием полных, отвечающих современным требованиям описаний рукописей была поставлена задача усовершенствования и унификации их схем. Эта работа была возложена на группу археографов, в которую вошел и И. А. Абдуллин.

На основе кропотливого изучения опыта каталогизации славяно-русских, арабо-персидских, армянских, романоязычных и тюркоязычных рукописей; вышедших у нас в

стране и за рубежом, И. А. Абдуллиным была разработана и апробирована на различных совещаниях примерная схема описания тюркоязычных рукописей, которая публикуется в данной монографии (с. 18—30). Правда, она скромно названа «Схемой описания гектографированных с рукописного текста листовок и брошюр». Однако, исключив дополнительные элементы (сведения о тираже, грифе, лозунге, имени издателя, качестве оттиска), введенные автором для данной монографии, мы получим ту же схему описания рукописей.

Элементы описания сгруппированы по пяти основным разделам: А. Вводные данные; Б. Основные сведения о произведении; В. Внешние данные списка; Г. Язык; Д. Дополнительные сведения. При этом, исходя из совета акад. Д. С. Лихачева, согласно которому «сведения, помещаемые в научных описаниях тем надежнее, во-первых, чем они более расчленены, во-вторых, чем они более формализованы, в-третьих, чем точнее указываются их основания, в-четвертых, чем определеннее и точнее указаны степени их вероятности, степени точности»¹, схема расчленена с соответствующими пояснениями на отдельные элементы внутри указанных разделов. Подобная детализация и максимум необходимых и разносторонних сведений не только расширяют представление о рукописи, облегчают выявление и последующую идентификацию новых ее списков, но и оберегают от возможных ошибок. Подробно разработана методика датировки, атрибуции, определения языка и т. д.

Несколько слов еще об одном нововведении, мимо которого трудно пройти. Речь идет о разделе Г. Акад. А. Н. Кононов в одном из своих докладов выразил сожаление по поводу скудости чисто лингвистического материала в существующих каталогах рукописей. «Тюркологи-филологи, описывающие тюркские рукописи, — говорит он, — останавливаются на полпути: ограничиваются лишь археографическим описанием рукописи, а фонетико-грамматико-лексикологическое ее изучение оставляется другим лицам»². Одной из отличительных особенностей рассматриваемой схемы описания является многоплановость лингвистической характеристики каждого произведения. Разумеется, при стесненности издательских возможностей мы бываем вынуждены прибегать к краткому варианту схемы. Однако при сжатости и формализо-

ванности стиля изложения автор сумел в небольшой по объему книге описать более 250 списков, ни на йоту не отступая от схемы.

Да и можно ли назвать лишними такие элементы, как определение оригинальности или переводности произведения, степени соответствия оригиналу (или отдельным его редакциям либо изданиям), указания на сокращения и, наоборот, внесение добавлений в перевод или в список, когда первой обязанностью текстолога является установление критического текста? Замена ли к чему не ведущих определений («старотатарский», «тюрки», «татарский» и др.), вызывающих лишь недоумение и споры, кратким анализом конкретных особенностей языка рукописи на всех уровнях (фонетики, морфологии, лексики, реже синтаксиса), включая и особенности стиля (книжность, общенародность языка, наличие диалектизмов или разговорных форм), орфографии и графики, помогает исследователю легче ориентироваться в материале. Подобный расчлененный и формализованный анализ предполагает эрудицию и общую культуру исследователя; требует он и больших затрат времени. И отрадно констатировать, что проведенное описание каждого произведения, превратившееся в самостоятельное мини-исследование, осуществлено в книге на достаточно высоком археографическом уровне.

Еще в 1985 г. в Уфе была опубликована брошюра «Вопросы описания и каталогизации восточных рукописей Южного Урала», в которой на суд читателей представлены схемы описания произведений разных жанров. В разработке схем приняли участие археографы разных регионов, в том числе и автор рецензируемых трудов. Не пора ли опубликовать на страницах «Советской тюркологии» аргументированный проект усовершенствованной и унифицированной схемы описания тюркских рукописей (в ее полном и кратком вариантах)? Это ускорило бы установление взаимоприемлемого для всех регионов варианта. За основу проекта можно взять и схему И. А. Абдуллина, разработанную, как заметил ответственный редактор монографии Э. Р. Тенишев, с учетом достижений советской и мировой археографии и являющуюся наиболее подробной среди существующих каталогов тюркских рукописей (с. 111).

Разумеется, в монографии можно найти и отдельные недочеты. К ним мы бы отнесли некоторое увлечение историей создания произведения (а не рукописи). Вызывает недоумение отсутствие обещанных на с. 29 и в оглавлении пяти указателей. Транскрипция текстов в сборнике осуществлена только средствами современного татарского алфавита. Между тем его возможностей не хватает даже для передачи специфиче-

¹ Лихачев Д. С. Задачи составления методики описания славяно-русских рукописей//Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С. 237.

² Кононов А. Н. Некоторые вопросы дальнейшего развития тюркского языкознания в СССР//Сов. тюркология. 1978. № 2. С. 6.

ских звуков самого татарского языка. Пришла пора издать второй выпуск описаний произведений марксистско-ленинской литературы и сборника их текстов, над которыми на протяжении многих лет трудится автор (причем в лучшем полиграфическом исполнении).

Однако все сказанное связано с трудностями издания письменных памятников на

местах, но отнюдь не умаляет значения рецензируемых работ. Перед нами капитальные исследования, открывающие не только новое направление в татарской филологии, но и представляющие собой крупный шаг в деле становления и развития тюркской текстологии и лингвистического источниковедения.

И. Галаятдинов

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

XV ПЛЕНУМ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

31 мая—1 июня 1989 г. в г. Уфе состоялся очередной, XV, пленум Советского комитета тюркологов при Отделении литературы и языка АН СССР. Пленум открылся докладом председателя СКТ чл.-корр. АН СССР Э. Р. Тенишева (Москва) о 15-летней деятельности СКТ*.

31 мая на утреннем заседании был заслушан доклад д-ра ист. наук Р. Г. Кузеева (Уфа) и канд. ист. наук Ш. Ф. Мухамедьярова (Москва) «Этногенез и этнокультурные связи тюркских народов Поволжья и Приуралья», в котором авторы поставили вопрос о более строгой хронологической оценке проникновения тюркских этносов в Восточную Европу и критиковали недостаточно обоснованные попытки удревления истории отдельных тюркских народов на этих территориях. Канд. ист. наук А. Х. Пшеничнюк (Уфа) рассказал о раскопках курганов скифо-сарматского времени (III—II вв. до н. э.) в Южном Приуралье археологами Башкирского научного центра.

На вечернем заседании канд. ист. наук Я. Р. Дашкевич (Львов) сообщил о планах издания Археографической комиссией АН УССР серии исторических источников, в том числе: «Хроники армянских общин Львова и Каменца-Подольского XVI—XVII вв. (на кыпчакском языке)», «Документы армянской общины Каменца-Подольского конца XVI—начала XVII в. (на кыпчакском языке)», «Ярлыки ханств Восточной Европы XIV—XVI вв.».

В совместном докладе докторов филол. наук Т. М. Гарипова (Уфа) и А. Н. Гаркавца (Алма-Ата) рассмотрены проблемы национально-русского и русско-национального двуязычия в республиках Урало-Поволжья, Средней Азии и Казахстана.

Д-р филол. наук З. Г. Ураксин (Уфа) проанализировал современное состояние и перспективы развития башкирского литера-

туроведения, фольклористики, языкознания и искусствоведения. Он особо подчеркнул необходимость признания старописьменного характера башкирского литературного языка. Докладчик остановился на задачах расширения сферы и методов исследований башкирских филологов — развитии математических методов в лексикографии, более широком изучении источников на восточных языках. Он коснулся также трудностей издания языковедческих трудов.

На утреннем заседании 1 июня продолжалось слушание научных докладов. В коллективном докладе кандидатов филол. наук Э. Ф. Ишбердина, Р. Х. Халиковой и И. Г. Галаютдинова (Уфа) предложена следующая периодизация башкирского литературного языка: донациональный (с XIII по конец XIX в.) и национальный периоды, с подразделением каждого на 4 подпериода в зависимости от ориентированности структурных элементов на письменную-литературные или народно-разговорные формы речи. В своем сообщении канд. филол. наук И. Г. Галаютдинов рассказал о деятельности башкирских филологов по сбору рукописного наследия на территории Башкирии и сопредельных регионов, проблемах паспортизации, определения языковой базы, картографирования памятников.

Канд. филол. наук Н. Т. Зарипов (Уфа) подробно остановился в своем докладе на вопросах изучения эпоса об Идее и проблемах его культурно-исторической и этноязыковой интерпретации. Докладчик считает, что при бытовании эпоса в различной национальной среде — у башкир, казахов, каракалпаков, ногайцев, татар и узбеков — происходило постепенное стирание конкретных исторических черт прототипов главных героев, обрастание повествования фольклорными мотивами и перенос акцента на идейно-нравственное содержание повествования — борьбу добра и зла.

В сообщении д-ра филол. наук Г. Ф. Благовой (Москва) отмечалось, что текстологический анализ «Бабур-наме» показывает

* Доклад опубликован в журнале «Советская тюркология» (1989. № 5).

взаимодействие средневековой литературы и фольклора, а в языковом отношении — взаимодействие чагатайского литературного языка и фольклорного стиля.

В прениях по докладам выступило 17 человек.

Д-р филол. наук Н. Х. Максютова (Уфа) горячо отстаивала необходимость дальнейшей публикации значительных диалектологических материалов, собранных в Башкирии, — словарей диалектов и говоров, диалектологического атласа. Она внесла также предложения о возобновлении региональных диалектологических конференций, о создании тюркологического центра в стране и целевых вспомогательных центров, высказалась за то, чтобы одно из заседаний следующего пленума СКТ посвятить вопросам диалектологии. Н. Х. Максютова, как и ряд других ораторов, указала на необходимость усиления информативности журнала «Советская тюркология».

Канд. филол. наук Е. З. Кажибеков (Алма-Ата) коснулся проблем статуса государственного языка на уровне союзных республик и Союза и их соотношения, а также затронул вопрос создания тюркского научно-культурного центра близ Алма-Аты.

Канд. филол. наук А. А. Камалов (Уфа) подчеркнул значение топонимов для локализации древних тюркских (башкирских) племен в Южном Приуралье, отмеченных источниками здесь в IX—X вв.

Д-р филол. наук К. М. Мусаев (Москва) обосновал необходимость пересмотра вопросов истории отдельных тюркских народов, переходя по преимуществу к созданию историй регионов, выходящих за пределы административных единиц. В сфере функционирования национальных языков он выделил проблемы их нормализации. Следует, как указал оратор, уделить пристальное внимание подготовке кадров, так как нынешний уровень знаний не соответствует современным требованиям. Возможность увеличения тиража журнала «Советская тюркология» напрямую связана с четкостью выпуска номеров и разнообразием их содержания. Выступающий поднял вопрос о создании общества тюркологов.

Канд. филол. наук И. В. Кормушин (Москва) выступил с предложениями по улучшению организационной деятельности СКТ. Необходимо, сказал он, чтобы пленумы собирались в более полном составе, с большим представительством от республик. СКТ, считает оратор, должен поддерживать движение за создание национально-культурных обществ и выступать с инициативой образования союза этих обществ (на конфедеративных началах) с целью координации программ, выходящих за рамки одного этноса, и для оказания помощи обществам относительно малочисленных этносов. И. В. Кормушин предложил также обратиться в Союз обществ дружбы с народами зарубежных стран с предложением рассмотреть во-

прос о создании общества «СССР—Турция».

Канд. филол. наук К. Н. Велиев (Уфа) высказался за создание общества башкирского языка, а также предложил провести конференцию по тюркскому эпосу. Он коснулся вопросов удревления генетической истории восточно-европейских тюркских народов, понятия «золотоордынская народность», а также направления миграции в регионе Урало-Поволжья.

Канд. филол. наук И. А. Абдуллин (Казань) одобрил идею, высказанную Я. Р. Дашкевичем, о создании в Крыму и на Украине центра тюркологии и планы издания источников. Он поднял вопрос о помощи со стороны СКТ в издании болгарского корпуса Ф. С. Хакимзянова, предложил отдельно издать болгарские глоссы. В споре о соотношении языка фольклора и литературного языка (в связи с докладом Э. Ф. Ишбердина, Р. Х. Халиковой и И. Г. Галляутдинова) оратор придерживается мнения, что язык фольклора — это отработанный, нормированный язык. Он предложил опубликовать и другие схемы описания рукописей, наряду с опубликованной ранее в журнале «Советская тюркология» от имени СКТ.

Д-р филол. наук Ф. А. Ганнев (Казань) высказался за всемерное расширение функций национальных языков, обязательное обучение на родном языке в начальной школе, назвав сохранение языков своеобразной экологией народов. По мнению оратора, при решении проблемы двуязычия необходим научный подход с использованием мирового опыта. Он высказался также за уравнивание в правах союзных и автономных республик и поддержал идею о создании тюркологического общества СССР.

Канд. филол. наук Э. Ф. Ишбердин, отметив большую работу СКТ за прошедший период, выступил с предложениями по усовершенствованию его деятельности. По мнению выступающего, необходимы финансовая самостоятельность СКТ, подыскание спонсоров, введение уплаты членских взносов.

Канд. филол. наук Ф. С. Хакимзянов (Казань) затронул вопрос о подготовке VI Всесоюзной тюркологической конференции в Казани.

Я. Р. Дашкевич осветил ситуацию с тюркоязычным населением в пределах Украинской ССР, а также высказался по некоторым процедурным вопросам созыва пленумов СКТ.

Р. Х. Халикова поблагодарила СКТ за проведение выездного пленума в Уфе. В связи с юбилеем «Советской тюркологии» предложила издать сборник статей. Она указала на необходимость ежегодной публикации состава комитета и его комиссий.

Д-р филол. наук И. Х. Ахматов (Нальчик) говорил об угрозе «экологий» языков малочисленных народов, хранителями которых являются села, при индустриальном

строительстве, когда большие массы иноязычного населения значительно изменяют языковую ситуацию на местах. Такая угроза нависла над башкирским народом в связи со строительством каскада электростанций. Выступающий предложил создать общество тюркских языков, возглавить которое мог бы СКТ.

И. В. Кормушин в реплике заметил, что СКТ координирует научную деятельность, общественными же проблемами целесообразнее заниматься общественным организациям, в частности добровольным обществам.

Д-р филол. наук М. В. Зайнуллин предложил посвятить одно из заседаний очередного пленума СКТ проблемам двуязычия.

Р. Г. Кузев ответил на некоторые замечания по своему докладу. По его мнению, моноэтничный подход еще не исчерпал себя, но полиэтничный позволяет решать вопросы этногенеза более конкретно. От Оки до Урала нет культур, которые мы ранее не называли бы тюркскими, однако во многих случаях впоследствии от этого приходилось отказываться. Удревление без доказательств ведет к нежелательным последствиям. Многие территории от Центральной Азии до Волги были тюркизированы, поэтому возможны различные подходы — как моно-, так и полиэтничный. Термин «золотордынская народность», по мнению Р. Г. Кузеева, корректен: существовала государственность, следовательно, формировалась и народность. При распаде Золотой Орды распалась и формирующаяся народность. Как заметил выступающий, заселение башкирами нынешней территории произошло с запада, причем в дальнейшем происходили и неоднократные дополнительные миграции тюркских племен. В связи с проблемой государственных языков национальных республик В. Г. Кузев высказался за дифференцированный подход с учетом местных условий.

На этой же проблеме остановился Т. М. Гарипов. Термин «государственный язык», по его мнению, скомпрометирован отрицательным отношением В. И. Ленина к обязательному государственному языку. Однако, если считать, что ситуация в настоящее время изменилась, необходимо изменить и подходы к решению этих вопросов, например, применяя синонимичные термины: официальный, или деловой, язык. Определение же статуса национального языка следует проводить гласно, путем всенародного обсуждения.

Ш. Ф. Мухамедьяров информировал пленум о возможных подходах к созданию фонда письменности и культур тюркских народов. Участники пленума согласились, что наиболее перспективной является идея международного фонда.

Э. Р. Тенишев предложил обменяться мнениями о работе журнала «Советская тюркология».

Н. Х. Максютова: Журнал поступает в

Уфу с перебоями. Хорошо, что наверстывается отставание, заметна работа новой редакционной части. Однако недостаточно публикаций по фольклору и диалектологии, по литературоведению.

Ф. С. Хакимзянов: Журнал изменился не только внешне, статьи стали разнообразнее в теоретическом плане, нет повторений. Хотелось бы больше зарубежных материалов; в то же время надо полнее отражать республиканские издания. Необходима краткая информация об авторах.

М. В. Зайнуллин: Журнал значительно улучшил свою работу. Однако недостаточно концептуальных статей, мало материалов о тюркских народах, живущих за пределами СССР. Желательно улучшить пространство журнала.

Я. Р. Дашкевич: Мы плохо информированы о тюркологических изданиях за рубежом. С помощью ИНИОН можно было бы наладить аннотирование наиболее интересных иностранных публикаций. Нужна рубрика «Над чем работают ученые?».

И. А. Абдуллин: Лучшими остаются тематические номера, посвященные М. Кашгари и «Кутадгу билиг». Следует продолжать традицию таких выпусков. На страницах журнала необходимо вновь обсудить схему описания тюркских рукописей. Надо практиковать заказ на рецензию наиболее интересных трудов.

Э. Р. Тенишев: Уменьшение тиража журнала объясняется постоянной задержкой выпуска номеров и недостатками в их рассылке. Необходимо преодолеть эти отрицательные моменты, а также больше рекламировать журнал. Желательно повысить информативность и разнообразие публикуемых материалов с тем, чтобы всемерно расширить читательскую аудиторию. Увеличение тиража до 5 000 экз. позволило бы ввести «Советскую тюркологию» в категорию самокупаемых журналов, увеличить ее объем и улучшить полиграфическое качество. Помимо тематических выпусков на страницах журнала надо организовывать читательские конференции, проводить всевозможное анкетирование. Целесообразно, как уже здесь говорилось, приводить краткие сведения об авторах, ввести рубрику «Над чем работают ученые?». Но самое главное, надо заказывать и публиковать больше проблемных статей.

Канд. филол. наук А. А. Чеченов (Москва): Авторский коллектив и редколлегия журнала плохо пополняются молодыми силами. При разбросанности членов редколлегии по стране тяжело регулярно собираться. Однако в нынешнем составе мы все же собираемся чаще.

В определенных аспектах работы старый состав редакции был более аккуратен. Обширнее должен быть портфель журнала, что позволило бы более тщательно отбирать и тематически группировать материалы. Создание редсовета журнала даст воз-

возможность расширить общественное обсуждение предполагаемых публикаций.

Участники пленума были ознакомлены с составом редакционного совета и дополнением к составу редколлегии, утвержденным распоряжением Отделения литературы и языка АН СССР от 30 января 1989 г.

С отчетом о работе СКТ за 1988 г. выступил К. М. Мусаев. (Отчет публикуется ниже).

После обсуждения были утверждены план работы СКТ на 1989 г., а также создание

при СКТ новых секций: секции истории тюркских народов (председатель Р. Г. Кузеев) и секции ономастики (председатель Б. О. Орузбаева, зам. председателя И. Г. Добродомов).

Проект резолюции пленума СКТ зачитала Е. М. Напольнова (Москва). После обсуждения резолюция была принята единогласно.

*И. В. Кормушин, Е. М. Напольнова,
О. Н. Каменева*

РЕЗОЛЮЦИЯ

XV ПЛЕНУМА СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ ПРИ ОТДЕЛЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА АН СССР

Пленум заслушал и обсудил доклад председателя СКТ чл.-корр. АН СССР Э. Р. Тенишева о деятельности СКТ, а также ряд научных докладов и сообщений по вопросам этноистории и археологии, проблемам современных национально-языковых взаимоотношений. С удовлетворением были встречены доклады башкирских коллег, свидетельствующие о большой и разносторонней работе гуманитариев Башкирской АССР.

Пленум обсудил научно-организационные вопросы: отчет о работе СКТ за 1988 г., план работы на 1989 г., создание новых секций при СКТ.

На пленуме было проведено обсуждение работы журнала «Советская тюркология», были одобрены предложения бюро СКТ, утвержденные распоряжением ОЛЯ АН СССР, о создании редакционного совета (наряду с редколлекцией) журнала «Советская тюркология», а также о дополнениях в составе редколлегии.

Среди обсуждаемых проблем пленум счел необходимым особо отметить следующие.

1. Пленум считает необходимым возобновление региональных совещаний по диалектологии и истории тюркских языков (1990—1991 гг., Дагестан), а также одно из заседаний следующего, XVI, пленума посвятить предварительному обсуждению некоторых наиболее актуальных проблем диалектологии и диалектографии.

2. Приветствуя большие успехи башкирских археографов, пленум СКТ вместе с тем отмечает, что условия хранения памятников в рукописном фонде Башкирского научного центра все еще не отвечают современным требованиям: недостаточны площади хранения, отсутствуют технические средства пылесбора и увлажнения. Эти вопросы не столь сложны и требуют незамедлительного решения с помощью не только государственных органов, но и общественных организаций.

3. СКТ приветствует возобновление деятельности археографической комиссии АН Украинской ССР и намечаемое издание серии восточных, в том числе тюркских источников на территории Украины. Пленум поддерживает инициативу по созданию на Украине учебно-научного тюркологического центра при одном из университетов.

4. Пленум СКТ горячо поддерживает и одобряет идею создания в СССР национально-культурного центра (или нескольких центров) тюркских народов, в котором бы совмещалась работа культурно-просветительская и научно-исследовательская. Финансирование создания и деятельности таких центров необходимо обеспечивать как со стороны государства, так и через фонды общественных организаций.

5. Пленум СКТ от имени тюркологов страны обращается ко всем, кто боится за судьбу языков и культур тюркских народов, с призывом всемерно активизировать деятельность национально-языковых и культурно-исторических обществ. Пленум считает, что назрел вопрос о создании союза подобных общественных организаций, способного координировать осуществление программ, выходящих за рамки одного этноса, а также оказывать помощь национально-культурным обществам малочисленных народов.

6. Советский комитет тюркологов от имени тюркологической общественности страны обращается к Союзу обществ дружбы с народами зарубежных стран с предложением о создании общества «СССР—Турция». СКТ и другие тюркологические общества и организации могли бы быть его коллективными членами.

О Т Ч Е Т

О РАБОТЕ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ ЗА 1988 ГОД

Работа СКТ проходила в соответствии с планом, утвержденным на XIV пленуме в апреле 1988 г. Все, намеченное планом, выполнено, за исключением пункта относительно проведения внеочередного пленума СКТ по обсуждению планов научно-исследовательской работы Института языка и литературы АН Киргизской ССР. Данный вопрос предусматривалось рассмотреть во время проведения V Всесоюзной тюркологической конференции в г. Фрунзе, однако этого сделать не удалось из-за большой насыщенности программы конференции.

Важнейшим событием отчетного года в области тюркологии стала очередная, V, Всесоюзная тюркологическая конференция в столице Советской Киргизии — г. Фрунзе (сентябрь 1988 г.). Советскому комитету тюркологов совместно с Академией наук Киргизской ССР, ее Институтом истории, языка и литературы удалось провести интересный форум советских тюркологов на должном научно-теоретическом уровне. Значение этой конференции выходит за пределы науки и приобретает важное общественно-политическое звучание. Это событие получило большой резонанс по всей стране. В работе конференции приняли участие тюркологи из всех регионов Советского Союза — всего около 450 чел.

Помимо традиционных проблем тюркологии, таких, как история языка, историческая грамматика, история литературного языка, современные теории грамматики, взаимодействие и взаимовлияние тюркских литератур, история и поэтика фольклора, этническая история тюркских народов, историко-культурные связи тюркских народов, впервые на конференции обсуждались животрепещущие проблемы тюркских языков на современном этапе развития советского общества: проблемы функционирования тюркских языков, двуязычия, терминологии.

Большое внимание уделило конференции руководство республики, члены которого приняли участие в пленарных заседаниях. Работа конференции освещалась средствами массовой информации: Киргизским и Центральным телевидением, радио, печатью. Конференция продемонстрировала возросшую активность советских тюркологов как в научном, так и в общественно-политическом плане, они могли более свободно выражать свое мнение по обсуждаемым проблемам.

Недостатком конференции следует считать обилие докладов и ограниченность времени на их обсуждение. В будущем следует заслушивать меньше докладов, причем посвященных наиболее актуальным проблемам современного этапа развития тюркологии, и создать условия для более широкого обсуждения поставленных проблем.

Советский комитет тюркологов принимал активное участие в проведении международных тюркологических и алтаистических научных форумов. В работе VI Международного конгресса тюркологов в г. Стамбуле (сентябрь, 1988), организованного Стамбульским университетом, приняло участие 18 человек из СССР. На этом конгрессе обсуждались проблемы языка, литературы, фольклора, истории, археологии, этнографии, культуры тюркских народов, по которым с докладами выступили и советские тюркологи. Международный тюркологический конгресс в Анкаре (сентябрь—октябрь), проведенный под эгидой Президента Турецкой республики Турецким лингвистическим обществом (Türk Dil Kurumu), обсуждал проблемы языка и литературы тюркских народов. В нем приняли участие с докладами 5 членов СКТ. В работе очередной сессии Международной алтаистической конференции (ПИАК) в ГДР (июнь 1988 г.) участвовали 5 членов СКТ.

В разработке и составлении «Лингвистического атласа Европы» принимают участие специалисты Татарской, Башкирской, Чувашской, Кабардино-Балкарской АССР, Карачаево-Черкесской АО, Молдавской ССР. Работу возглавляет Э. Р. Тенишев, который был участником очередного заседания составителей атласа.

Под руководством СКТ проведен первый семинар по изучению тюркского фольклора в г. Ташкенте (руководитель Х. Г. Короглы). Проведено совещание составителей «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» в Новосибирске (руководитель Е. И. Убрятова). Готовится по плану «Корпус древнерусских сообщений о тюркских народностях (домонгольского нашествия)» — исполнитель Я. Р. Дашкевич (Львов).

СКТ активно участвует в разработке комплексной научной программы «Проблемы реконструкции тюркского праязыка». В настоящее время она включена в планы научно-исследовательских работ Института языкознания АН Казахской ССР, который является головной организацией. Непосредственный разработчик и координатор — отдел тюркологии и истории казахского языка этого института. Руководитель авторского коллектива — заведующий отделом Е. З. Кажобеков. В 1988 г. составлен детализированный план-проспект программы.

СКТ уделял много внимания совершенствованию работы редколлегии и редакции журнала «Советская тюркология». За истекший год бюро СКТ совместно с редколлегией журнала на 5-ти заседаниях рассматривало различные вопросы, связанные с жур-

налом. В настоящее время редколлегия журнала расширена, создан редакционный совет. В результате к руководству журналом привлечено значительное число ведущих тюркологов страны, представители большинства тюркологических регионов Советского Союза. Несмотря на еще существующие недостатки в работе журнала, следует отметить, что менее чем за два года удалось повысить научно-теоретический уровень публикаций, усовершенствовать технику работы. Благодаря напряженным усилиям редколлегии и редакции удалось обеспечить со второй половины 1988 г. регулярный, в соответствии с графиком, выход журнала. Таким образом, начиная с пятого номера за 1988 год подписчики имеют возможность регулярно получать номера журнала. Есть оправданная надежда, что со следующего года тираж журнала возрастет, поскольку подписчики впервые за 19 лет приобретут уверенность в получении очередных номеров журнала в срок.

За отчетный год бюро СКТ провело 8 заседаний, на которых рассматривались научные и организационные вопросы, относящиеся к различным отраслям тюркологии: языкознанию, литературоведению, фольклористике, истории. Были приняты соответствующие решения.

СКТ работает в тесном контакте с фондом культуры СССР, с его общественно-научным советом по сохранению и развитию культуры малочисленных народов СССР (председатель Э. Р. Тенишев). Среди малочисленных народов СССР имеется много тюркских народов, и вопрос о сохранении их культур и языков стоит весьма остро. Рассмотрены и приняты меры по проблемам языков и культур таких народов, как шорцы, караймы, гагаузы, ногайцы, турки, татары. В настоящее время на местах значительно оживилась работа по решению проблем указанных народов. Этот участок деятельности СКТ будет расширяться в будущем.

Отдельные направления в деятельности СКТ характеризуются разной степенью активности. Наиболее активными являются тюркологи-языковеды, имеющие большие традиции в сотрудничестве представителей различных регионов. Однако, за редким исключением, этого не скажешь о деятельности литературоведов, фольклористов, историков, археологов, этнографов и других, которые пока работают в большинстве своем разрозненно, в этих областях слабы личные научные контакты. Возникает важная задача активизировать работу специалистов через создаваемые секции СКТ.

Необходимо также оживить работу созданных при СКТ различных секций, большинство из которых пока не приступили к работе. Как активизировать их деятельность — вопрос, который может быть решен после специального обсуждения.

Целый ряд перспективных задач требует активной целенаправленной работы всех членов СКТ. Так, уже сейчас необходимо начать работу по подготовке следующего форума тюркологов, который состоится в Казани в 1992 г. Бюро СКТ намерено придать ему более высокий статус — международного тюркологического конгресса с тем, чтобы в нем участвовали не только советские ученые, но и возможно большее число тюркологов зарубежных стран.

Серьезную тревогу вызывает уровень подготовки кадров тюркологов на всех ступенях. Забота о будущем нашей науки требует постоянного повышения уровня подготовки тюркологов. В этой связи не совсем оправданным представляется существующее мнение о том, что подготовка специалистов по гуманитарным наукам можно осуществлять только в пределах соответствующей республики, не обращаясь в центральные научные учреждения. Такой подход, как считают многие тюркологи, приводит к снижению научно-теоретического уровня исследований.

Если смотреть на перспективу развития тюркологии с позиций перестройки и будущих изменений в обществе, то целесообразно подумать о создании ряда новых общественных тюркологических организаций, в частности общества тюркологов, которое охватило бы широкий круг исследователей истории, языка, литературы, культуры тюркских народов и явилось подлинно общественным органом, демократично избирающим свое руководство и осуществляющим широкую программу изучения тюркских народов. Привлекает внимание и идея создания всесоюзного фонда тюркской письменности и культуры, который координировал бы работы по сохранению и развитию культуры тюркских народов. Эти организации занимались бы проведением многих важных мероприятий, например, таких, как конгресс тюркских писателей, научно-практические конференции по культуре отдельных тюркских народов, и в первую очередь малочисленных, утрачивающих свой язык и культуру, и т. д.

Немало и других задач стоит перед советскими тюркологами. Например, необходимо создать в каждой республике, для каждого тюркоязычного народа общество по сохранению и развитию национального языка — «Родной язык». Это будет способствовать осуществлению решений XIX партконференции, которая в своей резолюции записала: «Проявлять больше заботы об активном функционировании национальных языков в различных сферах государственной, общественной и культурной жизни. Поощрять изучение языка народа, именем которого названа республика, проживающими на ее территории гражданами других национальностей, в первую очередь детьми и молодежью» (Коммунист. 1988. № 10. С. 80).

В Западной Европе тюркологами создан Центр по составлению корпуса библиографии мировой тюркологии. Руководитель центра — проф. Л. Иохансон (ФРГ), в него вошли также советские тюркологи Э. А. Грунина, К. М. Мусаев, Д. М. Насилов, А. М. Шербак.

Тюркология в современных условиях приобретает все большее значение как в СССР, так и в мире. Поскольку она является относительно молодой наукой и обращена ко множеству больших и малых народов, перед ней стоит очень много проблем.

СКТ не всегда имеет достаточную информацию о публикациях, планах научно-исследовательских работ, о подготовке кадров по тюркологии в НИИ и вузах страны. Поэтому целесообразно регулярно направлять соответствующие сведения в бюро СКТ.

Для осуществления больших задач, стоящих перед Советским комитетом тюркологов, нужна инициатива со стороны всех его членов и всех тюркологов нашей страны.

К. М. Мусаев, А. А. Чеченов

P E R S O N A L I A

ТОКТОСУН КЕРИМБАЕВИЧ АХМАТОВ

(К 60-летию со дня рождения)

Исполнилось 60 лет со дня рождения известного ученого-тюрколога, члена-корреспондента АН Киргизской ССР, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Киргизской ССР Токтосуна Керимбаевича Ахматова.

Т. К. Ахматов родился в с. Тору-Айгыр Иссык-Кульского района Киргизской ССР в семье крестьянина. В 1950 г. он поступил в Киргизский государственный университет им. 50-летия СССР, по окончании которого продолжил свое образование в аспирантуре. Особое влияние оказывают на молодого ученого такие известные тюркологи, знатоки киргизского языка, как академики АН Киргизской ССР К. К. Юдахин и Б. М. Юнусалиев, общение с которыми стимулировало профессиональный рост Т. К. Ахматова.

В 1959 г. Т. К. Ахматов защитил канди-

датскую диссертацию. Объективные данные, полученные в результате экспериментальных исследований, легли в основу докторской диссертации ученого на тему: «Звуковой строй современного киргизского литературного языка», успешно защищенной им в 1969 г.

С 1957 г. научная деятельность Т. К. Ахматова связана с Киргизским госуниверситетом. Он преподает, исполняет обязанности заведующего кафедрой киргизского языкознания (1974—1986), много сил отдает подготовке учебных пособий, программ для вузов.

Т. К. Ахматов — автор учебников «Современный киргизский язык» для студентов-филологов (в соавторстве с Ж. Мукамбаевым), «Киргизский язык» для студентов-журналистов (в соавторстве с С. Омуралиевой), «Киргизский язык» для русской аудитории вузов (соавторы С. А. Давлетов, Ш. Жапаров, О. В. Захарова), «Введение в языкознание» (соавторы К. Сартбаев, С. А. Давлетов, С. Иманалиев), «Грамматика русского языка» для учащихся 7—8 классов киргизской школы (соавторы А. С. Супрун, В. Д. Скирдов), «Общее языкознание» (учебное пособие).

Перу Т. К. Ахматова принадлежит более шестидесяти научных работ, посвященных самым различным областям киргизского языкознания, в том числе «Таласский говор киргизского языка» (1959), «Звуковой строй современного киргизского литературного языка» (ч. I, 1968; ч. II, 1970) и другие, отличающиеся широким привлечением экспериментальных данных.

Немало молодых исследователей, специалистов в области киргизского языкознания, считают Т. К. Ахматова своим учителем. Под руководством ученого были подготовлены и успешно защищены восемнадцать кандидатских диссертаций.

Свое 60-летие Токтосун Керимбаевич Ахматов встречает в расцвете творческих сил. Коллеги, друзья и ученики Т. К. Ахматова желают ему долгих лет жизни и новых успехов в научно-педагогической работе на благо отечественной лингвистики.

С. Омуралиева, Б. Усубалиев

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Э. Р. Тенишев (Москва). Теоретические основы «Граматики алтайского языка» 3
 Л. А. Покровская (Ленинград). Формообразование и его отношение к словообразованию и словоизменению в тюркских языках 12

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА

- Н. А. Баскаков (Москва). Мукамы в развитии музыкальной культуры тюркских народов 17
 М. З. Назиев (Баку). О некоторых вопросах истории перевода в Азербайджане 26
 И. А. Халипаева (Махачкала). Мифологическое предание кумыков «Окаменевшая Аймеседу» 34

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Г. Ф. Саттаров (Казань). Финно-угорские этно- и антропотопонимы Татарии 41
 Н. Х. Мамедов (Баку). Исторические корни азербайджанско-иранских языковых взаимоотношений 52

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- П. И. Кузнецов (Москва). Морфологическая форма: макроформа и микроформа 63
 И. К. Мирзаев (Самарканд). Структурно-функциональная характеристика стихового переноса (enjambement) в современной узбекской поэзии 70

НАСЛЕДИЕ

- З. Б. Мухамедова (Ашхабад). О послелоге *озал* в туркменском языке 77
 Ш. К. Сатпаева (Алма-Ата). Возвращение поэта. О жизни и творческом наследии Шакарима Кудайбердиева 79

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

- Ж. М. Гузеев (Нальчик). Проблемы определения терминов в энциклопедиях и филологических словарях тюркских языков 91

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Б. Абилхасимов, А. Ибатов (Алма-Ата). Е. Мергенбаев (Нукус). Хуснадин Хамидов. Каракалпакский язык XIX—начала XX в.: по данным письменных памятников 95
 С. Акбиев (Каспийск). Книга о Восточном Ренессансе 96
 А. Н. Нурманов, М. Д. Рахимов, Г. М. Хашимов (Андижан). О. Азизов, А. Сафаев, Х. Джамалхапов. Узбек ва рус тилларининг кнэсий грамматикаси 97
 И. Галлягдинов (Уфа). И. А. Абдуллин. Описание первых произведений большевистской печати на татарском языке периода революции 1905—1907 годов: Большевистик сугышчан сүз: Төзүчесе һәм кереш сүз, искәрмәләр авторы И. А. Абдуллин 99

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

- И. В. Кормушин, Е. М. Напольнова, О. Н. Каменева (Москва). XV пленум Советского комитета тюркологов 103
 Резолюция XV пленума Советского комитета тюркологов при Отделении литературы и языка АН СССР 106
 К. М. Мусаев, А. А. Чеченов (Москва). Отчет о работе Советского комитета тюркологов за 1988 год 107

PERSONALIA

- С. Омуралиева, Б. Усубалиев (Фрунзе). Токтосун Керимбаевич Ахматов (к 60-летию со дня рождения) 110

C O N T E N T S

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- E. R. Tenishev (Moscow). Theoretical base of «The Grammar of the Altay language» 3
 L. A. Pokrovskaya (Leningrad). Derivation of word-forms and its relation to the word-formation and inflexion in the Turkic languages 12

FOLKLORE. LITERATURE. CULTURE

- N. A. Baskakov (Moscow). Mukams in the development of musical culture of the Turkic nations 17

<i>M. Z. Nagiev</i> (Baku). On some questions of translation history in Azerbaijan	26
<i>I. A. Khalipayeva</i> (Machachkala). Mythological legend of the Kumyks «Aymesedu who hardened into stone»	34
ETHNOLINGUISTIC CONNECTIONS	
<i>G. F. Sattarov</i> (Kazan). Finno-Ugric ethno- and anthropotonyms of Tatariya	41
<i>N. Kh. Mamedov</i> (Baku). Historical roots of the Azerbaijanian-Iranian linguistic interrelations	52
MATERIALS AND REPORTS	
<i>P. I. Kuznetsov</i> (Moscow). Morphological form: macroform and microform	63
<i>I. K. Mirzayev</i> (Samarkand). Structural and functional characteristic of overrunning (enjambement) in the modern Uzbek language	70
INHERITANCE	
<i>Z. B. Mukhamedova</i> (Ashkhabad). About the postposition <i>ozal</i> in the Turkmen language	77
<i>Sh. K. Satpayeva</i> (Alma-Ata). The poet's return. About Shakarim Khudayberdiyev's life and creative inheritance	79
LETTER TO THE EDITORIAL STAFF	
<i>Zh. M. Guzeyev</i> (Nalchik). Problems of terms' definition in encyclopedia and philological dictionaries of the Turkic languages	91
CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY	
<i>B. Abilkhasimov, A. Ibatov</i> (Alma-Ata), <i>E. Mergenbayev</i> (Nukus). Хуснаддин Хамидов. Каракалпакский язык XIX—начала XX в.: по данным письменных памятников	95
<i>S. Akbiyev</i> (Kaspiysk). Книга о Восточном Ренессансе	96
<i>A. N. Nurmanov, M. D. Rakhimov, G. M. Khashimov</i> (Andizhan). О. Азизов, А. Сафаев, Х. Джамалханов. Ўзбек ва рус тилларнинг қиёсий грамматикаси	97
<i>I. Galyautdinov</i> (Ufa). И. А. Абдуллин. Описание первых произведений большевистской печати на татарском языке периода революции 1905—1907 годов: Большевистик сугышчан сүз: Төзүчесе һәм кереш сүз искәрмәләр авторы И. А. Абдуллин	99
SCIENTIFIC AND CULTURAL LIFE	
<i>I. V. Kormushin, E. M. Napolnova, O. N. Kameneva</i> (Moscow). The XV Plenum of the Soviet Committee of Turkologists	103
Resolution of the XV Plenum of the Soviet Committee of Turkologists at the Department of Literature and Language of the Academy of Sciences of the USSR	105
<i>K. M. Musayev, A. A. Chechenov</i> (Moscow). Report on the work of the Soviet Committee of Turkologists for the year 1988	107
PERSONALIA	
<i>S. Oñuraliyeva, B. Usubaliyev</i> (Frunze). Toktosun Kerimbayevich Akhmatov	110

© «Советская тюркология», 1990 г.

Технический редактор *Б. М. Абдуллаев*
Корректоры: *А. А. Гусейнова, С. Дж. Эфендиева*

Сдано в набор 13.12.89 г. Подписано к печати 6.04.90 г. ФГ 16074. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 10287. Тираж 2500. Цена 1 руб. 10 к.

Типография издательства «Коммунист», Метбуат проспекти, 529 квартал.

Индекс 70927

Г р. 10 к.

146

КОМСОМОЛЬСКИЙ ПР.

Д. 29 КВ. 11

ЛЕВИТСКОЙ

1 1-12 70975